

С(Т-В)
У-49

ISSN. 0130.531X

УЛУГ-ХЕМ

27 1991

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Союз писателей
Тувинской АССР

УЛУГ·ХЕМ

27 ● 91

ЛИТЕРАТУРНО-
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
АЛМАНАХ

В номере:

Проза: Н. ДОРЖУЕВА, Д. ГУНИЧЕН-
КО.

Поэзия: Е. ТАНОВА, З. НАМЗЫРАЙ,
Х. АРТЫК, С. ОНДУР, Л. КУЦЕВА-
ЛОВА.

Драматургия: Л. БАТУРИНА, М. РАМА-
ЗАНОВА.

Сатира и юмор: Л. ЧЕРЕПАНОВА,
С. БАЙЫР-ООЛ.

Воспоминания: М. ЕРМИШКИНА.

Фольклор: М. ТАТАРИНЦЕВА, М. СА-
РЫГ-ООЛ.

Публицистика: Н. АНТУФЬЕВА.

Критика, литературоведение, искусствове-
дение: З. САМДАН, М. ХАДАХАНЭ,
А. КИЖУГЕТ.

Основан
1946 году.

Выпуск подготовлен
ассоциацией
писательниц Тувы

ТУВИНСКОЕ
НИЖНЕЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЫЗЫЯ —

Редакционная коллегия:

А. А. ДАРЖАЙ, С. В. КОЗЛОВА (редактор),
А. У. КУЖУГЕТ (ответственный редактор),
Г. И. ПРИНЦЕВА, М. А. ХАДАХАНЭ.

Двадцать седьмой выпуск альманаха «Улуг-Хем» на русском языке полностью состоит из творчества женщин.

Это первый целевой выпуск такого рода. Мысль составить и издать чисто «женский» альманах появилась в связи с созданием в Туве 23 марта 1990 года Ассоциации писательниц. В задачи Ассоциации входят, наряду с другими, и пропаганда литературного творчества женщин, помощь им в преодолении порой непростого пути к читателю.

Как всегда читатель найдет в «Улуг-Хеме» знакомые литературные имена и впервые познакомится с теми, кто еще не печатался на страницах альманаха. Но на этот раз все имена: и известные, и неизвестные — женские.

Нелли Доржуева

НАЧАЛО ПОЛНОЛУНИЯ

(Из повести)

...Мама заходит в мою комнату, берет ключ от почтового ящика и уходит. Приносит мне газеты.

Я откладываю вязанье. Руки тихонечко ноют. Особенно руки болят по ночам, я всегда их грею под одеялом — кисти и предплечья. Перелистываю газеты; местные, как обычно, просматриваю вскользь, из центра читаю все подряд. Я только по газетам замечаю, как меняются дни. Мама ходит по дому то быстрее, то медленнее. Позвенела на кухне посудой. У меня в комнате расчесала перед зеркалом волосы. Вот щелкнули замки на ее сапогах, теперь мама надевает пальто.

— Я пошла, дочь! — говорит мама.

— Хорошо, — отвечаю я ей.

Хлопает входная дверь. Мама преподает в двух восьмых классах, что учатся с утра, и в шести четвертых, что учатся с обеда.

Что ж, кажется, пришла и моя пора, думаю я, и складываю газеты. Присаживаюсь на кровати и подкатываю коляску поближе, перекидываю ноги через подлокотник и, придерживаясь руками, опускаюсь в сиденье.

Одеваюсь я своеобразно: толстые вязаные чулки, трикотажные штаны от лыжного костюма; отчего-то у меня всегда мерзнут ноги, и я думаю, будет лучше, если я поберегусь и лишний раз их не остужу; от сквозняков я обвязываю пояс старой шалькой; дальше я надеваю вязаную шерстяную кофточку без рукавов — длинные рукава меня или душат, или мешают мне, сползая с локтей. Хотя я связала себе свитер с большим глухим воротом, надеваю его только изредка. Я мечтаю связать

южноамериканское пончо, удобнес для меня теперь, пожалуй, ничего не может быть: свитер стягивает кожу.

Как странна теперь моя жизнь, кажется, даже природа приспособилась ко мне. Среди зимы, когда световые дни особенно коротки, солнце, низко опускаясь над горизонтом, прямо смотрит в мое окно и своими лучами грест меня и тревожит мне глаза, ведь я лежу лицом к окну. Я закрываю глаза, но оно просвечивает в щель между ресницами желтыми и зелеными всполохами. Стоит мне чуть приоткрыть глаза, как в зрачки ударяет неистовый голубой цвет; стоит сильнее напрячь их, закрытые, как желтый цвет, заливающий глаза изнутри, темнеет: сначала он оранжевый, потом красный и, наконец, черный. Я, проверяя свои познания, открываю и закрываю глаза: как просто можно сосчитать, из скольких цветов состоит радуга. Как мало нужно для гармонии, семь цветов из одного черного — космическая радуга! Что могут значить в мире мои беды, когда все это без меня исчезнет? Ведь планета, как капелька воды, как маленькая призма, как жемчуг, сверкает в безбрежном океане тьмы и не боится своего одиночества.

Одевшись, я оставляю открытой постель, форточку открыла еще мама, и еду на кухню. Но только не поесть, голод бодрит меня, и, наоборот, при полном желудке мне кажется, что вся моя энергия идет на переваривание пищи. Просто-мама, уходя, оставляет в мойке посуду, на все эти мелочи нужна такая прорва времени...

Вымыв посуду, я возвращаюсь в свою комнату и застилаю постель. Кровать у меня громадная, и я помогаю себе приспособлением раскладывать одеяло на постели и застилать его ярким пледом, от пледа у меня хорошее настроение, застилать постель мне легко, потому что она устроена на щите. К щиту я настолько привыкла, что меня только смещат возгласы, мол, как я могу на нем спать; я посмеиваюсь и говорю, что ничегошеньки они не поняли в хитрой сказке Андерсена. Как легко принцессе удалось убедить королевскую семью после ночи, проведенной во дворце, и какие страдания на самом деле ей пришлось пережить при этом, ведь бог знает, сколько чего она перетерпела, пока добралась до дворца и назвалась принцессой. После терний мягкое ложе кажется пыткой, об этом говорили все наимудрейшие мудрецы. Под стая моей кровати, которую не жалко колотить коляской, на стене у меня висит старенький коврик, я рада его ветхости, вообще, я хотела бы, чтобы у меня был коврик, как у Лены Барминой в фильме «У озера», но, впрочем, стоит ли придавать этому такое значение...

Но мой образ жизни подходит не всем. Галка почевала на моей постели, когда мама, попросив ее глядеть за домом, поехала за мной в Прокопьевск. Утром у Галки мучительно болела спина и трудно было ей поворачивать голову на ноющей шее. Она так просто мне это рассказала, так смеялась, словно усомнилась, а правильно ли я делаю. Не поверила, что я испытываю то же самое, когда по какому-нибудь поводу сплю без щита; хуже: ко мне приходят ощущения, что потеряны все мои достижения, будто рушится что-то, скрепляющее позвонки, будто какой студент-практикант из медицинского вынул у меня из спины позвоночник, хотя на самом деле студенты-медики — скромные ребята.

Если утром я лежу в постели, это время все равно не пропадает, я вяжу, и на твердом щите мне легче, ведь на колеблющейся сетке мне трудно поворачиваться с двумя третями парализованных мышц, когда опора под локтем проваливается куда-то вниз. Можно ко всему привыкнуть. Я приняла за шутку Галкино откровение, ведь мы с ней так много пережили, она не могла пошутить иначе, ведь следует шутить всегда, и ведь надо было Галке как-то удивиться тому, что у меня есть теперь. В душе у нее надежда, что когда-то я буду все равно здоровой.

Но иногда бывает очень трудно понять шутку, ведь в шутке большая доля правды. Однажды один человек, так же травмировавший позвоночник, насмешливо сказал мне, что покончит с собой, как только выяснится, что все бесполезно; так сказал, будто я хуже его, что так не говорю. «Уже все ясно,— сказала я ему.— Делай, что хочешь...»

С какой убогой нежностью теперь я отношусь к своим неподвижным членам и не злословлю ни о чем. Надежда, что ожидание свершится, не умирает. Но что может измениться, когда во мне словно два полюса? Мои дерзкие ноги живут своей обособленной жизнью: как резвые лошадки, они начинают сами по себе скакать на подножке, выстукивать свой ритм, я руками придерживаю их, будто боюсь, что они убегут от меня; или ноги вытягиваются, и я скорей ухватываюсь за подлокотники, чтобы не скатиться нечаянно с сиденья на пол; и при всем этом я их не чувствую, им также самим приходится отличать боль от прочего. Как-то я подъехала к окну, еще не одевшись, и нечаянно прижалась коленом к батарее отопительной системы; почувствовала неладное, когда рефлекторно дернулась нога — на колене был глубокий ожог.

Убрала постель, включаю музыку, задорные девчонки «Липс» поют для меня «Хаббл-баббл», на обложке от пластинки они

сидят на эстраде, словно бы чего-то ждут на берегу моря. Я обследовала снимок и решила, что, несмотря на манеру выступлений — я видела их два раза по телевизору, они поют и при этом очень характерно танцуют, — их внешний вид не претендует на нескромность, на лицах почти не заметен грим, прелестна их естественность; девушки кажутся такими домашними, как будто что-то не успели надеть, а морской бриз помешал этому.

Под аккомпанемент я чищу дорожку щеткой, почему-то под такую музыку все делается у меня быстрее, будто я спортсмен, принявший перед стартом допинг. За время уборки я несколько раз ставлю большую пластинку сначала. Но слава богу, что я не знаю текста: если разобраться, я не люблю легкой музыки, и я бы сошла с ума, если бы принимала такие песни всерьез. Такой у меня характер, я необычайно темпераментна, когда разрешаю себе несдержанность. Одна современная певица старше меня всего на два года, а от ее песен я хохочу и ничего не могу поделывать со своей иронией.

Мою пол шваброй, каждый раз еду в ванную споласкивать тряпку под краном, от движений у меня давно разгорячилось лицо; проблему заезжать в ванную мы решили просто, переставив дверь на другую сторону дверного проема и выпилив край в косяке; выезжать из ванной не совсем легко, надо сильно оттолкнуться назад и удержать колеса, перекаtywаясь через маленький порожек. Все, в общем, такие пустяки, но я устаю, как после пробежки. Когда, убравшись, останавливаюсь посередине квартиры и слушаю, как бьется сердце — сухие губы, сухота во рту. «Какой посильный спорт! — думаю. — Я, наверное, никогда не сумею, не сумею приспособиться!» Забывшись, быстро наклоняюсь и тотчас оказываюсь на полу; теперь мне надо забраться на коляску. Сев на подножку и опираясь спиной о сиденье так, чтобы оно скользило под спиною, я забираюсь на коляску, как по катку, держа руками колеса, чтобы они не крутились. Если половину спины удастся вытащить на сиденье, то сесть уже не составляет труда.

Кысбвья ходит вокруг и смотрит на меня своими большими умными глазами. «Что ты, Лиза, так на меня смотришь?» — говорю я ей. Кошка взмахивает хвостом и вскакивает мне на руки, я глажу ее по трескучей шерстке, что очень напоминает мне нейлон: маленькие разряды колют руку; в темноте, когда глажу кошку, вижу голубые искры. «Лиза, Лиза-каприза», — говорю я, кошка лишь мурлычет в ответ.

Я вспоминаю, что однажды смотрела «Курьер», номер журнала был посвящен инвалидам-спинальникам, их проблемам, занятиям и увлечениям. Я с пристрастием разглядывала фото-

графии, особенно запомнилась одна девушка, у которой в руке было спортивное копьё. Лица ее не было видно, только на спину были откиннуты ухоженные волосы, роскошные белые локоны, перед соревнованием инвалидов она, наверное, просидела у зеркала уйму времени, ведь у спинальников не совсем уж много дел, кто как сумеет организовать свой досуг... Я глядела на нее и гадала: кто она, какая она и откуда, ведь земной шар так велик!..

...Если есть воля к жизни, то жизнь становится фантастической.

Когда молчит радио и не работает телевизор, я слушаю шорохи в подъезде и сожалею о своей кроткой инвалидности. Кроткая моя инвалидность — только внешне. Я страдаю, что она заставляет меня лицемерить: сколько людей смотрит на меня с состраданием, и мне приходится делать вид понимающей, что последствия моей травмы уже не только мое личное дело, а всех. Из-за кроткой своей инвалидности я получила квартиру.

Но кроткой я только кажусь. Я лечу мыслями вслед за шагами всегда, когда слушаю шорохи в подъезде. Скольким пришлось поступиться ради меня... Я не перестаю вспоминать ту избушку, что была кровом для нас четыре года, и улица, на которой она стояла, так походила на сельскую. Просыпаясь по утрам, я иногда старалась представить себе, как трещит затопленная печь и как уютно в доме от веселого этого потрескивания.

Летом из избушки выносили половину вещей на улицу, мама снимала с окон даже шторы и оставляла только прозрачный капроновый тюль, легкой паутинкой на стеклах. Просыпаясь по утрам, я медленно разлепляла веки, и матовый свет в комнате нежил мне глаза своей мягкостью. Я думала, что прошла еще одна карнавальная ночь, зачем-то снились мне сны, как многосерийные телевизионные фильмы, каждую ночь — продолжение. Я видела в снах лицо Друга, он никогда не говорил со мною во сне, наверное — не смел. Страхивая остатки сновидений с себя, я думала, что являются они ко мне из-за лета, из-за светлой комнаты. Начинала вязать как заведенная.

В те дни у меня была самая высокая выработка за весь год, мерилом времени было окончание полотна на спицах. Но иногда я все же спохватывалась и выбиралась на улицу под вечер. Вместо крыльца у избушки был настил из досок от стены до самого заборчика через неширокий дворик, вдоль заборчика

была грядка цветов — астр, бархатцев и космеи, которую я любила больше всего; с настила я не съезжала, а останавливалась у края, чтобы можно было рукой дотянуться до топорщившихся соцветий. Вязанье я брала всегда с собою, чтобы не терять времени; я даже поднимала лицо, чтобы смотреть со своего места вдаль на то, что за горизонтом, когда руки делали свое дело. А прямо передо мной качался высокий тополь над крышей дома с соседней улицы.

Минувшее невозвратно,
как будто кануло в омут,
и в сонме ветров просветленных
жалобы не помогут.
Не правда ли, тополь, искусник бриза?
Жалобы не помогут.

От тополя, мыслила я, может быть, по самой прямой — Балгазын и Кызыл-Арыг, а дальше-дальше — пустыня Гоби. Пустыня Гоби приснилась мне, когда я приехала из Прокопьевска, одноклассники уходили в армию, и мне очень хотелось, чтобы с ними ничего не случилось. Во сне я искала их в городе, в каком — не знаю, спрашивала у прохожих случайных:

— Вы не видели моих друзей?

Прохожие пожимали плечами, недоуменно смотрели на меня. Но один сказал, чему-то посмеиваясь:

— Я знаю, где твои друзья!

Я быстро подошла к нему и попросила отвести меня к ним, он взял меня за руку, опять чему-то усмехнулся, моя рука в его руке, наверное, компрометировала меня, и мы оказались на берегу реки, тогда он посадил меня в лодку и сказал, что если я поплыву, то скоро их догоню. Я смотрела сон с недоверием, но так хотелось встречи, что я не решилась прервать его. Лодка тихо струнулась с места и поплыла по мутной воде, серый песчаный берег увиделся мне, и река вдруг исчезла; берег вытянулся на моих глазах и превратился в пустыню с потрескавшейся солончаковой землей. В пустыне было и мое кресло на колесах, я подошла к нему и села, ощутив неожиданное облегчение.

Однокласснику, уходившему в армию после всех, я пересказала свое сновидение, он наклонил голову, подумал и сказал:

— Удивительный сон!

— Что ты! Только и вижу во сне пустыни.

— Ну и что? Значит, голова стала больше понимать, — ответил он, и я кивнула ему:

— Конечно, так просто ничто не приходит!

Сидя возле грядки с цветами, глядя, как пчелы перебирают лапками в цветочных венчиках, я думала, что запомнила два сна о пустынях и, наверное, в них есть особенный для меня смысл. В Туве у речек зеленые берега, не как во втором моем сне, значит, сон о песчаном берегу предупреждает меня, что мне надо преодолеть пустыню в сердце и никогда потом не успокаиваться. Я верно разгадала свой сон, потому что увидела другой.

Я поднималась вверх по крутой лестнице, она висела в воздухе, я видела ее перед собой, но ступала я уже по невидимым ступеням, и позади меня была пустота; стоило мне только взглянуть себе под ноги, как я срывалась вниз и летела с замершим духом, боясь расшибиться, падала на деревья, верхушки которых били меня по лицу, но нижние ветви снова подбрасывали вверх на ту же лестницу, по которой я опять поднималась и видела купы деревьев далеко внизу, которые притягивали меня, снова я летела вниз и снова чудесным образом оказывалась на лестнице.

Этот сон совершенно сбил меня с толку, говорят, что снятся такие сны детям, когда они растут, я — не ребенок и уже не вырасту. Меня больше занимало, что мне снился Друг, он никогда не подходил ко мне и ничего мне не говорил, но глядел на меня, не отводя глаз.

Так я и не знаю, спала я в то лето или бодрствовала во сне. Но откровения снов в то лето просто в конце концов потрясли меня. Однажды сновидения не было, но когда я спала, я услышала, что какой-то голос произнес четыре строчки из стихотворения древнего китайского поэта, специально я их не заучивала, только переписала в синюю тетрадь, во сне же я вспомнила название стихотворения, удивляясь открывшемуся в них смыслу и повторяя слова за тем голосом. Никогда не надо отрекаться от того, что еще не понято.

Так мы спорили с отцом. Он хлопал дверью, и когда возвращался, лицо его не сулило уже ничего, так опущена была кожа его морщинистых век у уголков глаз и мутно колыхались зрачки. Невнятно он говорил:

— Кызым! Доченька!...— И я опускала руки, и уже не могла взять. Однажды отец сидел возле меня в ограде, я глядела на тополь и молчала. Вдруг во двор зашли две девчонки, видимо, перепутали адрес, нас с отцом они испугались, я спросила, что им нужно, а потом объяснила, что они ошиблись; пока я говорила, вдруг отец забурчал у меня за спиной, я повернула к нему голову и спросила:

— Ты что, отец?

— Я знаю...— забормотал он,— они...— и вдруг крикнул:— Выгони их!

— Ты что?.. — опять спросила я.

Девчонки попятились и хлопнули калиткой, я усмехнулась им вслед: вот вам предупреждение, будьте осторожны.

Отец схватился за голову руками и заплакал, наверное, он очень ясно увидел то, какая я была и какая я сижу в коляске, я догадалась, почему он плачет, но стала успокаивать его:

— Ты что, отец?— с жалостью поглядела на его упавшие плечи. — Зачем так?

Бессильными руками он вытирал глаза, но слезы текли и текли по его щекам, не останавливаясь, блестя на солнце, как вода на речных перекатах в яркий день. Вдруг я возмутилась:

— О чем ты плачешь, патриарх?— спросила я.— Меня не волнует, как я выгляжу! (На самом деле еще как волнует, но зачем мне об этом напоминать?) Тебе жаль, что я нездорова, но я теперь имею другое здоровье!

— Да, да!..— сказал отец.

— Не плачь! Я же не плачу, не это главное. Мы должны делать свое дело там, где мы родились. Ламы, шаманы были в Туве еще совсем недавно, а ты не умел читать географическую карту, когда поехал учиться от края. Ты не доучился. Теперь — я, но свое дело я сделаю!

— ЧТО?— спросил отец.

— Ну, не знаю!— сказала я.

Тебе нет дела, что у меня на душе, и мне раньше не было дела, но теперь я удивляюсь, что ничего про тебя не знаю. Ничего ты не понимаешь, уходи!— рассердилась я.

Отец перестал плакать, но все сидел, опустив голову.

— Я еще посижу с тобой,— сказал он тихо.

— Сиди! Но ты надрываешь мне сердце!

— Не часто я сижу с тобой...

— Не часто,— согласилась я.— Но ты всегда делаешь мне больно.

Отец вздохнул.

...Когда мы ехали с отцом в город, потому что мама лежала в республиканской больнице, отец договорился с шофером автобуса и втащил меня в салон. Летом все едут в город, но все, конечно, уехать не могут.

— Вот ведь, сам влез и девчонку приволок!— услышала я чей-то возглас, словно меня ударили по лицу.

Я вздрогнула и повернулась, чтобы увидеть, кто это крикнул, и испугалась. В салоне автобуса сидели только девушки, я испытала какой-то ужас. У всех болезненно блестели глаза и

краснела кожа на лицах, в мгновение я их всех возненавидела. Я ни за что не хотела показать вид, что я робею перед ними, поэтому я прямее выгнула спину, втянула в себя живот и сделала неглубоким дыханием, как перед препятствием. Автобус был на маршруте по спецзаказу, а публика в салоне — какая-то экспедиция студентов из Красноярского педагогического института; каким-то образом я это сообразила, то ли по случайным отрывкам услышанных разговоров, то ли еще как-нибудь, но я смеялась в душе, что мне пришлось ехать в компании с нервными девицами.

Незаметным образом я еще раз всех оглядела: уже никто не обращал на меня внимания. Я усмехнулась: как флаконы с пестрыми наклейками в отделе парфюмерии, забавно, если их содержимое не меняется всю жизнь. Так было пестро в автобусе от разноцветных джинсов и кофточек, по правде, мне это нравилось вообще, но сейчас одежда девушек казалась мне каким-то недоразумением.

«От Махачкалы до Баку волны катятся на боку», — пели студентки, казалось, они сдерживают себя из последних сил, чтобы не начать кричать хором, что дорога скверная, одни ухабы, и пыль скрипит на зубах; чтобы не начать кричать, они, наверное, и запели. Самое обидное было, что дорога действительно оставляла желать лучшего.

Руководителем у девушек был молодой мужчина, каким-то образом я его не заметила вначале, он был в экспедиции с женой и сыном. Выпрыгнув из автобуса, он пробежался до ручья и встал на руки на лужайке. Затем, выпрямившись, он радостно гикнул и начал прыгать. Я обалдела стала на него смотреть. Но отец вдруг подошел к нему и, помявшись, похвалился, что в молодости работал в цирке акробатом. Я напрягла глаза и уши: что будет? Руководитель девушек вежливо выслушал отца, изобразил усталость на лице и пожал плечами, отец не внушал ему доверия. Отец отошел обескураженный, а я, раздраженная на автобус и вообще на все, подумала: ну, неужели неясно, что дело не в этом?!

Руководитель подбежал к окну, из которого какая-то студентка смотрела на него с сыночком на руках. Вытянув руки и скрючив пальцы, он подпрыгнул возле стекла с громким хрипом, изображая рычание грозного зверя, положительно, ему нравилось скоморошить. Я отвернулась и заскучала, ожидая конца остановки.

Ну, почему отец мой жил в таком призрачном, выдуманном мире?! Почему его опыт был лишен пристального взгляда на жизнь? А ведь он читал газеты каждый день, любил статисти-

ческие справочники и научно-популярные журналы, но читал в них только то, что не очень затрудняло его. Он полагал, что одного процесса чтения уже и достаточно, чтобы считать свою жизнь полнокровной, и решительно мог позволить себе послабленья. Однажды он все прерывал и отправлялся в «странствия», по вечерам домой приходил на нетвердых ногах, балансируя телом, как во времена своей цирковой молодости. Я топала ногой па отца: ах, ты опять! И тащила его к постели, он еле попевал за мной, возле постели я толкала его, и он падал на кровать, рассыпаясь дребезжащим смехом. «Если ты встанешь, я тебе задам еще не так!» — говорила я ему, когда он пробовал приподняться: я ставила руки ему на грудь и упиралась изо всех сил, он смеялся и засыпал, счастливый от сознания, что у него такая решительная дочь. До поры, до времени у отца не было никакого желания заглянуть в бездну заранее.

Я уже ни одного его слова не принимала всерьез. Как в детстве все меня трогало, что он сообщал мне из своих справочников, так теперь все, что он читал, казалось мне, непростительным. На каждое новое сообщение отца я говорила:

— И ты этому веришь? Но с какой стати мне верить?

Последний год перед моей травмой он был просто растерян, когда вдруг увидел, как я развернулась на велосипеде перед проезжавшей по дороге машиной.

— Нелля, не ездь так! — робко попросил он меня.

— Не твое дело! — дерзко ответила я. — Ты ведь сам ни перед кем не имеешь ответа!

— Несчастье может быть! — предупредил он, как бы заранее за все страшась.

— Что же мне теперь, каждой машины бояться?

— Себя, себя надо бояться? — сказал отец.

— Как же ты тогда живешь? — рассмеялась я.

— Я осторожен, — смутился он.

— Кому нужна твоя осторожность?

После чего отец закричал, какая я бессовестная. Я тоже крикнула, что намерена ничего не бояться и не слушать его, потому что он ничего не знает.

— Ты как мальчик!.. — терялся отец. — Нельзя так! Ты же девочка!..

— Это только кажется, я все делаю нормально! — отвечала я ему. — Ты меня никогда не обманешь, ничем! — И поворачивалась, чтобы уйти, оставляя отца в напряженном раздумье.

«Мальчик... девочка... какая разница?» — думала я. Больше всего мне не хотелось походить на девчонок, которые заставляли меня просто страдать от их беззащитного вида, но и

быть тупицей мальчишкой я не хотела тоже. Не один раз отец плакал после моей травмы и говорил, что знал, что это случится.

— Ну хватит!— обрывала я его.— Если ты и знал, это не имеет уже никакого значения. Тебе всегда было легко, и сейчас ты все это говоришь, чтобы тебе стало легче, чтобы уйти с чувством, что ты сделал все от тебя зависящее. Ну так иди, я тебя ни в чем не обвиняю, ты все равно ничего не понимаешь!

— Ах, Нелля, что ты такое говоришь?— вздыхал он.

— Надоело!— возмущалась я.— Я тебе говорю, что я тебя ни в чем не обвиняю. Что тебе еще надо? Мне недосуг, я занята делом, не мешай мне!

Оставшись один, отец еще сильнее переменялся, и «странствия» его случались все чаще. Некому стало его стеречь, хоть и раньше он не сильно-то обращал внимание на семью. Он все сильнее изнурялся после своих «странствий», у него болело сердце, но он никому не говорил об этом, сам мало подозревая. Как-то он принес тетрадь, исписанную четким почерком (тщательно была выведена каждая буква), и сказал, что это стихи.

— О чем же они?— спросила я.— Для хороших стихов сначала необходимо совершить открытие, и хороший поэт тот, кто пишет поэмы. Ну чего ты? Нужно просто работать, как все, и все помнить. А стихи, это — басня о стрекозе.

— Почему ты со мной непочтительна?— взмолился отец.— Ты ведь мне все-таки дочь?!

Я удивленно на него посмотрела и усмехнулась.

— Почему ты такая? Раньше ты все легко понимала!

— Но ведь все меняется, нельзя дважды войти в одну реку. Поверь мне, не время рассуждать, когда так хочется, чтобы природа совершила чудо. Но никто не принесет это чудо на чистом блюде, никто, никто не обязан...

— О, как ты непроста теперь!..— сказал отец.

— Я не удивляюсь, что ты так говоришь, я скорее бы удивилась, если бы ты стал говорить наоборот.

Когда я была у отца в Ак-Дуруге, однажды вечером он спросил меня:

— Нелля, почему умерли скифы?

— Ты думаешь, я знаю? Ты уверен в моих знаниях?

— Да, да,— сказал он.

— Ну, потому что, наверное, успокоились в созерцании. Им было достаточно того, чего они уже достигли, им казалось все неизменным. А другие кочевники покорили их.

— Но у них ведь была культура?— возразил отец. Он подумал о древних захоронениях, о курганах, встречающихся в

Центральной Азии чаще, чем где-либо вообще; о деревянных остовах могил из лиственницы — дерева, как металл, не поддающегося топору и не гниющего во влаге; о золотых украшениях, о луках и стрелах; об облике светловолосых воинов, его далеких предков, на языке которых он говорит, и о конях, захороненных вместе с ними. Сколько таких курганов в Туве!

— Да, наверное, у них все было продумано, ведь здесь и тогда был холодный климат. Но ведь у них были родовые отношения, не было машин, медикаментов и врачей. Ты хочешь быть на них похожим? Это невозможно.

— Почему?— спросил он меня совершенно серьезно.

— Потому что нет такой необходимости. Необходимость решает все, а прикидываться бог знает чем — надолго сил не хватит. Я неверно говорю?

Когда отец смотрел по телевизору репортаж о событиях в Иране, я насмешливо спросила его:

— Зачем ты смотришь?

— Как?— поворачивается он ко мне.— Тебе неинтересно?

— Да. Это ведь средневековье! Мне жаль!..

— Но ведь революция?

— Ну и что? Та революция ничего не стоит, которая не умеет себя защищать.

— Хо!..— презрительно говорит отец, и я дергаю его за рукав:

— Ты думаешь, я ничего не понимаю?

— Да,— кивнул он головой.

— А о Курдистане ты забыл? Защищаясь от кого, Иран начал против него свои военные действия? Я не знаю, в чем больше лицемерия: в демагогии или в религии!..

Больше отец не говорил.

Не потому ли я взяла первый том «Истории Тувы» и решила его прочесть, чтобы точно узнать сказочность сюжетов отца. Когда он умер от ишемии, я не поверила его смерти, только рассердилась, но через недолгое время скорбь посетила меня, и мне стало понятным, как мне не достает моего отца, его суматошности и наивности.

Хотя можно ли смириться перед смертью? Он жив ведь в моих мыслях, я неустанно раскладываю перед собой его поступки, где был он прав или неправ. О, надо взять его в сердце хотя бы теперь, думаю я, как же я была жестока, когда говорила:

— Я тебе не просто дочь, я — мыслящий человек.

Когда отец умирал, непонятное беспокойство овладело мной, я просыпалась среди ночи и лежала с открытыми глазами

до раннего утра, глядела на полную луну или на свежее утро в недоумении: что же происходит, почему я не сплю — беспокойство или спокойствие это у меня?

Но однажды после полудня кто-то позвонил в дверь, мама открыла ее и ахнула: на пороге стояла моя старшая сестра. Сестра вошла в дом и устало, торопливо сказала:

— Знаете, почему я приехала?!— И добавила:— Папка умер, я получила телеграмму от тети Вали.

— Отец?!— вскричали мы с мамой.— Отец!? Как же так? Почему мы ничего не знаем?

— Не знаю,— ответила сестра.— Мне надо сегодня же попасть в Ак-Дуруг. Как ходят туда автобусы?

Когда сестра вернулась с похорон отца, я ей сказала:

— Ну расскажи же обо всем!

У нее было смуглое, словно облитое акварелью, лицо.

— Я приехала уже ночью, думала, заблужусь, потому что все забыла, но я услышала, что на дороге говорит женщина, и поспешила за нею, попросила довести, она очень удивилась, сказала, что нам своя, и повела. В доме никого не было, все были где-то на улице, отец лежал в зале, накрытый простынью, в гробу. Я открыла его лицо и стала плакать, тут прибежала тетя Валя и стала плакать вместе со мною.

Тетю Валью отец очень уважал, у нее было еще одно имя — Кускелдей. Повторяя его: «Кус-кел-дей»,— я всегда думала, какое же оно звонкое!

— Ах, отец!— только и сказала я.

— Тетя Валя ждала и маму, но не знала адреса, куда сообщить,— продолжала сестра.— Я ей сказала, что тебя было не с кем оставить.

Адрес брата тоже никому не был известен, он только отслужил в армии и где-то был по своим делам.

— Ах, что говорить!.. Что говорить... Так он ничего и не сделал,— сказала я.— Ах, как я была все-таки глупа!..

— Его хоронили утром, я могла бы и не успеть, если бы поехала только на другой день. Потом был шаман...

— Шаман?!— вскричала я.— Откуда он взялся?

— Не знаю,— ответила сестра.— Во дворе разожгли костер, и он начал шаманить.

— Но как?!— мое изумление не проходило.— О! О!— застонала я.— Я сойду с ума! Какой он был?

— Знаешь ли, обыкновенный...

— А одет?

— В костюме. Обычный, европейский. Поношенный. Чего-то все время стеснялся, держался рукой за горло.

— Все ясно,— сказала я.— Еще один душевнобольной, наверное, у него была черепнозговая травма. Вот безобразие!

— Что ясно?— спросила сестра.— Все ты знаешь!..

— Конечно,— серьезно говорю я.— Мыслимо ли, чтобы этим занимался здоровый человек? А костер был большой?

— Нет, совсем небольшой. Вокруг него сидели кружком.

— А шаман плясал?

— Нет, но он был в каком-то трансе. И еще один седой старик. В огонь бросали кусочки пищи и спрашивали...

— Какой пищи?— перебиваю я сестру.

— Ну, конфеты..— сестра сама недоумевает.

— Конфеты!?— саркастически смеюсь я.

Сестра сердится:

— Перестань! Мне было очень плохо! Шаман сказал, что отец ему ответил: «Я доволен и ни на кого не сержусь!»

— Ну, а что еще?

— Это невозможно!— сказала сестра.— Я больше не могу говорить!— Сестра покачала головой, глаза ее наполнились слезами.

И я смущенно умолкаю, подумав, что отец, слава богу, ни на кого не сердится, а значит, он не сердится и на меня, хотя я больше всех его мучила, но я ведь не хотела ему зла: ах, бедный, разве можно быть довольным своей смертью?! Не похожу ли я на ту женщину?.. Отец рассказывал, как волк напал на людей на чабанской стоянке, и чабан схватил волка руками за голову и прижал ее к земле. «Жена, принеси нож!» — попросил он. Но жена его убежала в юрту, испытывая дурноту от страха: так он держал волка, а волк, выкручиваясь, порвал на чабане одежду и поранил когтями; волка убил помощник чабана, прискакав на коне. В пылу схватки чабан не подумал о прививках и тяжело заболел. Как я возмущалась: что стоило спасти человека?!

Так ясно я представила, как отец сказал то, что передал шаман, будто увидела отца сидящим напротив меня с обиженным лицом; и, наверное, впервые я содрогнулась: боже, о чем же я думаю все время, ведь отец уже никогда не придет, уже никогда я его не увижу!

Потом я снова заговорила с сестрой:

— Я виновата, но разве тебе не было страшно от того костра, ты же не веришь?

— Нет, не верю, но он умер! На похоронах не скандалят...

— Но ведь шаман?..

— Что же делать? Я и сама не могу прийти в себя.

Я киваю головой, но говорю все равно:

— Но ведь шаман!.. Но ведь шаман!..

Сестра вздыхает.

— Как странно все-таки наша жизнь,— продолжаю я.— Одна наша бабушка была «почти барышня», помнишь, она так говорила, а другая курила длинную трубку и чуть ли не всю жизнь жила в юрте. Я читала, что исламские идеологи критикуют марксизм, будто в исламских странах феодализма и капитализма в европейском понимании не было и нет.

— При чем тут исламские страны?

— Ну, мы спорили с отцом из-за них. Так и в Китае... Я читала несколько отрывков из стихотворений древних китайских поэтов, они будто написаны в наши дни, такие человеческие стихи, такие грустные:

С приходом рассвета
во сне я увидел Юаня.
Он тоже, конечно,
не мог обо мне не подумать.
В моем сновиденье
я крепко сжал руку Юаню.
Спросил я Юаня:
«Скажи мне, о чем твои мысли?»

— Отец умер, ничем ему не помочь.

— Да, да, вот именно! Ничем не помочь! Нельзя было помочь, когда он был жив, он ничего не хотел знать. Только у моего отца могли быть такие похороны.

— Ну, права ты, разве легче тебе от этого? Ведь это — горе!

И я молчу, зачем же я вспомнила эти стихи? По тувинскому поверью, души умерших первые дни не покидают родных; может, отец в самом деле глядел на меня, отчего у меня были бессонные ночи, и полная луна была моей собеседницей. Последний раз в предсмертном своем обращении ко мне, быть может, отец, ты размышлял, права ли твоя бессердечная неумная дочь, и решил не губить меня своим презрением, понадеялся, что приму я другой возраст, и будет у меня опыт. Но какой груз у меня на сердце и на душе, если помощи ты, отец, у меня никогда не попросишь, сколько ни буду я сидеть у двери и ждать, ты никогда не придешь.

«С приходом рассвета во сне я увидел Юаня. Он тоже, конечно, не мог обо мне не подумать». Китайское стихотворение пришло мне на память, когда сестра мне рассказывала о похоронах отца. ~~В последнюю минуту~~ да он был еще жив, мы думали с ним друг о друге и не знали об этом. Бодрствуя

ночами, я искала причину своего беспокойства. Человечности желал мне отец, поэтому полная луна была моей собеседницей, ведь и он говорил только с луной, когда умирал в одиночестве. Луна исчезает с рассветом, рассвет приходит с надеждой.

Дарья Гуниченко

КРАСИВЫЙ ДЬЯВОЛ
или
ИСТОРИЯ ЛЮБВИ И ЖИЗНИ
КОЛХОЗНОГО АГРОНОМА

Главы из романа

Дарья Владимировна Гуниченко живет в Балгазыне. Украинка по национальности, рабочая, она уже более двадцати лет связана с Тувой. Но пишет на русском языке о родной Украине, о временах молодости своих родителей, которым и посвящен ее первый роман (сейчас в работе второй). «Красивый дьявол» удивляет не только непривычным для наших дней названием. Этот роман авантюрный, и главный движитель поступков и мыслей его героев — любовь.

*Матери-агроному,
отцу-механику.*

* * *

В деревне Крилиново чайная была, пожалуй, самым заметным зданием среди белых, частью покрытых камышом украинских хат. Она отличалась не только разукрашенной вывеской над входной дверью, но и обширными окнами, розовой штукатуркой снаружи, сверкающей черепицей на крыше и простором внутри. Разросшиеся у самых окон акации, несколько кустов пахучей сирени делали ее еще приглядней. Продавщица лет тридцати, опрятно одетая, приятно улыбаясь, обслуживала посетителей за высокой и длинной стойкой. Столы тянулись в четыре ряда в самый дальний угол зала. На них красовались если не живые цветы, то хотя бы розочки из разноцветной бумаги, сделанные руками трех вежливых официанток.

Как ни странно, в то время, в 60-х годах, чайная была единственным местом, где собирались мужчины и парубки, которые явно желали подражать взрослым. Не столь разговорчивые дома, в обществе суровых супругов, или же стеснительные и скрытные перед возлюбленными, они здесь довольно свободно развивали свою речь, часто касаясь работы, личных дел и, конечно, не упуская случая перебраться словом-другим, как бы между прочим, о прекрасной половине человечества.

Сегодня, в такой ранний час, чайная шумела посетителями. Гул их говора смешивался со звоном бокалов, пивных кружек. Заметим, что мужчин привлекало больше всего свежее пиво, которое, кстати сказать, редко завозили в эти глухие места. Было здесь много и приезжих, особенно молодых механизаторов, которых всегда не доставало в бригадах.

Стол на правом крыле, с богатой закуской и наполовину выпитым графином пива, особо обращал на себя внимание. Яркий луч солнца, играя в стекле кружек и добавляя золотистости цвету налитого в них напитка, освещал группу из пяти человек, разговорчивых и возбужденных. Тут были молодые, только что прибывшие в этот колхоз трактористы, их бригадир и ушедший весной на пенсию механик. Понятно, что и говорили они о тракторах. И о парубке постарше, механизаторе поопытнее, по фамилии Кириленко, который, по словам одного из беседовавших, наострил уже глаз на этой технике.

— Уж не хотите ли вы сказать, что Кириленко до тонкостей разбирается в ней?— вмешался бригадир, Михаил Дмитриевич Ганзюков.— По-моему, малость ошибаетесь. Только вчера в бригаде оказался я свидетелем, как он часа два, если не больше, копался в своем ДТ-20 и не мог его завести. Впрочем, что-то он за последнее время стал раздражительным и рассеянным.

— Но что за причина?— спросил парубок по фамилии Граченко, всем длинноватым лицом выражая сочувствие молодому ремонтнику.

— Если бы знать...— задумчиво проговорил Михаил Дмитриевич. Но сразу же, осенясь вдруг какой-то мыслью, добавил: — Пожалуй, я начинаю догадываться...

— Так поспешите!— в один голос подхватили друзья, Граченко и Ковшак.

— Ха-ха-ха! — раздался смех четвертого, который, видно, не был, как его товарищи, расположен к Кириленко.— Вы только теряетесь в догадках, когда все так ясно говорит, что его за последнее время стало раздражать. Я вам могу доказать...

— Брехня... А ежели не брехня, так недобрая выдумка или злая шутка, вот и все ваши доказательства,— отозвался пен-

сионер, медленно отпивая из кружки пенистое пиво. — Уж я-то знаю, как вы, Шакир, относитесь к этому юноше. Бьюсь об заклад, что вы видите в нем своего ненавистного врага. Хотя вы и превосходите его своей вывеской, но великодушный характер Кириленки может пленить женщину, к которой вы, это моя догадка, явно неравнодушны... Я знаю одну...

— Красивую Дьяволицу! — воскликнул Шакир, лихорадочно загораясь глазами. — Кажется, о ней вы хотели сказать, не так ли? Так я вас заверю: Красивый Дьявол никогда вровень себе не возьмет обезьяну, да еще с душой трусливого шакала. Пусть его характер и великодушен, но это не говорит еще, что он уже пленил безрассудную девицу. Клянусь своими предками....

— К черту ваших загробных предков! — раздраженно преврал его пенсионер. — Вспомните тот день, когда агрономша приехала к нам на полевой стан. Вы, должно быть, не забыли, как она вас отчистила по всем правилам за вашу халатность при пахоте? А как это «безрассудная девица» пренебрегла вашими глупыми и неуместными ухаживаниями... В тот день она измеряла пашню и обнаружила на вашем участке недостаточную глубину. Она вам грозила, за такое невнимание к полю, увольнением...

— И сдержала бы слово, если бы не защитила вас, Шакир, та самая «обезьяна», как вы теперь вульгарно отзываетесь о Кириленке, — подхватил Михаил Дмитриевич. — Но обратим внимание на нового приезжего. Фамилия его Вольский. Красотой, деликатностью, тактичностью, как мне его представили, превзойдет всех наших парубков в округе. И прежнюю профессию, механика, сменил на простого шофера.

— Где он остановился? — спросил, весь напрягаясь, Шакир. — Мне знакомо это имя и коварный портрет. Он соблазнитель женщин и любимец их, еще с юности.

— В Успеновке, если хотите знать, — охотно отвечал бригадир. — В том самом двухэтажном доме, о котором ходят столь жуткие слухи. Кажется, он поселился там не один. Женщина какая-то с ним. Вот тут-то вам, молодым, будет с кем потягаться, тем более, если вы, Шакир, утверждаете, что его влечет к женщинам. Не люблю биться об заклад, но совершенно уверен, что здесь без приключений не обойтись. — И глаза Михаила Дмитриевича устремились на только что вошедшего парубка.

Тот выглядел уже зрелым мужчиной, хотя ему едва исполнилось двадцать четыре года. Но лицо его не дышало мужественностью, которая порой украшает молодого человека. Оно скорей было робким и застенчивым, даже читались в нем какая-

то нежность и кротость, что совершенно не сочеталось с его атлетическим телосложением. При первой встрече он внушал симпатию. Но храбрости, силы воли в нем не заметно было, и это, безусловно, портило впечатление. Он был рыжий, лицом рябоват, крутой высокий лоб успели избородить крупные складки. Выражение печальных голубых глаз внушало доверие.

Сделав три шага к стойке, он протянул продавщице пустой графин.

— Кириленко!— в сильном волнении произнес Шакир, спешно поднимаясь с места. Осуждающие взгляды и реплики соседей по столу его не остановили. Догнал соперника, уже с полным графином в руках, у порога. Перерезав Кириленке путь, Шакир вызывающе произнес:

— Вы, тюлик, что спешите так быстро покинуть столь прекрасное учреждение? Надеюсь, кроме вашей мамочки, вас никто не ждет? А-а?

Юноша покраснел, в душе возмущенный таким нахальством, но ответил далеко не робко:

— Мне непонятно, чем я заслужил от вас оскорбительную кличку? И какое вам дело, кто меня ждет, а кто — нет?

Шакир не ожидал столь смелого ответа. Однако решил выяснить все до конца.

— Послушайте, мне бы хотелось узнать о вашей названной сестре. Она сейчас дома? У меня к ней важное дело.

Юноша растерялся: вопрос нахала всколыхнул его сокровенные мысли. Шакир хохотнул, и все забушевало в душе Андрия Кириленко. Он взъерошился:

— Если у вас к ней что-то важное, поезжайте в Успеновку. Я же могу ей передать при первой встрече, что вы желаете ее видеть и переговорить с ней.

— Премного благодарны,— ехидство прозвучало в тоне Шакира. И вдруг он возвысил голос:— Черт побери, она была мне другом детства! Я должен ее увидеть! Сегодня! Сейчас! Вы понимаете меня?

— Понимаю,— вздохнул юноша, не замечая, что открыл тем самым сопернику свои нежные чувства к названной сестре.

Шакир все понял.

— Ну так что — пойдем? — подбодрил он Андрия, страхась, что тот передумает.

Оба, почти одновременно, молча перешагнули порог.

* * *

По дороге, там, где три часа спустя пройдет молодая женщина в слезах, с ребенком на руках, мчится галопом на белом,

красиво сложенном скакуне лихая всадница, костюм которой вполне противоречит ее полу. Но стоит ли удивляться? Небесно-голубая рубашка плотно облегает точеную фигуру; шелковый светло-синий шарф небрежно обвит вокруг нежной длинной шеи; серые узкие брюки и изящные хромовые, начищенные до зеркального блеска, сапожки очень подходят стройным ногам; голубой берет, лихо сдвинутый набок, завершает ее костюм.

Она поминутно подгоняет коня хлыстом и смотрит только вперед.

Как описать красоту всадницы? Овал лица правильный, черты выразительны и обладают особой духовной привлекательностью, кажется, смягчающей столь неприступную красоту. Милая нежность — во всем, будь то улыбка, блеск глаз, наклон головы, нахмуренные брови. Тихая грусть озаряет это лицо таинственным светом, словно утренняя заря, просыпаясь, разливает окрест свою прелесть. Однако, при вспышке даже малого неудовольствия, буря мгновенно заслоняла этот оживленный свет зари. Но совсем затмить его не могла. Не только доверие и симпатию, но и страх, и нежность, и страстную преданную любовь способен внушить такой облик. Крылатые сросшиеся брови, яркие твердые губы, словно созданные для поцелуя; прямой нос, упрямый подбородок — как не разглядеть за ними характера! И все равно этот цветок будет для вас всегда по-новому интересным.

Стоит ей заговорить, чуть шевельнуть бровью, как цветок распустится со всей яркостью. Но вы еще рискуете получить наслаждение от бури, от ощущения подвластности этой милой женственности, которая скрывается в резких мужских движениях.

Это была ни кто иная, как Оксана Александровна Гончаренко, или, как в кругу знакомых и колхозниц ее еще называют, «наш мальчик». Довольно часто звучит и, казалось бы, странное название «Красивый Дьявол». Впрочем, оно вполне могло пристать к этой девице, если быть внимательнее и познакомиться с ней ближе.

Если смотреть ей в спину, на ее походку, манеру восседать в седле, то, несомненно, вы будете поражены грацией юноши, хотя русая коса скажет об обратном. Но поглядим еще в лицо. Запомните редкостный блеск карих глаз... нет, очей, таких выразительных и прекрасных. Всмотритесь в них внимательно, и вы увидите, что под прикрытием длинных густых ресниц на вас смотрит сама тайна очарования. Эти очи умели легко загорасть страстью, воспламеняться гневом, и погасить такое

пламя было трудно, порой — невозможно. Само лицо дышало гордостью и отвагой, которая порой сменялась крайним безрассудством. Весь решительный вид показывал непоколебимость даже в самых безвыходных положениях и прямоту характера.

Девушка только сегодня выкроила свободное время, чтобы навестить мать. Была и другая причина так спешить в деревню Крилиново, хотя на здешних полях она бывала ежедневно. В деревне обитал единственный человек, который, как ей казалось, сумел покорить ее гордое сердце. Мысль о том, что она может не застать его дома, заставляла всадницу подгонять коня и мчаться бешеным галопом.

Лошадь, на которой вот уже два года она ездит, досталась ей не без хлопот. Еще подростком славясь среди сверстниц красотой и отличаясь от них характером, Оксана мечтала приобрести себе коня, и только белой масти. Эта лошадь ей не давала покоя, ночами она видела себя на ней, во сне звала по имени, которое придумала в объятьях своих грез. И мечта сбылась.

Приехав после окончания техникума в родное село, девушка, к своему удивлению, увидела, как мать вела под уздцы лошадь, — хромую, исхудалую, но белой масти! Не тотчас и поверила своим глазам. Бросив вещи у самой калитки, кинулась навстречу.

— Ну вот, дочка, купила тебе коня у наших соседей, — сказала, улыбаясь, моложавая красавица-мать. — Не такого, может, как ты видела во сне, но все же на него похож... От ножа спасла, — добавила она и рассказала, как сосед Абрамов решил пустить на мясо старого коня, и она отстояла.

Орликом назвала Оксана любимца, кормила и холила, пока из клячи не превратился он снова в доброго скакуна, под стать всаднице.

Въехав галопом на улицу, такую знакомую с детства, девушка круто свернула коня к крайней хате, заслоненной цветущим яблоневым садом и густыми кустами сирени, спускавшимися чуть не к самой речушке. Этот милый уголок тем еще был ей дорог, что она здесь познала любовь, была по-настоящему счастлива.

Не одно первое чувство к названному брату имеется в виду. Главной любовью в ее жизни была земля. Оксана не могла, казалось, жить, любить, чувствовать без запаха родной земли, без тихого шепота спелой ржи, высоких трав и шума лесов. Еще ребенком она мечтала обладать землей, ощутить ее силу и такую богатую щедрость. Брала колосья в свои маленькие ладони и подолгу рассматривала их, далеко уносясь

мыслями; внимательно приглядывалась к нашне, к плугам, порой заводила об этом разговор с опытными пахарями, обогащая свой детский ум премудростями земледелия.

Никто из слышан не мог понять, откуда — не от матери же, врача! — привита этой девочке такая сильная любовь к земле. А мать видела, по чьим стопам пошла дочь. Но она ненавидела это в дочери, презирала ее любовь к земле, чем-то возвращавшую ей прошлое. Никогда она не рассказывала Оксане об отце и часто трепетала от мысли, что близится время, когда дочь сама спросит о нем. В тайне держала свое прошлое, молодость бурную и, возможно, преступную... И, любясь красотой подраставшей Оксаны, не могла порой скрыть в глазах недобрую искру, чувство не матери, скорее, соперницы...

Возле речки, где берег зарос плакучими ивами, как бы замаскированная этим великолепием, стояла бортовая машина, и рядом с ней красивый, статный, с мужественными чертами лица мужчина. Он был в отличном настроении. Едва появилась на улице девушка верхом на горячем коне, как он подивился ее бесстрашию и поразился редкой красоте: точь-в-точь распустившаяся роза на заре. Не сводя с нее выразительных глаз, он застал и странно покрутил длинный правый ус. Девушка, не замечая его, встревоженная, въехала в густую сирень и там остановилась. Второй его стон был заглушен звуком мотора... Несомненно, это был тот самый красавец, о котором говорил в чайной бригадир.

Приблизившись к палисаднику и прячась за густой куст сирени, Оксана внимательно осмотрела двор. Он оказался пуст, и на ее лице отобразилось разочарование.

— Дома ли он? — с растущим беспокойством шептала девушка. — Каждый выходной приносил мне счастье видеть его. Быть может, он отлучился? Вряд ли. Чайная его никогда не привлекала. В поле? Отпадает. Вчера бригадир решил дать ребятам отдых. Он прав. Я вовсе об этом забыла. Но где же он? Если дома, то почему... Нет, нет! Боже! Нравлюсь ли я ему? Не равнодушен ли он ко мне? Если бы я только знала, это облегчило бы мою душу. Я не могу не любить, не могу так просто им любоваться. Какая-то сила меня к нему тянет... Что случилось со мной? Я никогда не позволяла себе увлекаться мужчиной. Довольно! Я ехала сюда не затем, чтобы вновь увезти в сердце страданье. Хватит слез! Я должна ему все сказать. И если... если... О боже! Я не вынесу более неизвестности. Я должна, должна узнать правду!

Девушка натягивает поводья и делает полуоборот. Калитка отворена. Оксана въезжает во двор и ловко соскакивает с коня. Привычным движением постегивая хлыстом голенище сапога, поднимается на крыльцо, подходит к полуоткрытой двери.

Из комнаты матери слышатся голоса, слишком ей знакомые: говорят мать и электрик Сергей Масученко. Тихая грусть тенью пробегает по лицу девушки. Опять... Но о чем их разговор? Что-то в нем важно для матери, вон как взволнован ее голос. Чем же? О каком приезде говорит Масученко? Почему так расстроилась мать, узнав, что от приезжего нет к ней записки? Так и не поняв значения случайно услышанных слов, Оксана тихо отходит вглубь сеней.

С пылающими щеками она выбегает на крыльцо. Навстречу по ступеням поднимается рябой парубок. От неожиданности он останавливается и застывает на второй ступеньке. Он хлопает ресницами и, кажется, не верит своим глазам: увидеть в этот ранний час названную сестру! Девушка не менее его удивлена. Прежде чем ей удастся остановиться, она запутывается в собственном хлысте и почти падает в объятия юноши.

— Андрий,— шепчет она, не в силах оторваться от него.

Он не отнимает ее руки, не отталкивает от себя: он смотрит на нее с восхищением и видит в ее глазах пламя страсти, которое принадлежит только ему. Но вдруг он вспоминает о присутствии Щакира. Взглянув на соперника, поражается бледности его лица. Жадный взгляд Щакира устремлен на очаровательную агрономшу.

— У и-него к тебе важное д-дело,— заикаясь, сказал Кириленко, слегка отводя руки Оксаны от своего плеча.

Оксана бросила недовольный взгляд на молодого тракториста, которого до того не заметила.

— Что за важное дело у вас, Щакир?— спросила она тоном осуждения.

— Вы слишком ко мне суровы,— молвил Щакир.— Я хотел с вами поговорить насчет предстоящей вспашки.

Щакир достаточно знал, чем и как привлечь к себе внимание молодого агронома. Знал, что отзыв последует в том же духе.

— Вспашка?— задумчиво проговорила Оксана, совсем отпуская Андрия.— А что вспашка? Что вы имеет в виду?— спросила она, строго глянув на бледное лицо Щакира.

Тому с трудом удалось выдумать повод еще несколько минут побыть в обществе прелестной агрономши.

Успеновка — это самый захолустный уголок. Закона, судя по разболтанности некоторых селян, здесь почти не существовало. Все сходило с рук и быстро забывалось.

...Возле леса, что примыкал молодыми побегими к самой деревне, стоял двухэтажный дом, совсем не похожий внешне на соседние хаты. Обваленные углы и треснутые стены, зияющая дырой черепичная, поросшая мхом крыша и несколько разбитых стекол в окнах свидетельствовали, что он заброшен, и уже не первый год. Дом стоял среди разросшегося бурьяна и такого же запущенного старого сада, словно на острове. В нем, если судить по рассказам, жили когда-то двое влюбленных, а потом непонятно исчезли из него. Суеверные старожилы так убеждали слушателя страшными рассказами, что тому невольно верилось.

Дорога, что лентой протянулась подле старого дома, не бывала безлюдна: редкие машины, а чаще повозки, запряженные лошадьми, придавали все же какую-то живость этому мрачному уголку. Но одинокий путник все равно со страхом взирал на ребристую крышу и молчаливые серые стены.

Но в начале мая, пугая жителей деревни, дом вдруг ожил.

Снаружи он оставался прежним, но внутри что-то изменилось. Правда, второй этаж пустовал, и дверь, что вела наверх, наглухо забили крест накрест досками.

В убранстве первого этажа не было видно особых красот. Во всем, исключая разве чисто вымытый пол, побеленную печку и аккуратно расставленную посуду, чувствовалась холостяцкая жизнь. Стол с книгами, окруженный тремя стульями, разделял две кровати. Одна из них, наполовину застеленная новым ситцем, стояла между печкой и стеной. Единственная потертая дорожка на некрашеном полу, сундучок без крышки вдоль стены, откуда небрежно и беспорядочно свисала по разукрашенным стенкам разная мужская одежда, больше дорогая. У порога, в углу, брошены всевозможные детали от автомашины.

Возле окна, на единственном табурете, сидела женщина лет тридцати пяти, белокурая, розовощекая; одета она была в простенькое, горюшкое, платье, на плечи наброшен теплый платок. Ее ясные задумчивые глаза давно смотрели в окно, из которого открывался вид на деревню: стены домов заслонены лишь молодыми акациями. Судя по выражению лица, она была в самом дурном настроении и с каким-то даже страхом осматривала комнату.

— Зачем он меня вызвал?— в который раз задавала она себе вопрос, даже не пытаясь найти на него ответ.— Почему сам переехал сюда, в этот... брр... жуткий дом? Вчера он что-то говорил о своих планах, но я так устала с дороги, что и не пыталась его как следует понять. Надо будет переспросить его. Можно подумать, сам черт гнался за ним, так он волновался. Я его еще таким не видела. Но в каких целях я ему понадобилась? Эта женщина... как ее... а, Елизавета Ивановна, шепталась с ним о чем-то, а он никак на ее требование не соглашался... Все так странно...

Женщина поглядывает на дверь, точно желает найти там разрешение всем этим недоумениям. Вот она встает, идет по комнате. На минуту замирает и к чему-то прислушивается, испуганно поднимает голову кверху, надеясь себя убедить, что ей только послышался шорох или какой-то неясный стук.

— Не приехал бы он поздно,— шепчет снова она, садясь на прежнее место.— Меня начинает трясти, как в лихорадке, от одной лишь мысли о том, что я прошлой ночью услышала. Ведь не может это показаться. Я не была настолько сонной, чтобы ошибиться. А он... И зачем ему вздумалось именно здесь поселиться? Не больно-то я догадлива, но боюсь, что-то здесь его удерживает. Иначе с чего бы переезжать в такое захолустье?.. Кто там?

В дверях появился Алексей Вольский. В одной руке он держал пустое ведро, в другой — деталь, которая тут же последовала к остальным. Ведро было поставлено возле шкафа.

— Наконец ты явился, брат!— легко вздохнула женщина, помогая ему снять пропитанную запахом бензина куртку.— Каждый раз приезжаешь домой и меняешься в лице,— прибавила она после того, как внимательно рассмотрела его.— Совсем не тот, каким я тебя знала.

Он засучил по локоть рукава пестрой рубашки и принялся за туалет, не обращая внимания на укоры сестры. Но та с любопытством и беспокойством продолжала:

— Не понимаю,— говорила она, накрывая на стол,— ты меняешься прямо на глазах. Всегда был жизнерадостным... Вчера волновался, сегодня бледный. Будто получил от какой-нибудь красавицы отказ. А завтра чего ожидать? Безумия? Глянула бы на тебя наша милая мама, она бы ахнула!..

— Прикуси язык, сестра, и не вмешивайся не в свое дело!— прикрикнул Вольский, смывая мыльную пену с лица и рук.— Сколько раз я тебе говорил: не разглядывай, бледный я или какой там еще. Дай лучше полотенце.

Сидя за столом напротив брата, сестра уже не задавала ему вопросов. Брат косо поглядывал на нее, думая о чем-то своем. Он как-то вяло подносил ложку ко рту и с усилием глотал суп.

— К черту!— в раздражении бросил он наконец хлеб и ложку, вскочил с места, заходил по комнате.— Я сойду с ума, сестра! Не вынесу больше такого обращения! Она не замечает меня! Скажи, что мне делать? Ведь ты — женщина.

— Но ты забываешь, что чувства во мне не мужские,— смиренно сказала сестра, отодвигая от себя тарелку.

— Да, да. Совершенно забыл,— буркнул он.

Тень жалости пробежала по лицу женщины. Она сострадала брату, но не могла уяснить из его слов, в чем...

— Брат,— робко позвала она.— Разве у тебя есть секреты от меня? Объясни мне, наконец, что тебя мучает.

— Я знаю,— не сразу заговорил он, и мука послышалась в его голосе,— ты умела любить своего мужа, Виктория, пока не поняла, что жизнь твоя с ним несет одно бесплодие и ничтожность. Ты его бросила и не влюбилась больше ни в одного мужчину. Почему? Да, это только тебе одной известно. У меня — у меня другое. И оно так разрушает мою жизнь, ни на час не дает покоя, что я просто готов совершить убийство!

— Как ты можешь такое говорить!— содрогнулась женщина.— Ты! Ты, которого я видела и знала бездушным в любви, насмешником над женским чувством, холодным в объятиях красавиц, вдруг можешь безумно влюбиться и даже думать об убийстве? Непостижимо!

— Пришла пора, сестра, и мне испытать такое чувство, а быть может, куда хуже, чем испытывали те женщины, с которыми я из праздности встречался.— Он подсел к ней и, взяв ее за руку, продолжал:— Видишь ли, все приходит в изумление от выбранного мною жилья. И только той, ради которой я это сделал, совершенно безразлично. Это усединение позволит мне то, что я задумал. Убийство, конечно, отпадает. Во всяком случае, пока я не дознаюсь, кого она любит.

— Но кто она?

— Для тебя это сейчас неважно, Виктория,— уклонился он от ответа.— Но без твоей помощи мне не обойтись. Если согласишься помочь, тут же тебе все выложу, узнаешь и кто она...

— Но как я смогу помочь тебе, брат? Я же здесь никого и ничего не знаю...— сказала Виктория, озабоченно поджав губы.

— Ладно,— после некоторого колебания решился он на откровенность.— Сейчас я все объясню. С этими словами он достал из кармана рубашки фотографию и положил ее на стол перед сестрой.

Виктория осторожно взяла карточку и долгим взором всматривалась в нее, потом воскликнула:

— О! Такая красота любого с ума сведет! И такого, как ты, Алеша... А какие глаза! Что за девушка! И — на лошади?! Удивительно! Но... Но что-то в ней...— запнулась она, сосредоточившись взглядом на вырезах ноздрей и сдвинутых крылатых бровях над блестящими глазами:— В ней есть что-то такое...

— Тебе, дорогая сестренка, не разгадать этот характер,— прервал он и бсрежно взял карточку из ее рук.— Взглянула — и достаточно, теперь ты ее запомнишь.

— Ты попал под бушующее пламя ее очей! Но они навоят скорее страх, Алеша, нежели излучают женскую нежность...

— Ты права. Возможно. И это пламя, хочу тебе заметить, принадлежит не мне, а другому. Не пойму только, кому же.

— Разве это так трудно узнать? Понаблюдай за ней, и тебе все станет ясно.

— Вот этим-то и займешься ты, Виктория.

— А тебе не кажется, что я для этого дела не подхожу?— сконфузилась сестра.— Найдутся другие...

— Перестань! Я выбрал тебя, при чем тут другие?— пылко возразил Вольский.— Я имел сегодня счастье проникнуть в ее квартиру, где и взял, можно сказать, украл эту карточку. Но... тут еще одно. В ее доме живет старуха, страшная какая-то, разукрашенная... Просто ведьма! Я много раз ее встречал, когда Оксаны не было дома, но ни разу не решился заговорить с ней. Понять не могу, каким образом она оказалась в моей машине... Я обомлел! Я почувствовал, что меня охватывает страх! Она так странно на меня смотрела... А когда произнесла слово, мне послышалось... Но послышалось ли мне, сестра? Я знал ее голос, видел эти глаза, они упрекали меня... Нет-нет. Я обманулся. Обманулся!

— Кого же ты подозреваешь?— спросила Виктория, ежась от громкого голоса брата.

— Ну да мало ли кого. Было у меня одно дельце в Барамче, пожалуй, теперь о нем не стоит и говорить.

Сестра пожалала плечами.

— Виктория,— продолжал Алексей осторожно, пытливо заглядывая ей в глаза,— тебе следует подробно узнать об этой

старухе. Сейчас она больше меня волнует. Оксанка... О, Оксанка!—застонал он, и его губы покрыли карточку поцелуями. Сестра жалко улыбнулась.—Прости меня, сестра. Но я так безумно люблю ее. Я и сам не знаю, к чему моя любовь приведет. Но жизни нет без нее!

— Я боюсь за тебя, брат,—шепнула сестра.—Боюсь потому, что ты можешь погубить ее и себя. Хорошо знаю твою кратковременную любовь, твои легкомысленные увлечения. Не лучше ли будет, если ты ее оставишь в покое?

— Ты забываешь, кого я искал все эти годы,—рассердился он, отчасти понимая, что сестра говорит о его прошлом правду.—Много женщин я испытал, Виктория, познал их красоту, любовь, их страсть в объятиях мужчины. Но эта... Она несравненна! Ты понимаешь меня? Я не хочу говорить о ее изумительной красоте, о том, как она умеет собой владеть, о ее грации... Я хочу сказать, что она — живая, настоящая, чистая женщина... В ней все пышет юностью, свежей прелестью, оживленным блеском играют золотисто-карие очи, они способны возбудить воображение и кровь в мужчине даже намного старше, чем я! Ты не можешь себе представить, что во мне первернулось, когда я коснулся ее и поцеловал! В те минуты я понял, сердцем ощутил, что без нее мне нет жизни, что она — единственная, которую я искал, что, наконец, она создана для меня!

— Ты с таким чувством о ней говоришь — не приходится сомневаться, что ты по уши влюблен в нее!—воскликнула со смехом Виктория.—Ну, что ж, если и в самом деле нашел единственную, не ожидай, пока на твоём пути встанет другой.

— Вот здесь-то и нужно, чтобы ты разузнала, во сколько она приезжает домой после работы, когда уезжает. Где большую часть проводит свое свободное время. Ну, а я, тем временем, буду искать друга, который поможет мне разгадать это пламя. Друзей у меня здесь мало, но...

— Пожалуй, вы его уже нашли!—раздался вдруг в комнате чужой голос.

Вольский быстро оглянулся на дверь. Тонкая фигура предстала перед его взором.

— Щакир! Да неужто вы, милый друг?

Последовали крепкие объятия, пожатия рук. Пренебрегая ночью, Щакир с невеселыми мыслями спешил на тракторе к другу. Хотел не только его видеть, но и дать понять, что приезд Вольского кое-кому здесь отнюдь не приятен.

Алексей Вольский почувствовал в эти минуты: Шакир что-то ему откроет, может быть, такое, что противоречит его собственным предположениям и подозрениям.

Виктория, всегда избегавшая мужских компаний, их разговоров, принесла по просьбе брата спиртное и тотчас ушла. Друзья выпили за встречу и как-то невольно враждебно заглянули друг другу в глаза. Взгляд Шакира не предвещал ничего утешительного, и это раздражало и бесило Вольского.

— Вы желали бы узнать, кому это пламя страсти принадлежит?— задал Шакир другу вопрос.— Я мог бы удовлетворить ваше любопытство, но, боюсь, вы не поверите.

— Почему вы пришли к такому выводу?— спросил Вольский нетерпеливо.— Разве она не свободна? С моей точки зрения, Оксана может выбрать для себя парня по своему вкусу — красивого, статного...

— Ошибаетесь. Она умеет любить настоящую обезьяну. Я возмущался, когда мне говорили, что Красивый Дьявол может любить неприглядное с виду существо. Но как я быстро в этом убедился, едва мои глаза увидели ее прелестные руки на его бычьей шее. Это было две недели назад.

— Не возьму в толк, о какой обезьяне идет речь. У Оксаны может быть много поклонников, и вы, по-видимому, ее видели не с тем, за кого его приняли. У нее свой выбор. Ей, верно, нужен муж такой же красоты, как она сама, но обезьяна... Право, вы шутите, Шакир.

— Черта с два! Вы мало знакомы с Красивой Дьяволицей. Если бы хоть отчасти вы были знакомы с ее характером, уверяю, не были бы столь самоуверенны.

— Скажите все же: ее сердце свободно?

— Вы задаете вопрос, на который уже получили ответ. Свободно? Какое там! Он пленил ее черт знает чем, а она от него без ума, ясно? Вчера в тракторной бригаде я слышал, как бригадир наш посылал Кириленко съездить в Успеновку, по-видимому, к механику.

— Во сколько он приедет?— живо заинтересовался Вольский.

— Мне кажется, к полудню. Вот вам факт: они увидятся здесь.

— Кто?— переспросил Вольский в задумчивости.

— Ну как — кто? Красивый Дьявол непременно поспешит на Орленке к своему возлюбленному. Узнай агрономша о его

приезде, и свиданье состоится,— притворно уныло проговорил Шакир, не спуская глаз с фотокарточки Оксаны.

— Этому не бывать!— возмутился Вольский.— Вы приехали поиздеваться надо мной? Не выйдет? Я прибегну ко всем мерам, но...

— Не кипятитесь,— презрительно прервал Шакир.— Вам еще неизвестно, зачем, собственно, я к вам приехал. Да, я завтра получу от бригадира нагоняй за самовольную отлучку и угон трактора, но я должен поговорить с вами откровенно.

— Вы приехали рассеять мои недоумения и назвать мне соперника, не так ли?

— Но я только намекнул на него.

— А точнее?

На этот раз Шакир медлил. Он достал папиросу, неспешно прикурил и украдкой глянул на приятеля. Тот, взволнованный, ждал. Как ни странно, но Шакиру не столь хотелось доказать Вольскому свою любовь к Оксане, сколь дать ему понять, что все его попытки покорить чувства девушки бесплодны. Душой он жаждал убедить Вольского в существовании третьего соперника, отчасти желая и подразнить его, поиграть на его чувствах. Он уже разгадал, что красавица-агроном рано или поздно окажется в полной власти Вольского, и завидовал ему.

— Ну, выкладывайте. Чего медлить?— в тоне Вольского тоже прозвучала ненависть к человеку, которого он только что называл другом.

— Видите ли,— начал Шакир, окутывая себя табачным дымом, словно желал за этой завесой скрыть нервное подергивание лица,— видите ли, в ее возлюбленном я открыл еще одного соперника.

— Сколько же их?— последовал чуть насмешливый вопрос.

— В Красивого Дьявола влюблены трое.

— Ну,— безразлично отозвался Вольский, еще не вникая в смысл этих слов.

— Один влюблен и, увы, уже любим. Имя его Кириленко.

— Это и есть та обезьяна?— Теперь сердце Вольского замерло.— Дальше,— шепнул он еле слышно.

— Двоих вам нет смысла называть, Алексей.

— Это почему?

— Не догадываетесь?

— Не из премудрых пескарей.

— Третий вы!

— Извольте не шутить.
— Это уже не шутка.
— Но почему я — третий?— Вольский даже привстал со стула.

— Потому, что вы оказались соперником второго, который раньше вас был влюблен,— объяснил Щакир, вздохнув. Этим вздохом он хотел выразить то, что так мучительно отразилось на его лице.

— Но кто же этот второй? Кто осмелился стать моим соперником?

— Гм-м... Не он вам, а вы ему...

— Ваша речь — странная, Щакир,— сухо бросил Вольский.

— Нисколько. Второй — я!

— Что-о-о?— протянул Вольский почти удивленно.— Вы?— Алексей смерил собеседника взглядом и захохотал.

— А почему бы и нет?— запыхтел так же удивленно Щакир и, схватив карточку Оксаны в руки, пьяно забормотал:— Давно люблю! Давно! Черт возьми, она не принадлежит ни вам, ни Кириленке, а только мне! И вот надо же: как только я узнал о вашем приезде, сразу заподозрил, это как-то связано с ней...

— Дальше,— бледными губами прошипел Вольский.

— Что же дальше? И так все ясно. Вы стремитесь добиться своего, а мне надо убрать лишний сорняк с дороги.

— Пошли вы к чертовой бабушке!— вскипел Вольский, вскакивая с места.— Вы не соображаете, что говорите,— глаза его сверкнули гневом и ненавистью.— Дайте мне возможность встретиться с той обезьяной, и вы узнаете, на что способен Вольский.

— Не об этом существе речь. Кириленко стоял на моем пути. Теперь — вы!— угрожающие нотки прозвучали в голосе соперника.

— И вы решили... Ха-ха-ха!— сардонически, рассмеялся Вольский.— Вы напоминаете мне волка...

— Вам надо ее забыть, Алексей,— продолжал твердить свое Щакир.— Вы должны ее забыть, потому что вы — приезжий, вы имеете успех у женщин. Я еще не забыл, как одна красавица пять лет назад умоляла вас пощадить ее. Я не хочу такой участи Оксане Гончаренко! Эта красавица создана для благородного человека, не для вас. Ваша прошлая жизнь — пятно на вашем будущем, и Оксана вам не простит никогда, если узнает всю вашу пошлую натуру, все, что вы вытворяли.

— Заткнитесь, Щакир! Мне чертовски надоело выслушивать вашу бессмыслицу.

— Я даю вам шанс...

— Ваши друзья, если они у вас есть, не тронут меня. Я прекрасно знаю вашу трусливую натуру. Вы не осмелитесь на такое пойти.

— Когда женщина не стояла между нами, я не мог вас тронуть. Но теперь...— Щакир неожиданно кинулся к Вольскому и, схватив его за грудки, прошипел:— Уезжайте отсюда! Богом молю, уезжайте! С Кириленко я и сам справлюсь. Его можно убедить... Но вам надо исчезнуть. Нас было двое... Вы понимаете, что это значит? Она одна, а нас слишком много. Кто-то должен уйти с дороги.

Вольского на минуту ошеломила речь Щакира.

— Уберите свои грязные руки, вы!— резким толчком он отбросил от себя Щакира.— Я надеялся, что вы мне поможете, как бывало прежде, а что оказалось? Вы еще мальчишка, чтобы любить эту женщину.

— Вы забываете: когда вмешивается еще один человек...— буркнул Щакир, поднимаясь на ноги.

Агрессивность его вмиг исчезла, и он направился к выходу.

— Плевал я на ваше предупреждение,— без злобы огрызнулся Вольский.— Подождите. Вы говорили ей о своих чувствах так же, как несколько минут назад выпалили здесь мне?

— Давал понять, что она мне безразлична,— ответил Щакир.

— Советую, в таком случае, вам погасить эти мальчишеские чувства,— с улыбкой сказал Вольский.

Щакир пожал плечами.

— Я теперь вынужден буду отступить. Хватит того, что у Кириленко есть вы. А я уж знаю вашу натуру: если вам что-то поглянулось...

— Значит, ваши чувства уж не столь были глубоки, раз вы отказываетесь так быстро и решительно,— с той же улыбкой сказал Вольский.

— Так что же мне, по-вашему, делать? Кинуться в пропасть?— Щакир на минуту задумался, потом добавил:— Я буду искать другое средство... Теперь прощайте.

— Постойте,— вновь остановил его Вольский.— Неужели вы решили ехать в такую слепую ночь? Просто глупо было бы с вашей стороны. Оставайтесь у меня. Места здесь хватит.

Щакир угрюмо посмотрел на него.

— Вы можете во мне сомневаться?— спросил Вольский.— Не вижу оснований.

— Я вас понял, Вольский,— холодно проговорил Шакир.— Я не вижу смысла здесь оставаться. Я должен спешить, пока меня не засекали.

Едва Шакир коснулся дверной ручки, как неожиданно дверь сама отворилась и, со скрипом качаясь на слабых петлях, громко стукнулась о стену. Шакир не мог сдвинуться с места. В таком же состоянии оказался и Вольский.

С минуту комнату окутывала напряженная тишина. Воспользовавшись ею, Вольский бросился к молодому трактористу и, взяв его за руку выше локтя, припал с ним к стене. Испуганные взоры обоих были обращены на открытую дверь, откуда зияла слепая темнота и едва слышен был шорох. В сенях кто-то возился.

— Что это?— прошептал Шакир, невольно дрожа всем телом.

Вольский пожал плечами и похлопал его по спине, как бы желая этим успокоить не столько молодого человека, сколько себя.

Дверь некоторое время была неподвижна. И вдруг, снова скрипнув, так громко захлопнулась, что задрожали стены и стекла в окнах. Тотчас послышались тяжелые шаги. Шаги то приближались к дверям, то, казалось, удалялись прочь. Но это было обманом. Тяжелые шаги останавливались и подолгу замирали у дверей второго этажа.

Шакира било, как в лихорадке. Он, казалось, сожалел, что попал в этот, как он выразился, проклятый дом. Более мужественным был Вольский. Он проявлял скорее любопытство, нежели страх. Сестра его спала и не могла быть причастна к этому явлению. Вольский был рад, что она ничего не слышала. Он знал, как могли подействовать на нее эти тяжелые шаги...

— Наверху!— икнул Шакир.— Закрыли бы вы дверь на крючок, Алексей!

— Вы забываете, что перед сверхъестественным существом крючок, что ниточка,— тихо возразил Вольский, не трогаясь с места.— Но странно,— после размышления заговорил он снова.— Странно, но я же забил дверь наглухо! Возможно, кому-то вздумалось подшутить над нами? Как вы думаете, Шакир?

— Черт его знает! А если наш разговор подслушали, и это дало повод для игры?

— Какая глупость!— вспыхнул хозяин дома.— Сюда ни-

кто не придет. Во всяком случае, ночью. Это жилище не всякого храбрца соблазнит... Стойте!— прервав себя, вдруг воскликнул он.— Старуха! Ну да, старуха!

— Какая еще там старуха?— удивился Шакир.

— Которую я видел сегодня: сушая ведьма! А это что?!

— О господи!— взмолился гость и снова припал к хозяйину.

На этот раз раздался несвойственный человеку сумасшедший хохот, сопровождаемый громом шагов, и стук твердого предмета обо что-то. Все это заставило друзей в страхе замолчать. Хохот длился не более трех-четырёх секунд и внезапно оборвался. Приятели долго не могли прийти в себя. Наконец Вольский решился заговорить. Но тотчас за дверью раздался голос:

— Хозяин дома, к тебе обращаюсь,— звучал густой бас.— Не пытайся преследовать дьявола. Будешь видеться с ним, не минуешь своей судьбы. Ты свершил обман и подлость...

Дверь качнулась на петлях и захлопнулась. Шаги за ней стали удаляться к выходу. Дом, спустя минуту, погрузился в тишину.

— Что же это такое?— воскликнул молодой тракторист.— Этот безумный хохот, эти шаги... Такие шаги — у бестелесного! Кровь леденеет в жилах! Надо ее отогреть, а то, чего доброго, сам бестелесный станешь.— И он прямо из графина отпил молдавского вина и безумными глазами уставился на хозяина.— Скажите, пожалуйста, Алексей, что все это значит? Или с нами разыграли шутку, которая будет обсуждаться всей деревней, или же кто-то из нас двоих — большой грешник?

Вольский сидел за столом, и его высокий чистый лоб был нахмурен.

— Почему вы молчите? Выложите хотя бы свои подозрения. Вы говорили о старухе...

— Отпадает,— устало отозвался Вольский.

— Вот как!

— Я думаю, здесь просто шутка. Старуха сюда не придет, даже если б и захотела. Да при чем тут, собственно, старуха! Кому-то хочется если не разыграть нас, то, во всяком случае, дознаться... Постойте!— воскликнул он и приблизил свое лицо к Шакиру.— Что эти слова могут обозначать: «...преследовать дьявола... видеться с ним»?!

— Дьявол, дьявол...— забормотал Шакир, в упор глядя в глаза молодому хозяину дома.— Ха! Красивый Дьявол!!

— Что? Что вы говорите? Уж не хотите ли вы оказать...

что Красивый Дьявол проник в мой дом? Кажется, вы этим хотели закончить? Какая целепица!

— Но тут само слово говорит. Только как? Зачем?— недоумевал Шакир.— По-моему,— решил наконец он,— вы пришли к нему по душе. — И он невесело хохотнул.

— Послушайте,— заговорил после недолгого молчания Вольский, просияв лицом,— а не лучше ли будет, если мы с лампой пойдем и проверим?

— Вы безумец!— вскричал Шакир.— Я не могу на такое согласиться.

— Подавите в себе ненужный страх, Шакир. Не пойдем сейчас — не заснуть нам до самого утра. К тому же свежие следы, если они остались, позволят нам разгадать эту странность.

Вольскому с трудом удалось уговорить гостя.

С лампой в руках, с бьющимися сердцами, мужчины вышли в темные сени. Тусклый свет лампы тотчас осветил дверь второго этажа. В изумлении они остановились, точно перед ними предстало видение, и переглянулись. Дверь оказалась настезь открытой: доски, которые, как предполагал молодой хозяин дома, должны были быть крепко прибитыми к дверям, исчезли вообще. Их даже не видно было нигде поблизости. Луч света пополз по ступеням лестницы: пыль на них была тронута большими следами не то сапог, не то ботинок.

— Судя по следу,— тихо сказал Вольский,— они не спустились вниз.

— Но за дверью мы же слышали шаги,— подхватил Шакир, еще более волнуясь.

— Это еще ни о чем не говорит. Вы видите, одна и та же нога ступала поереди ступенек. Каблуки внизу, носки же вверху.

— Да-да. Все это так!..

— Так вот. Если бы они шли назад, то мы, несомненно, увидели бы следы каблуков, покрытые носками, а носков — каблуками....

— Точно! Здесь нога бестелесного не касалась. Эти же следы мы можем увидеть и в сенях...

— Там вы их не увидите.

— Почему?

— Виктория сегодня вымыла там пол. Ну, а здесь — многолетняя пыль показала нам свежий след.

— Тогда мы с вами остолопы. Мы одурачены, влипли в какую-то игру, которая пойдет кому-то на пользу!— возмутил-

ся Шакир, краснея от одной лишь мысли, что он оказался таким трусом.

— Успокойтесь, Виталий,— утешил его Вольский, хотя и сам испытывал нечто подобное.— Пойдемте лучше наверх.

— Зачем идти? Ясно и так, что здесь ходили смертные.
— Смотрите!!!

Вольский, не обращая внимания на замечание приятеля, быстро поднялся еще на две ступени и вдруг замер на месте. Четвертая ступенька открыла ему лист бумаги, свернутый в трубку. Но Вольский, казалось, не замечал его. Широко открытые глаза, полные ужаса, смотрели на самую высокую ступень.

— Берите!— крикнул снизу Шакир.— Почему вы не возьмете этот листок? Он, быть может, откроет следы ночных пришельцев.

Шакир не знал, что и делать, увидев мертвенно бледное лицо соперника: хотелось и смеяться, и подразнить его «мужество»... Но, невольно глянув туда, куда смотрели глаза Алексея, он вздрогнул.

Если до этого он еще не чувствовал холодной дрожи, то теперь не только ощутил ее, но, казалось, оцепенел от ужаса. Он был теперь вполне уверен, что это — не игра воображения, не обман. Это была истина, в которую он тотчас поверил. То же самое ощущал и Вольский, мужественный, закаленный самой природой и образом жизни, который привык вести.

Перед их глазами предстал мужчина. Незнакомец был облачен в потертый сюртук, на голове покоилась высокая шляпа, тонкая тросточка крутилась в его руке. В полумраке лицо незнакомца невозможно было рассмотреть. Он, казалось, был весь черен. Там, где должны находиться глаза, зияли огромные дыры. Поведение его было несобъяснимо. Он, точно видение, то исчезал в темноте, то снова появлялся, молча играя тросточкой. Красивый и уверенный этот жест руки Шакир уже где-то видел, но то была игра не тростью, а, кажется, хлыстом. Только где, когда он это видел? Он был не в состоянии не только вспомнить, но, казалось, даже что-либо сообразить. Порой незнакомец замирал на месте и секунду-другую пылливо всматривался в красивые черты лица Алексея Вольского.

— Кто ты такой?— наконец спросил дрогнувшим голосом Вольский, ступив еще на одну ступень.

Незнакомец будто ждал вопроса. Он ответил... тросточкой, показав ею на свернутый лист бумаги. И, сделав широкий шаг во мрак, исчез.

Щакир путался в молитвах. Вольский не двигался с места, стеклянными глазами продолжал смотреть в пустое пространство темноты.

Наконец Щакир, придя в себя, воскликнул только затем, чтобы как-то придать себе и Алексею бодрости и смелости:

— Клянусь Евой, это был загробный гость!— и его грубый смех в могильной тишине заставил Вольского содрогнуться.

— Черт возьми! Я посоветовал бы вам больше в таких случаях не клясться, — проямлил бледный Вольский. — Надо относиться к таким вещам более трезво.

— В таком случае примите мой совет: надо поспешить отсюда, а то, чего доброго, он еще возвратится и потребует от нас наши души. А я еще желаю покоптить небо...

Мужчины, толкая друг друга, в панике понеслись к выходу. Лишь за закрытой дверью, где тотчас было нагромождено из разных предметов некое подобие баррикады, они облегченно вздохнули и вернулись к успокоительному чаепитию. Не прошло и часа, как Щакир, опьянев скорее не от вина, а от пережитых ужасов, храпел на постели.

Екатерина Танова

ОСЕННЯЯ
РЕКА

Не торопясь, осенняя река
спокойно, плавно катит свои волны.
А с неба ясного, издалека,
прощальный птичий клик просторы полнит.

Все тихо. Только листья на воде
качаются — узор на темном шелке,
прозрачном, легком...
Но взойти звезде —
и нежность эту лед заменит колкий.

А помню, я весной здесь была:
кипел, гремел, бурлил разлив могучий
и пена, от неистовства бела,
исхлестывала каменные кручи.

Теперь не то. Не слышен буйный гул.
Смиренная вода тихонько плещет.
Покой и тишина на берегу,
и оттого самой ей словно легче.

Как женщина, уставшая от ласк,
невзгод, забот и материнской доли,
река на мирном ложе улеглась
и ждет зимы.
Без страха и без боли.

За девять перевалов ушла я от тебя.
Давненько не встречала, по-прежнему любя.
И что так беспокойно на сердце снова мне?
Опять тебя сегодня не видела во сне?..

В заботах повседневных, как белка в колесе,
кручусь-верчусь... Наверное, и ты — вот так, как все?
Но в прозе серых будней, быть может, невзначай,
и вспомнишь?.. Не забудь меня, во сне — да повстречай!

А мне бы знать хотелось: из тех далеких стран
какой меня ты видишь сквозь времени туман?
Звездой на ясном небе по имени Шолбан?
Скалой, поросшей лесом, по имени Шораан?..

БАБЬЕ ЛЕТО

Ах, бабье лето. Нас оно не старит.
Дни презрелой теплой красоты.
Я знаю, осень мне еще подарит
с протяжной грустью поздние цветы.

А дни летят. Все меньше их в запасе.
Успеть бы сделать все до холодов.
Скатала войлок: как ковер прекрасен!—
подарок дочке свадебный готов.

И шубку ловко сшила из мерлушек.
Шелковый пояс к шубке сам летит.
(С годами стала шить гораздо лучше,
но мудрый опыт лет не возвратит...)

Ах, эта осень — наша память лета!
И даже наши мамы в эти дни
переживают, но скрывают это:
в глазах мерцают юности огни.

Опять к нам бабье лето прискакало
на рыже-красном, огненном коне.
Эй, бабы!.. Нет. Неправильно сказала:
подруги! Выходите же ко мне!

Встречайте вашу молодость. Встречайте.
Она все хорошеет, все стройней...
Себя в ней узнаете? Что ж, печальтесь
о прелести утраченной своей.

Вы слышите: на старой танцплощадке
оркестр играет позабытый вальс?
Юнцы осудят взглядом беспощадным,
но этот вальс играют лишь для нас.

Танцуйте, не стесняйтесь, не робейте.
У осени короткие деньки.
Усталость многодневную развейте.
И волосы не прячьте под платки.

Ах, бабье лето! Жизни дар бесценный
на сердце льет целительный бальзам —
из трав отцветших и листвы осенней,
подобный горьким искренним слезам.

ЖЕРЕБЕНОК

Милый жеребенок на лужайке
скачет, обивая пыль с ромашек.
Ножки расставляет, словно свайки,
хвостиком-метелочкою машет.

Помню я, как в праздник первой стрижки
дедушка любимому ребенку, —
в собственность красавице-малышке, —
сизого привел мне жеребенка.

С ним я подружилась очень сильно,
радовалась, всем на загляденье.
Помню, как карабкалась на спину,
будто бы на мягкое сиденье.

Яркие цветочки полевые
в гриву я старательно вплетала.
Только вот не вспомню, как впервые
друга навсегда я потеряла.

Долго ли тогда его искала?
Чем меня утешили родные?..
Много лет прошло, но я узнала
резвого, бока его крутые:

рослый жеребец летел высоко,
тучу обогнав. Я обомлела:
смело на спине его широкой
маленькая девочка сидела.

ХУЛУК-БОРА

Весенний ветер манит нас в дорогу,
и свист его в ушах,
как свист аркана.
Хулук-Бора,
скакун мой быstroногий,
его не остановят рвы и камни.

Он чует дальний путь,
он вдаль несется,
звонит струной серебряной уздечка.
А стук копыт —
как будто сердце бьется,
обоих дразнит путь во мраке Млечный.

Забыв усталость,
дерзко и прекрасно
душа стремится к той великой выси,
где яркая звезда мечтою ясной
к себе приковывает взор и мысли.

И радуга ложится перед нами —
как праздничный ковер моя дорога.
Лети, скакун!..
Пусть пылью под ногами
развеются невзгоды и тревоги.

А Млечный путь уже доступен глазу —
рукой подать,
и счет идет на метры.
Потомок ты крылатому Пегасу
Хулук-Бора,
скакун, подобный ветру.

Свеплана Козлова

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ

*Сто строк
рифмованной
публицистики*

1.

Из района автобусом еду.
Вдоль дороги — леса да леса...
То бегут они рядом, то следом,
то заглядывают в глаза.

В полыханье, где желтом, где алом,
четкий угольный контур ветвей...
Словно осень огонь расплескала
по деревьям, кустам, по траве.

То ль жестокую зиму пророчит,
то ли помнит про яростный зной...
Полно.
Не от горячих ли точек
разгорелся пожар лесной?

2.

В горячих точках был жарким май,
попынно-горьким — июнь.
Теперь на себя ответ принимай
за тех, кто бездумно юн.

В горячих точках в лесах грибы,
по огородам ботва.
Ни злобы там, ни прямой борьбы.
Под пеплом тлеют слова:

— Жилось бы всем хорошо —
никто бы и не пошел...

— Да если б не черная ложь,
кто бы взялся за нож?

— Не больно-то нужен ваш храм:
мы не ломали рам...

— Школа — спасения храм:
сердца очистятся там...

И все. Как хочешь — так понимай.
Не вычерпать боль до дна.
В горячих точках был жарким май.
Осень — ох, холодна...

3.

Махнула мне осень желтою шалью,
глянула — опахнула печалью.
Я понимаю тоску твою, осень:
тоже на сердце неладно очень.
Своя у меня «Горячая точка»:
в чужую страну уехала дочка,
мирно уехала, не убежала —
мужа нашла... Не сменила гражданства.
Ничем ее Родина не обижала...
Но как мне обратно ее дождаться?
А сын
(он — вдовец, и в скорби неистов,
и уговоры ему не слышны)
во всем обвиняет нас, коммунистов,
даже в болезни и смерти жены...
Стонет душа и мается тело:
я не таким вас видеть хотела!
Осень в ответ вздыхает устало:
— Что ж — воспитала...

Горячие точки — в семье.
Горячие точки — в себе.

4.

Восемнадцатилетняя девушка,
когда ее убивали,
не могла уже вскинуть голову —
тяжела была голова.

Восемнадцатилетняя девушка,
когда ее убивали,
уронила на снег предсмертные,
единственные слова.

Капля крови в снегу алеет
много ярче траурной розы.
Вот полвека уже, как убили,—
а она и ныне жива.
И когда я слышу сегодня
бессмысленные угрозы,—
не ищу иного ответа,
просто помню ее слова:
да, нас много, нас очень много
не ушло ни в какие уклоны,
мы зовем себя коммунистами
без замиранья в груди;
даже если уйдут сотни тысяч —
останутся миллионы,
я сомнения нет — мы выстоим,
выстрадаем, победим.

Вот и снег падет уже скоро,
и в его серебристой гамме
алой каплей родится солнце
и восстанет, словно в крови...
Восемнадцатилетняя девушка
замученная врагами,—
до земли поклон твоей вере,
твоей правде,
твоей любви.

5.

Блекло-желтое, трепетно-алое
осыпается наземь с ветвей.
Кружит ветер над радугой палою —
ну, взлети да пошире развей!
Расплещи, разметай все лютее
триколор осыпного листа...

Вот и пресса заметно желтеет,
вот и голая в ней чернота...

Но над всеми дорожными снами,
на осеннем пути к городам,
куст горит, словно красное знамя,—
то, которого я не предам.

Ховалыг Артык

ГРОЗА

Мне ветер посвистел зазывно, тихо,
тальник встряхнул, игрой своей дразня,
раскидистую ветку облепихи
сломал, шалун, чтоб напугать меня.

За мальчиком, таким же, как и сам он,
погнался и шапчонку вмиг сорвал,
в копну ее швырнул, кидался сеном,
пока смотрел косец на перевал.

Кызыл-Тайгу облизывала туча,
готовясь совершить большой прыжок
на грудь мою с ближайшей горной кручи,—
зеленый отблеск глаз меня обжег!

Но ровный дождь рыдания излил.
Гроза прошла... И мир меня простил.

ТРИ СОНЕТА

* * *

В речные волны бросила цветок.
Счастливая, вдоль берега бежала.
Далеко уносил его поток:
обманутое сердце задрожало.

Не выдержала нить моей иглы,
сшивая бытие — поторопилась.
Распутывала тонкие узлы —
казалось, что в степи я заблудилась.

Цветок уплыл, его мне не поймать.
И новый узел в ткани застревает.
Я не могу мечту свою унять —
она опять иголкой мелькает.

Речной поток несбывшейся любви
с годами русло в сердце углубил.

* * *

Любовь ушла. И жизнь веретеном
без пышной пряжи крутится впустую.
Мечта повисла тканью нитяной,
когда внезапно выбрал ты другую.

Имея конский волос под рукой,
аркан сплетает долго неумелый.
Узор из нити вывела такой,
как будто боль моя в нем онемела.

Меня сжигают мысли о тебе.
Так ищут след потерянной отары.
Во мне сошлись незыблемость степей
и сладость черной колдовской отравы.

Над юным сердцем, не набравшим сил,
жестокий мир жестоко пощупил.

* * *

Придя домой со свадьбы, — говорят, —
отец заплакал, словно знал он точно,
что через год все чувства отгорят,
что, разведенная, останусь с дочкой.

О ложь и стыд споткнулась. Никому
не доверяла. Помощь раздражала.
И не упала только потому,
что на руках я девочку держала.

Переживала сильно, — впрочем, зря, —
из-за того, что песнь моя охрипла.
Я победила в большем: жизни грязь
не тронула меня и не прилипла.

Увидев внучку, мудрый мой отец
благословил в ней разных кровь сердец.

РАДИ ТЕБЯ

Ради тебя покорно и немо
землю пройду и взойду на небо.

Любящим сердцем льды растоплю.
Мгновенье и жизнь тебе отдаю.

В знойной пустыне ручьем паду,
от жажды, от смерти тебя спасу.
Вытерплю все: невзгоды и боль
Только скажи мне, только позволь.

Ради тебя покорно и немо
землю пройду и взойду на небо.

ПЕТУХ

Б а с н я

Состарился Петух.
Явился молодой.
Сразиться с ним?
Неравным будет бой:
где сила крыльев,
меткость клюва, шпор?..
Нет, по-другому с ним
вступить придется в спор.

И бывший властелин
тихонько — каждой клуше:
— Как?! Ты еще не слышала?
Так слушай!..

Весь птичий двор гудит
от новостей последних:
Петух-то новый!
Что он ест,
что пьет,
как спит!
Ко-ко-конечно,
потерял он стыд..
— Как-как-как-как?..
Увязли куры в сплетнях.

А отставной Петух
теперь смущает их
подсказками: кому занять какое место
по высоте насеста,
опережая остальных,
сыночка-бройлера пристроить посытнее..
Для каждой время он найдет,
похваляется с нею —
всех перессорил, всех!..
Летит по ветру пух...

Вам не встречался ли
такой Петух?

Людмила Санчай

МАТЬ
И ВСЕЛЕННАЯ

Сынишка спрашивал ее с тоскою:
— Ты маленькой была.
А где же я-то был?
Тебя совсем не помню я такую.
Не помню, мама! Может, позабыл?
— Не позабыл, сынок. Ты был... дождинкой,
и камнем был, и птичкой, и цветком.
Но все они, дружочек мой, с чудинкой:
не помнят тех, кто с ними был знаком.
— А почему?
— Знакомых слишком много,
да и похожих...
Как-то раз, сынок,
ты человечком стал, и одиноко
бродил во мне по тысячам дорог.
— Была ты великаншей?
— Нет — Вселенной.
— А это что такое?

— Это ты
и дом наш...
Это множество селений
и все вокруг, от травки до звезды...
— И ты нашла меня, узнала, мама?
Ведь не увидишь ты меня могла,
когда была большущей, самой-самой!..
Как хорошо, что ты меня нашла!..
Ты без меня, наверное, грустила?
— Да. Быть Вселенной — быть всегда одной.
И все, что в мире ни происходило,
в себе носила счастьем и бедой...

Сын, к матери прижавшись, подивился,
затем в глаза серьезно заглянул:
— А если бы совсем я заблудился?
А вдруг бы каплей в море утонул?
И ты бы мамой никогда не стала,
носила бы в себе плохих людей,
войну и горе... И всегда страдала,
что неспособна защитить детей!..
Вселенной зваться — хуже ведь намного:
в ней столько бед,
камней и злых морей...
Не будешь ты Вселенной одинокой,
а вечно будешь мамочкой моей!

ВЕЛИКОЕ ЕДИНСТВО

Есть хлеб — и голод, жажда — и вода...
Воеует с жизнью смерть, а с радостью — беда...
И труд безделью противостоит,
лекарство — яду, слякоти — гранит...
Холм смотрит ввысь, а вглубь земли — овраг.
Что друг дает, то отбирает враг.
Поймет разумный — оттолкнет глупец:
«Начало ливню — засухе конец?!..
Да знаешь, кто ты? Ты, милоч, — ничто,
а я есть все: и это, и вон то!..»

Во всем, всему есть противостоянье.
Лишь неба изначальное сиянье
крепит союз с дыханием планеты, —
и лучшего единства в мире нету.

НЕ ТРЕВОЖЬСЯ, РОССИЯ!

Не волнуйся ты, Мать,
не тревожься, Россия!..
Окружают тебя
ребятишки босые,
чьи глаза отразят
несказанную радость:
«Сорванцам моим сок
горькой ягоды — в сладость!..
Значит, будут работать
с народом пчелиным
и беречь, и стеречь
каждый кустик малины...»

За столом небогатым
скандал учинили
твои взрослые дети.
Тебя обвинили:
ты, мол, нас не любя,
опоила тем соком,
от которого мысль
не взлетает высоко...
Мол, скупилась на мед,
на блины и варенья...
Мол, на что нам теперь
душ пустое горенье?..
Если мать ты, зачем, мол,
кормила так плохо?..

Но в ответ —
ни единого слова,
ни вздоха.
Молчаливо стоишь,
и лицо твое бледно:
«Эх, сказать бы сынам,
да слова бесполезны!..»

Под платок прибрала
свои пряди седые
и пошла поливать
деревца молодые,
грязь из рек убирать,
чистить небо и землю,
чтобы синь воссияла
над яркою зеленью,
чтоб смеялись цветы
под поющей пчелою...

Мать, мы помним, как ты
под широкой полою
укрывала нас всех
от дождей лихолетья.
Нет, не всеми забыто,
как собственным детям
из травы-лебеды
ты похлебку давала
и полынную горечь
слезой разбавляла:
«Ешьте, детки мои, пейте...
Не обессудьте!..
И растите на радость,
и дружными будьте.
Там, где мир да любовь, —
всем счастливо живется.
Где лютует вражда —
голод царствовать рвется.
Коли враг нападет,
защититься умеете,
только сами войну пачинать
вы не смейте!..
И еще вам скажу:
так старайтесь трудиться,
чтоб на старую мать
не пришлось вам сердиться,
что не сможет подать
ни медку, ни солений...
Не наказ материнский —
жизни всей повеленье:
что берете у рек, у земли —
возвращайте!

Свои души от лени и зла
очищайте, —
чтоб светло было всем,
чтобы мир обогрели,
чтоб во имя добра
бескорыстно горели...»
Мать Россия, поверь:
не услышишь укоров
от детей, что остались,
как ты, непокорны
силам зла и вражды,
недоверья и страха;
не пристало им, гордым,
злорадствовать в драках...
Наши внуки растут
поколеньем всесильным,
благодарным, разумным,
на редкость красивым.

Не тревожься, Россия.

БОЛЬ

Лжец может из нужды правдивым стать
и ласковым — жестокий притвориться,
а кто готов святыню растоптать —
решает с нею все же примириться,
вполне возможно, что всего на миг...
Но время, обстоятельства, паденья
мне не дают рожденный болью крик,
мой крик — надсадный, горький, неподдельный —
вдруг в шепот ядовитый превратить,
в котором что ни слово, то неправда,
а ею можно насмерть отравить...
И не дадут они дышать отрадой
от мук того, кто оттолкнет меня!..
Людского зла изведав вкус и силу,
на все лады жестокость, ложь кляня,
не чувство мести — боль в себе носила...
Быть может, оттого мне и легко
шагать по жизни с ношею такую,
что криком раздается далеко
и, растворясь в слезе, течет тоскою...

В МОЕМ ДОМЕ

В моем доме так светло:
внуки просыпаются
В моем доме так тепло:
внуки улыбаются.
В моем доме визг и смех,
бедам — ноль внимания!
Лет до трех — какой тут грех?—
Три года снимая я
и резвее всех скачу
зайчиком по полюшке,
и медведем я рычу,
ржу конем на волюшке!..

В моем доме — тишина:
в гости все уехали.
Куковала день одна,
и другой... До смеха ли?!
Ближе я сажусь к огню —
мне темно при солнышке!
Загрустившему коню
Глажу гривы волнышки.
Куклу спрашиваю я:
— Мои приедут скоро ли?
— Завтра.
— Ждать еще полдня...
С нею зря заспорили:
в моем доме чудо-свет
мигом разливается —
счастье (большего и нет!)
внуками врывается!..

Зоя Нам зырай

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Однажды вечером случайно
мы встретились,
и сразу прошлое как будто
пригрезилось.

В осеннем небе, помнишь, птицы
кружили стаями,
тянулись к югу острым клином
и таяли.

Твое лицо в закатном пламени
запомнилось.
Но время юности тогда моей
закончилось.

Опять на небе полыхал
закат малиновый.
Ты мне удачи пожелал —
а радость сгинула.

А помнишь, в тот осенний час
молчали мы.
Плач журавлей не трогал нас —
так были счастливы.

Мы были счастливы,
как никогда потом...

* * *

Воспоминанья о тебе
осенним ветром не умчатся,
а в одиночество мое
ночной порою постучатся.

Не отлететь им никогда,
как в октябре пожухлым листьям.
И память властно призовет
меня к себе невольным гостем.

И снова мысленно вернусь
туда, где пролетела юность,
кукушкой напорочив мне
разлуки близкой неизбежность.

И я тогда не дождалась,
когда уехал ты учиться,
на письма не отозвалась —
так суждено было случиться.

Невысказанность горьких слов
меня доныне не прощает,
но любящее сердце вновь
в стихи любви их превращает.

СУЕТА

Извечный бег по гулким магазинам,
авоськи — шапки — остря локтей,
мороз на остановке и резиново —
железный скрип автобусных дверей.

А желтоклювые встречают маму:
уроки — ужин — телевизор — спать.
И, примостившись под неяркой лампой,
рассветный морок рифмами встречать.

Встречать рассвет и детский тонкий кашель...
С горячим тельцем — снова по врачам,
а на работе бодрое начальство
наверное, уж начало кричать...

Сжимает горло вечером усталость,
и обруч лет становится тесней.
В кошмаре зимнем снова мне приснятся
весна, стихи и смех моих детей.

ПЕСНЯ ДУШИ

В ненастье желтых листьев плач души...
О, почему летят дождями слезы
и ветер груды листьев ворошит?

Прощальный крик, от инея седой,
небесный гомон птиц родных и вольных
захлестывает горестной волной...

Так торопилась я за ними вслед,
полет прощальный их запоминая,
как будто не было седых и горьких лет...

И все еще рыжеет осень-страсть,
и ложь иссохших слов роняет ветер,
и не летим мы, чтобы не упасть...

Душа любви, душа осенних песен —
зачем ты возвращаешься опять?

Эмма Цаллагова

ЛЕТЯЩАЯ ПТИЦА

Как на краю земли
я без тебя затеряна.
Отплыли твои корабли
от золотого терема.

Вырвавшись,
жизнь твою
в бездну разлуки падает,
и глубину ее
не осветить лампадою.

Может, и мне ко дну —
прахом,
последней почестью?
Тягостно мне в плену
жуткого одиночества.

Но прорастет оно
в памяти буйно лицами.
Выплыву я в окно
раненой насмерть птицею.

Взмахом упрямых рук
эту ловушку открыла я.
Вычерчу в небе круг
вновь обретенными крыльями.

Криками торжества
душу встревожу спящую...
Буду,
пока жива,
птицей —
всегда летящею.

* * *

Любить высокие слова,
творить нелепые поступки,
болеть отчаяньем со зла,
что соглашалась на уступки.

Несостоявшейся любви
всю жизнь оплакивать потерю.
В насмешках,
ужасе,
в крови
сквозь стены лезть,
не видя двери.

Быть обвиненной впопыхах
во всех немыслимых безумствах.
Грехи — и в жизни, и в стихах —
признать и письменно, и устно.

Быть полной милости к врагу,
порвать любви случайной сети..
Да мало ли что я могу,
пока живу на этом свете!

Но как стихи я напишу,
в которых звезд и солнца блески,
в которых будет слышен шум
грозы,
бушующей над лесом.

В которых я —
за шагом шаг —
пройду настолько вся живая,
что вы забудете дышать,
навстречу
молча
мне вставая,

что вы протянете ко мне
и взгляд
и руку,
в наважденье
забыв,
что просто на листке
мои стихи
без продолженья.

Не тронуть взглядом,
не привлечь нарядом,
не разглядеть лица,
хотя ты рядом —
лишь ощуною найду
твои черты.
Опять вхожу
в покой незримый сада,
твоя душа —
высокая ограда,
и я боюсь
той страшной высоты.

А мне б вбежать
в кричащем скорбью
платье,
а мне бы утопить тебя
в проклятьях
и забросать
камями всех обид.
Но если вырвусь
из твоей я сети,
уйду,
отрину,
то на белом свете
кто будет так,
как я,
тебя любить?!

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОЭЗИИ

Все чаще —
на открытках розы,
все реже —
в жизни и садах.
Суровый слог житейской прозы,
напоминает о годах.

Собрав поэзии пожитки
и расторгая с нею связь,
все медлю,

все ищу ошибки,
с потерей этой не мирясь.

Как увядают,
засыхают
бессмертной памяти сады.
Как сердце дерзкое стихает
и пеплом полнится седым.

И солнца луч меня не греет,
и луч звезды не ворожит.
Ну как душа моя сумеет
в холодном сумраке прожить?

Благословляю эти слезы
всем сердцем,
вновь узнавшим грусть...
Не отвергая точной прозы,
я вновь к поэзии тянусь.

ТИХАЯ СТАЯ

Ах, эта осень,
вестница расплаты,
измерен ею срок моих обид.
И лишь в тумане
заревом закатным
за полем роща дальняя горит.

Впервые сердца тайные причалы
огнем листвы ее озарены.
И полон миг
прощанья и печали
и небывалой силы
тишины.

Но тишина мгновенная растает, —
ей не дано продлиться на века.

Мне не вернуть слова,
что тихой стаей
печальных птиц
ушли за облака.

* * *

Вот и все,
Дотянулась дорога
до неведомого порога.
Здесь, как сети,
сплелась трава,
в полутьме,
за решеткой ветвей,
никаких не увидеть дверей.
Голос мой заглушает листва.
И в песке утонули слова.
В сердце нет ни надежды,
ни удали,
заманили меня
и запутали,
довели до великой беды
два пылающих глаза судьбы.
Это чья непонятная власть
мне велит на колени упасть?
Я цепляюсь за руки ветвей,
задыхаюсь до боли в груди,
и туманную даль впереди
в своем горле клубит соловей.
Не на ту я попала дорогу,
не к тому я прибилась порогу,
не ленивым дождем,
а грозой
мое тело хлестал горизонт.

Я мечусь в лабиринте дорог,
я плечом ощущаю беду.
Проклинаю твой смертный порог
и иду...
Все равно я иду.

□

Лидия Иргип

ЗЕРКАЛО

Всегда к несчастью бьются зеркала...
Не знаю, что тогда со мною было.
Подруга удержаться не смогла,
сказала: «Счастье ты свое разбила!»

Звенели, как стекло, ее слова,
мерцала в них магическая сила,
и сердце подчинилось им: «Права!
Сама свою любовь я погубила!»

От страха трепетала, как трава,
когда осколки с полу собирала.
Кружилась от предчувствий голова
Наверное, тогда тебя теряла.

ДУМЫ У МОГИЛЫ

«Нельзя ходить в места захоронений»,—
запрет не терпит никаких сомнений:
то предков страх шевелится устами,
что кто-нибудь не подчинится тайне.

Табу на смерть держалось прочно в прошлом.
И в наши дни в ответе об усопшем
оно живет: «В пути — за красной солью...»
И все вопросы остывают болью.

И потому тела не хоронили,
в большую степь далеко увозили
и оставляли посреди простора,
где горькой солью полнятся озера.

У русского народа свой обычай:
на кладбище приходят и привычно
могилы прибирают, украшая,
еду приносят, как бы угощая.

С друзьями я на кладбище ходила,
обычай этот сердцем полюбила.
Там все равны. Там жизнь и смерть спокойно
ведут беседу о делах достойных.

И думая о дальних предках, гордых
своим запретом, разрыдалась. Горько
мне было от того, что знала: степь
не выдаст мне останки их костей.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

По молодости верим мы всему.
Болеем запоздалою печалью.
С годами к нам приходит зрелый ум,—
так солнце на рассвете я встречаю.

* * *

«Здравствуй»,— сказал, протянув для пожатия руку.
Мне показалось, что сердца коснулась она.
Чтобы опять испытать сладострастную муку,
слово «прощай», не сдержавшись, сказала сама.

* * *

Ты в комнату мою вошел не ссориться.
Нетрезвым взглядом гладил стан и грудь,
Тебя стесняясь, я смотрю на улицу:
скорей бы вспомнил ты обратный путь.

Саяна Ондур

ЛЮБОВЬ

Проклюнулась млечная зелень
черемухи молодой
и ветками стройными к Солнцу
тянулась с мольбой.
Весенние крупные звезды
мерцали над ней.
И месяц сиреневым рогом
светил только ей.
Откуда-то вынырнул Ветер,
бродяга хмельной,
и голосом хриплым признался
в любви неземной.
Но только качала несмело
она головой
и к Солнцу тянулась безмолвно
прозрачной листвою.

Умчался упрямый разбойник,
обиду тая,
свой норов, обидный и злобный,
пока затая.

А Солнце на всех изливало
свою доброту,
по-прежнему не замечало
робкую ту.

Раскрылась в цвету белоснежном
ее красота,
и крикнуло Солнце поспешно:
— Ты скажешь мне «да»?
Но тут налетел вдруг обидчик
и долго вертел,
пока самый маленький белый
цветок не слетел.

А Солнце, увидев невесту,
скривило лицо...
— Простите, немного ошибся —
я выбрал не ту!

ЗВЕЗДНАЯ ДЕВА

С давних времен люди любили
эту звезду
и называли ее Любовью —
только одну.
Так продолжалось,
не знаю уж сколько лет.
Падал на Землю
ее подвенечный свет.

Юноша дерзкий и смуглый
молился ей.
Муж молчаливый, суровый
клялся ей.
Старец преклонный, степенный
помнил о ней.
Тот, кто любил в этой жизни,—
знал о ней.

Словно услышав молитвы,
она сошла.
Звездной сверкающей Девой
снизошла.
Обликом чистым небесным
в плен брала.
Каждому показалось —
его звала.

Старец преклонный воскликнул:
— Она моя!
Муж за кинжал схватился:
— Нет — моя!
Юноша не склонился:
— Ты — моя!
И забряцало оружие:
— Моя! Моя! Моя!

Старец вскричал бородатый:
— Куплю тебя!
Муж произнес сурово:
— Завоюю тебя!
Юноша выступил смуглый:
— Влюблю в себя!
Эхо насмешливо пело:
— Тебя? Тебя? Тебя?

Старец колена обнял:
— Возьми меня!
Муж желваками дрогнул:
— Не губи меня!
Юноша дерзкий заплакал:
— Утешь меня!
Дева с тоской отвернулась:
— Довольно с меня.

Светит холодным светом
синей слюды:
— Вы недостойны счастья,
дети беды.
Не сберегли вы Деву,
ее следы.
Отдали снова небу.
Теперь — без звезды.

ОДИНОЧЕСТВО

Темный заллив.
Серебристая ночь.
Ни звука вокруг.

Лодка едва
задевает кормой
отражения звезд.

В ней одиноко
сидит кто-то в белом,
молчанье храня.

Больше ни света.
Больше ни звука.
В мире — луна.

Тонкие пальцы
цветок обрывают,
бросают за борт.

Белыми перьями
лотос теряет
свои лепестки.

Вечность склонилась
почтительным стражем
над тайной чужой.

След одиночества
странною болью
плыл за кормой.

Кто одиноко
в мире пустынном
кого-то ждет?

Чья-то душа
потеряла пской.
Никак не найдет.

СВЕКРОВЬ

Душистым лазоревым августом
невестка пришла.
В белокипенном наряде,
смешливая, вошла.
Охапку цветов разноцветных
ей поднесла.
Поджав свои строгие губы,
она их взяла.
Подставив тугую щечку,
невестка ждала.
Свекровь, не заметив это,
на кухню ушла.
В широких глазах молодой—
удивления след.
«Да, так не столкнемся мы»,—
подумалось вслед.
Две женщины в доме одном —
всегда не в такт.
Не так сготовлен ужин,
опять не так.
Не так постирана скатерть,
не так — белье.
Не так встречен свекор,
не так — она.

Никто не кричит, не лает,
не бьет в лицо,
так почему же, невестка,
нет на тебе лица?

ОГНЕННАЯ ЛОШАДЬ

По восточному календарю год Огненной
Лошади приходит раз в 60 лет и бывает очень
тяжелым...

Я — дочь седьмого князя тьмы
из неприветливой зимы.
За шесть десятков долгих лет
лишь раз я прихожу на свет.

Вы берегитесь — я сильна,
не зря меня вскормила тьма.
И не пайдется здесь ездук,
кто укротить меня бы смог.

Я—дочь седьмого князя тьмы.
Меня приветствуете вы?
Я — Огненная красота,
я опалю вас павсегда.

Любить погибельно меня,
но позабыть уже нельзя!

ПРОЗРЕНИЕ ЮНОСТИ

Облака над землей
проплывали оранжевым летом,
поражая своей
нежно-бело-сиреневой пеной.

— Это в небе большом
проплывают души умерших?
Это память о том,
что со всеми нами случится?
Не тогда ль поняла
с бесконечной недетской тревогой,
что когда-то и я
на земле перестану смеяться?

Облака надо мной,
словно светлые души безгрешных,
исчезают грядой
за молочной чертой горизонта.

И когда-нибудь я,
если облачком стану пуховым,
поплыву в те края,
где в оранжевом лете осталась.

Но узнаю ль себя
в посерьезневшем взгляде подростка?..

Зоя Амыр-Донгак

* * *

Для глаз чужих тебя на свете нет —
лицо твое врисовано сурово
в мою судьбу на много-много лет...

Ты стал костром для путника в ночи,
а утром побежала вдаль дорога,
но перед новым жизненным порогом
опять меня согрей и излечи.

Для глаз чужих тебя на свете нет —
и лишь в душе растут цветы бесед.

* * *

Слепая ночь — я слышу темноту,
и темноту из жгучего стакана
глотая. Очень поздно — очень рано.
И посторонний чай горчит во рту.

Слепая ночь дряхлеет на скаку,
сквозь топот тьмы мне слышен голос юный
восточной песни, песни полнолунной,
которую печалью нареку.

Слепая ночь, о чем поет печаль?
На долгой и ухабистой дороге
споткнулся жеребенок легконогий,
а кровь его еще бежала вдаль...

Слепая ночь — избранница твоя,
с душой птенца и сердцем желторотым,
исчезла за ближайшим поворотом,
ища пути в прекрасные края.

Слепая ночь пьяна и весела —
бездомной девкой под чужим забором
в душе моей заночевать легла.

Родился в сердце мрак.
Земля чужая —
холодная —
меня не принимает...

Огонь моей земли, моих дорог
и ночи обжигал, и душу жег —
но птицами взлетали там цветы
и жизнь была безмерной высоты.

Бульжники взбесившейся реки
еще хранят тепло моей руки,
там — жизнь и смерть, молчанье и слова.
Рыжеет степь — и я еще жива...

Родился в сердце мрак.
Земля чужая —
холодная —
меня не принимает.

СКАЛА БЕЗ ТЕПЛА

Вину повесил на меня, как камень.
Обрадовался мстительно. Исчез.
Но время отсчитало срок висками.
Я выпрямилась: засияла честь.

Вернулся... Но куда же тебе деться?
Неправым не хотел себя признать:
легко сказал, что любящее сердце
не можешь от меня ты оторвать.

Слова мои тебя лечили прежде...
«Люблю» произнести я не смогла.
Погладила твой лоб — в пустой надежде
найти в скале хоть пятнышко тепла.

ДУМЫ НА СТОЙБИЩЕ

Вернулась. На забытом старом стойбище
тянулась к небу слепо коновязь.
И вспомнила я детство, и о том еще,
как бегством я от слова не спаслась.

Для сверстников была я другом стоящим:
умела драться, не сжимая век.
Но, перед словом я была беспомощна:
меня унизил взрослый человек.

Обидел сироту. И болью поющей
оборвалась с беспечным детством связь.
И с той поры покинула я стойбище
и много лет с души смывала грязь.

И познавая скрытый смысл простых вещей,
о слово не один раз обожглась.
Теперь я поняла, на этом стойбище:
слова имеют над судьбою власть!

Инна Принцева

ЛИХОЛЕТЬЕ

Цикл стихов

* * *

Высокий дождь обрушился дворцом,
туманя глубиной холодных комнат,
глаза сжигая солнечным кольцом.

Усталый сторож серый, от тревог,
хранил его колонны и обломки.
Усталый сторож, серый от тревог,
лицо свое черновиком искомкал
и сжег его, не чувствуя тепла.
Зола у тощих ног его ложилась
и внутрь дождя потоками текла.

Усталый сторож, серый от тревог,
бесцветной тенью у порога лег.
Он слушал крик и всплески мокрых крыл —
в дожде взлетали из последних сил.

Лишь утром — на коленях — за порог
пополз усталый, серый от тревог.

* * *

Человек на белом коне
гонит тварь по рыжему лесу.
Умирает в воздухе эхо,
мозгом брызгая на земле.

Ритм потерян. Кровеворот.
Белый конь, прекрасно сбежавший,
всплеск холодный глотками льет.

* * *

Сиреневые сумерки.
И льда
холодное, искристое цветенье.
Уже не ждет
внезапного спасенья
седая тень, упавшая на лед.

Сиреневые сумерки.
И лед
сиреневой прозрачностью цветет.

* * *

Не разметаи.
Этот замок из снега и листьев
сдуй в зеленую реку.
Пусть замка не будет,
пусть будет корабль
из хрустких листьев и снега.
Внутри там горит большой огонь,
горит от века до века,
а у огня сидит человек,
или — душа человека.

* * *

Если жить над голубой водой,
мало нам покажется лукавить,
и придется зеркала поставить
в доме, что над голубой водой.

Зеркала черны и грани зыбки,
но пыливо в них заглянем мы,
чтоб увидеть — как прекрасны мы,
как правдивы мысли и улыбки.

* * *

На белых и безоблачных листах
шумело море.
И женщины — в блистательных дворцах,
в старинных и глухих монастырях —
все гордыми красавицами были.

Они потом — счастливые — уплыли
на белых, словно чайки, кораблях.

* * *

Август мечется в темном жару,
деревья, крича, срывают кору,
кровью сочатся распухшие скалы,
скалы немые на липком ветру.

Если убьют тебя на войне —
ты все равно приходи ко мне,
с дырами глаз, черной кашей в груди —
приходи.

Зеркало дряхлой трясет головой —
мертвый истлеет, погибнет живой.

* * *

Снежный сон глаза засыпает,
водопад на лету засыпает,
на лету засыпает птица
и у птицы глаза засыпает.
Ветерок кружева взбивает —
и в обнимку с птицей ложится.

* * *

Кольцо на горле —
а из горла свист.
Коробя эстетическое чувство,
чернеет, содрогаясь, чистый лист.

И в черный лист засыпав ясный снег,
брести и сохнуть до скончания века
и сдохнуть у истоков мутных рек,

тебя оставив у пустой дороги,
мой черный от удушья чистый лист,
калека безобразный и убогий.

□

Н О В Ы Е И М Е Н А

Лидия Анатольевна КУЦЕВАЛОВА (КОСАРЕВА) живет в Кызыле.
В жизни этой молодой женщины-матери стихи занимают особое место,
она не всегда решается их показать и на суд читателя представляет
впервые.

ОТВЕЧАТЬ НА НЕВЕДОМЫЙ СВЕТ

Свет Вселенной по искоркам роздан.
Хоть немного, но мне досталось.
С неба падают жгучие звезды —
такая обидная малость...

Попадая в мятежные души,
прорастут — и взойдет поэт!
Почему же я, глупая, трушу
отвечать на неведомый свет?

* * *

Не думаю,
не мечтаю
ни о какой любви.
Вздрагиваю
и вздыхаю —
слышу шаги твои.

Румянится и бледнеет
тонкая кожа лица.
И руки мои цепенеют —
я слышу шаги у крыльца.

И сердце взволнованно бьется,
хоть ведает: чуда нет.
Лишь эхом пустым отзовется
из тьмы ожиданья привет.

Ты — выдумка.
Просто сказка,
прелюдия к вечной любви.

Но сорвана скуки маска —
слышу шаги твои.

* * *

Эти розовые туманы
и оранжевые облака
терпко-сладостного обмана
за душой, за окном, за экраном, —
а у жизни другие глаза.

У нее не такое платье.
что рисует себе мечта.
И бог весть, что такое счастье —
материнство, твое ли участие
или все-таки жизнь сама?

* * *

Слаба, сильна, мозговита,
жизнью еще не оббита, —
так, колотит немного,
внушая все чаще — нет бога!

И все-таки хочется верить:
есть в душах какая-то Вера,
пускай не бог, а иное —
и сильное, и голубое...

Быть может, мечта о счастье,
быть может, мечта о мире —
реальности тяжкие гири
иллюзии рвут на части.

И все-таки хочется верить:
есть в душах какая-то Вера:
в здоровье, и в жизнь, ну, и в бога...
А жизнь все колотит темного.

Елена Евгеньевна **МАНЗАНОВА** — учительница, дочь учителей. Стихи в ее семье пишет тоже не одна она: недавно в Бурятии издан сборник стихов старшего брата Елены, физика Юрия Манзанова.

ПОД НЕФРИТОВОЙ ЛУНОЙ

Голубая пиала неба
озарилась улыбкой Будды.
Я откусила кусок хлеба
с мыслью, что все еще будет.

Серебристые волны ковыля
струились в золоте степей.
Вернись, о древняя земля,
к исконной мудрости своей!

Смуглые юноши, седлайте
белокипенных коней облака.
Смуглые юноши, не теряйте
смелость древнего седока.
Смуглые юноши, уважайте
седую степную мудрость отцов.
Смуглые юноши, ощущайте
гордого пульса биение-зов.
Смуглые юноши, берегите
яркую прелесть своих матерей.
Смуглые юноши, не губите
красоту своих вольных степей.

Тогда все действительно будет.
Вернется к нам милость Будды.

* * *

В глубокой темной ласковой воде,
в том месте, где цветут белые лотосы,
серебряные русалки играли в волне,
украшая цветами волосы.
Как тоску, ощутила лотоса белый запах.
Русалки издевательски надо мной хохотали.
Последним ярким лучом светился запад,
когда они меня к себе позвали.
Я с ними вместе в воде резвилась,
плескала душевной теплой волной.
На шее брызги жемчугом светились
под полупрозрачной нефритовой луной.
Все было, как у Андерсена в сказке.
Светились кроткие лучики звезд...

Но проснулась я почему-то в палатке,
а не среди ласковых вод.

ОДИНОКАЯ НОЧЬ

На скалах прибрежных пестрых
росли стройные сосны
с хвоей голубоватой, длинной,
ароматом смолы невинным.

Месяц, дробясь, отразился
в темной холодной воде.
Меч тоски в мою грудь вонзился
от мысли, что нет тебя рядом.

* * *

Звездные красные листья боярки
ложатся на сердце мое печалью.
За голубой наблюдаю далью:
увидеть хочу одинокого всадника.

Из-за горы восходит луна,
но стихи у меня не слагаются,
тоской моя грудь разрывается
оттого, что нет тебя рядом.

* * *

Кроткие звезды, из белой яшмы луна.
Я наклоняюсь к чаше вина.
О днище лодки плещет волна.

Где-то поет печально цикада,
но нет твоего нежного взгляда.
Все вокруг подобно ему.

Льются слезы на прядку волос,
слышится флейты плачущий голос,
осыпается розовый лотос —
от мысли, что нет тебя рядом.

* * *

В моем сердце тоска.
В моем сердце тоска.
Давящая тоска моя границ не имеет.
Ты далеко. Одиночеством сердце болеет.

Бровей-бабочек пальцем коснусь.
Ласточкой ты меня назовешь.
С заплаканным сердцем
завтра проснусь.
Ты снова, печаль,
меня обовьешь...

Нет тебя рядом.
Нет тебя рядом.
Белый мрамор печали
ничто не согреет ночами.

* * *

Рябит от звезд в глазах,
отразившихся в прудах
безлюдного тихого парка.
Изогнулся, как гибкая арка,
серп растущей луны.
Рукою ловлю плеск тихий волн.

Лист медового цвета яшмы,
с грустной ивы опавший,
на темной воде лежит.

Как рыбка, он дрожит,
золотясь на мелкой ряби
сморщившейся глади.
Ничему мое сердце не радо.
Не люблюсь я темной далью.
Полно мое сердце печалью
оттого, что нет тебя рядом.

Светлана Анатольевна ТУРЧИНА (ЧИХИРИНА) живст в селе Черби.
Пишет она много и стихов, и прозы. Интересно стремление молодой женщины в совсем кратком объеме, всего в несколько строк, высказать свое отношение к жизни, людям, общечеловеческим ценностям.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Уж лучше б мне слепой родиться,
чтоб видеть не могла тебя.

Уж лучше б мне глухой родиться,
чтоб слышать не могла тебя.

А лучше б мне и не родиться,
чтоб встретить не могла тебя!

* * *

Мир без любви — что дерево без воды:
высохнут чувства наши, в безвестье канут следы.

Мир без любви — что дым густой без огня,
когда я вдали от тебя, когда ты — без меня.

Мир без любви, что в юности сны без грез:
значит, все на земле — пустота, значит, все на ней не всерьез.

* * *

Начало лета. Первая гроза.
И дождик, словно чистая слеза.
А тополиный пух вокруг летает
и тает в воздухе,
как снег пушистый, тает...

* * *

Природа плачет за окном,
а в сердце — в сердце ноет рана.
Тоскуют о тепле былом,
что им его досталось мало...

* * *

Ты приди ко мне спасеньем,
как зимою — дождь весенний.
Протяни навстречу руки,
и пойдем мы — нет разлуки!

* * *

Забыла! Все она забыла!
Перегорела, отцвела.
Но все ведь было! Было! Было!
Была весна. Любовь была.

* * *

Гори, звезда моя, не гасни,
но никого не обожги.
Пусть не даровано мне счастье —
но ты гори. Гори. Гори.

* * *

Проходят годы, обжигая огнем непониманий.
Проходят годы, обдавая волной воспоминаний.

* * *

Я уважаю лишь того,
кто не боится ничего,
дороги жизни прокладывает сам.
Кто уважает сам себя,
не даст обманывать, губя,
и не идет за кем-то по пятам.

Чимис ЛАМАЖАА — совсем юная девушка, недавно она окончила среднюю школу, готовится поступать в вуз. Из ее стихов для публикации мы пока выбрали только одно.

* * *

Синий вечер.
Спящий дом.
Тихий ветер.
Сладкий сон.

Что за звезды
в вышине?
Что за грезы
в голове?

Ничего я
не пойму:
очень грустно...
Почему?

Любовь Батурина

ВОЗМОЖНО ЛЬ СЧАСТЛИВЫМ БЫТЬ...

Комеди

Действующие лица:

Линда Петровна Дозволяева, директор школы, 57 лет.

Троида Юрьевна, учительница, профорг, 40 лет.

Петр Петрович Каблуков, учитель, парторг, 40 лет.

Александра Александровна, его жена, 38 лет.

Зинаида Андреевна, завуч по внеклассной работе, 25 лет.

Виктория Викторовна, учительница, 60 лет.

Аглая Агафоновна, учительница, лет за 50.

Елена Елисеевна, молоденькая учительница.

Нина Якушкина, ученица восьмого класса.

Анна Демьяновна, мать Нины.

Анна Семеновна, повар школьной столовой.

Роман, парень 18 лет.

Сергей, молодой человек, пилот.

Ольга, сестра Сергея, 16 лет.

Учителя, в основном молодые.

Фельдшер.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Большой директорский кабинет, обставленный со вкусом. За полированным, внушительных размеров столом, восседает (в барственной позе) Линда Петровна. Входит Аглая Агафоновна.

Аглая Агафоновна. Линда Петровна, много вопросов сегодня будем решать на педсовете?

Директор. Нет, всего один.

Аглая Агафоновна, наклонившись к уху директора, что-то шепчет ей.

Директор. На мое место!? И кто, кто метит?

Аглая Агафоновна. Мне кажется, Александра Александровна.

Директор. Но почему вы так думаете?

Аглая Агафоновна. Она на профсоюзном собрании критиковала администрацию школы? Кри-ти-ко-ва-ла... Предлагала в школе провести преобразования? Предлагала. Даже настаивала.

Директор. Но Александра Александровна критиковала не меня, а завхоза школы.

Аглая Агафоновна. Линда Петровна, школой кто руководит: вы или завхоз?

Директор. Естественно, я.

Аглая Агафоновна. А Каблукова так подала свое выступление, что вывод сам собою напрашивается. И такой вывод, такой вывод...

Директор. Какой такой?

Аглая Агафоновна. Материально-хозяйственная часть школы в ужасном состоянии...

Директор. Открыли вселенскую тайну!

Аглая Агафоновна. Линда Петровна, но Каблукова настаивает ослабить вашу руководящую роль...

Директор. Каким образом?

Аглая Агафоновна. Созданием совета школы...

Директор. Время требует жертв. И, возможно, я пойду на них. А в узурпаторских стремлениях Каблуковой я что-то сомневаюсь.

Аглая Агафоновна. Сомневаетесь?! А я в каждом ее взгляде, в каждом ее вздохе вижу это. Поверьте, поверьте: она грезит о вашем кресле. И еще (*шепчет директору на ухо*) и эта тоже...

Директор. Не многовато ли претендентов, Аглая Агафоновна?

Аглая Агафоновна. Это чепуха! Другое страшно: вас в коллективе многие стали кри-ти-ко-вать... Хорошо, что за глаза, а не прямо.

Директор. Что поделаешь: приказом рты не заклеишь...

Аглая Агафоновна. Линда Петровна, сильно-то не волнуйтесь. А тем, что кто-то метит на ваше место, гордиться можно! Значит, вы своей неповторимой индивидуальностью вызываете кое в ком положительную зависть...

Директор. Что за чушь вы говорите: критика и зависть — вещи разные...

Обидно другое: кто против меня идет... Кто? Парторг и профорг. Да они же мои глаза и руки. А если по-честному,— первые мои соглашатели и поддакиватели.

А г л а я А г а ф о н о в н а. Они и столкнут вас... Вот увидите, вот увидите.

За сценой слышится разговор, смех.

Д и р е к т о р. Ну, хватит об этом, Аглая Агафоновна, учителя идут.

В кабинет входят преподаватели. Они рассаживаются полукругом перед директорским столом.

Д и р е к т о р. Елена Елисеевна, пригласите сюда Якушковых, мать и дочь.

Приглашенные входят. На руках матери перстни, кольца, на запястьях — браслеты. Все дорогое. Все сверкает, блестит, ослепляет.

Д и р е к т о р. Товарищи, сегодня на заседании педагогического совета нам предстоит решить дальнейшую судьбу ученицы 8-го класса Нины Якушкиной. Классный руководитель, изложите кратко суть дела.

Е л е н а Е л и с е е в н а. На протяжении всех лет обучения Нина была вполне хорошей ученицей. Но в этом году она стала систематически прогуливать. За первое полугодие Нина вышла неуспевающей. Дело в том, что Нина занялась не тем, чем ей следует...

А г л а я А г а ф о н о в н а. Елена Елисеевна, ну к чему так обтекаемо? Говорите напрямую... Чего от людей скрывать, если Якушкина стала на путь распутства.

Е л е н а Е л и с е е в н а. К Нине применялись все меры воздействия, но ничего не помогло.

Д и р е к т о р. Ну, Нина, что скажешь в свое оправдание? Молчишь? Тогда я скажу: не хочешь жить по-человечески, будешь жить так: и в столовую, и в туалет по команде и строем. (*Взмахивая правой рукой в такт словам*). Ать-два, ать-два...

Я к у ш к и н а - м а т ь (*дочери*). Подними голову-то, дурища этакая... Перед людьми стоишь.

Нина, подняв голову, смотрит мимо собравшихся.

А г л а я А г а ф о н о в н а. Бесстыжая! Как глядит: глазом не моргнет. В колонию ее, в колонию. Без нее нравственность повысится во всем нашем микрорайоне.

Г о л о с а. Пусть сначала расскажет, что с ней случилось...
Д и р е к т о р. Говори, Якушкина, говори. А то поздно будет...

Я к у ш к и н а - м а т ь. Ой, да рази будет она говорить! Стыд-то, видать, еще не весь растеряла. Я расскажу...

Н и н а. Мама, не надо, не надо... Ну, пожалуйста.

М а т ь. Докатилась до такого стыда, а теперь не надо. Нет, уж расскажу. Педсовет-то из-за нас с тобою собрался или из-за кого других? Так вот, товарищи учителя, узнала я, что Яшка Дроздов, двадцатидвухлетний лбина, обманул ее. Ну, пришла я к этому паскуднику, говорю: мол, так и так. Он молчит. Подумалось мне, сознает, видно, свою вину. И подкидываю ему свой главный козырь. Говорю: «Я для своего будущего зятя «Жигули» не пожалею. Так и быть, отпишу.

А он как загопочет: «Опоздали, мамаша, с «Жигулями», я женился...»

Накинулась я на него с кулаками, да ему что, бугаю краснорожему. Хохоча, взял меня этак легонько за плечи и вывел на улицу, сказав: «Адьо, мамаша».

У ч и т е л я. Негодяй! В суд на него надо подать! В суд.

Я к у ш к и н а - м а т ь. Я и то думала. Да моя остолопка воспротивилась...

Г о л о с а. Почему, почему?

Я к у ш к и н а - м а т ь. Видите ли, он пообещал ей: станешь совершеннолетней — жениюсь на тебе.

Г о л о с а. А жену свою нынешнюю куда?

Я к у ш к и н а - м а т ь. Обещает развестись с ней. А моя, пустоголовая, и верит ему. Видать, любит она его.

Г о л о с а. Ну и негодяй.

Я к у ш к и н а - м а т ь. После его женитьбы Нинка-то и сдурела. Дома не ночует, деньги безо всякого спросу берет. И сорит, раскидывается имя... Деньгами-то... А мы с мужем всю жизнь, как проклятушие, где-нибудь да прирабатываем. (Дочери). У-у, погибель ты моя! Ну скажи, скажи, чего тебе не хватает? У нас ведь, у нас... только одного птичьего молока нет. Не конфет, конфеты я достаю... Ох и измытарила она меня, товарищи педагоги, вконец измытарила. Отправляйте ее, куда хотите. Хоть на Камчатку, хоть куда подальше...

Д и р е к т о р. Нина, выйди пока в коридор. Когда понадобится, мы тебя позовем.

Нина уходит.

Троида Юрьевна. И что за времена наступили: мы, бывало, на парня взглянуть и то стеснялись. А нынешние всякий стыд потеряли...

Голоса. Не все же потеряли... Не все.

Петр Петрович. Я считаю, Якушкиной в школе не место. А то еще сделает нашу прекрасную Елену Елисеевну в таком юном возрасте бабушкой.

Все смеются, шумно разговаривая между собой.

Директор. Тише, тише. Приступаем к голосованию. Кто за то, чтобы Якушкину Нину исключить из школы и ходатайствовать перед комиссией по делам несовершеннолетних о направлении ее в специальную сексуальную школу.

Зинаида Андреевна. Товарищи, подождите, не спешите. Ведь сексуальная... то есть специальная школа — не пансионат благородных девиц. И маловероятно, что Нина вернется оттуда духовно обновленная.

Аглая Агафоновна. Если Якушкина захочет сохранить себя как человек, то она и в колонии может это сделать с успехом. История сколько примеров знает, когда великие ученые, писатели и поэты творили и в тюрьмах. Понимаете, в тюрьмах!

Зинаида Андреевна. С какой невероятной легкостью решаем мы судьбу, в сущности, еще глупой девчонки...

Виктория Викторовна. Товарищ Якушкина, мне кажется, что у вас для дочери всегда не хватает самого главного.

Якушкина-мать. Ну уж, извините! Для моей дочери у меня всегда и всего хватает. Я не какая-нибудь... я никогда без денег не жила, не живу и не буду...

Виктория Викторовна. Я не материальную сторону имею в виду, а душевное внимание.

Якушкина-мать. Есть когда мне его рассыпать. Я день-деньской не разгибаю спины. Да если бы знали, я всю жизнь мечтаю досыта выспаться. Выспать-ся!

Виктория Викторовна. А не пора ли вам поставить точку в этом изнурительном беге?

Якушкина-мать. Каком, каком беге?

Виктория Викторовна. За большими деньгами.

Якушкина-мать. Для кого мы с мужем убиваемся?! Для кого? Для нее же, паршивки, для нее...

Виктория Викторовна. Может быть, сейчас ей больше всего на свете нужны ваше понимание и сострадание. Вашей дочери некому довериться, не с кем обиды свои разделить.

Зинаида Андреевна. Я считаю, прежде чем судить Нину, надо судить тех дяденек, без чьей моральной и физической распущенности не оступилась бы и она. Разве они не видят, что перед ними зеленая девчонка. Отлично видят. Хочется спросить: своих дочерей эти мужчины хотели бы видеть в Нишнем положении? А?

Мы сейчас просчеты и преступное легкомыслие многих пытаемся упрятать за стены колонии. А фактические и идеологические развратители остаются в стороне.

Виктория Викторовна. Правильно, правильно, Зинаида Андреевна. Товарищи, вы только вдумайтесь, чему учат некоторые современные кино- и телефильмы.

Я, взрослый человек с устойчивой психикой, и то прихожу в ужас кое от каких произведений искусства. Искусства в огромных кавычках. Картины насилия шквалом обрушиваются на впечатлительную и неокрепшую психику подростка. Пора покончить с подобным псевдоискусством, ибо оно пропагандирует низменные инстинкты в людях.

Аглая Агафоновна. Выходит, Якушкина Нина — безвинная овечка? Так? И она ни в чем не виновна?

Виктория Викторовна. Виновна. И мы судим ее...

Зинаида Андреевна. Но если это суд, то почему со стороны обвиняемой нет адвоката? Я считаю: что-то у нас в этом смысле, со стороны закона, не додумано.

Директор. К чему эти заумные разговоры...

Фельдшер. Очень даже к месту. Разве мы имеем моральное право упускать из виду, что в недалеком будущем, согласно природе, заложенной в женщине, Нина станет матерью. Матерью, святыней!

Давно сама жизнь и здравый смысл требуют, чтобы в школах, конечно, строго по возрастным группам, был введен курс сексологии.

Аглая Агафоновна. Как вы смеете такое предлагать. Да это же постыдное дело...

Фельдшер. Смею. И как медицинский работник обязана.

А продолжение рода человеческого не считаю постыдным делом.

Троида Юрьевна. Да чем позднее наши дети узнают об интимной жизни, тем лучше...

Фельдшер. Кому лучше!? Родителям или девчонкам, набивающим себе шишки от незнания и глупости? Лицемерно закрытая тема — разве спасение от бед?

Одна моя знакомая сказала: «Если бы я прочитала бро-

шюрку о сексуальной жизни до замужества, то никогда бы не рассталась со своим первым мужем».

Аглая Агафоновна. Да это же покровительство распущенности...

Фельдшер. Я считаю, молодежи мы обязаны нести по вопросам половой жизни научные знания, а не знания подворотен и подвалов.

Голоса. Не надо нам это, не надо!.. Нет, надо, надо!..

Троида Юрьевна. Америка докатилась со своим просветительством по данному вопросу до того, что заняла первое место в мире по заболеванью иммунодефицитом.

Аглая Агафоновна. Вот-вот, допропагандируемся и мы: все станет дефицитом. И сами люди тоже... В прежнее время вам бы, товарищ эскулап, знаете, что было за такие слова?

Фельдшер. Знаю, знаю... А вы, Аглая Агафоновна, оказывается, приверженка старины. Причем отрицательной старины.

Аглая Агафоновна. Что вы хотите этим сказать? Что я сталинистка? Да, да, я сталинистка! И умру ей...

Слышите, умру! Теперь, слава богу, демократия! И никто не имеет права преследовать меня за мои убеждения.

Голос. За глупомыслие и теперь не сядят...

Директор. Товарищи, товарищи, ближе к делу: вносите свои предложения касательно Якушкиной.

Троида Юрьевна. Чего рассусоливать!? В колонию ее, в колонию! Что заработала, то пусть и получит.

Зинанда Андреевна. А, может быть, она пойдет работать и продолжит обучение в вечерней школе?

Троида Юрьевна. Создавать условия для блуда!? Ну и ну...

Голоса. Жалко, ведь молоденькая еще...

Директор. Итак, поступило два предложения. Первое: исключить Якушкину из школы и определить ее в специальную школу. Второе предложение: просить комиссию по делам несовершеннолетних направить Якушкину на работу с обязательным обучением в вечерней школе.

Кто за первое предложение, прошу поднять руки. (Считает). Кто за второе предложение... (Считает).

Классный руководитель, пожалуйста, пригласите Нину.

Елена Елисеевна выходит в коридор и вместе с Якушкиной возвращается на педагогический совет.

Директор (дождавшись полной тишины, суровым голосом объявляет). Педагогический совет большинством голосов

решил вас, Якушкина, исключить из школы и передать ваше дело в комиссию по делам несовершеннолетних.

Якушкина Нина. Не отправляйте меня в колонию, не отправляйте!..

Якушкина-мать. Ну, нет!.. Я свою дочь туда не отдам...

Голоса. А сами говорили: «Хоть на Камчатку ее отправляйте...»

Якушкина-мать. Дак ведь это для острастки... И не для чего другого...

Якушкина Нина. Линда Петровна, я прошу...

Директор. Теперь поздно, раньше надо было думать... Педагогический совет объявляю закрытым. Зинаида Андреевна, прошу, задержитесь на минутку...

Все, кроме директора, Зинаиды Андреевны и Аглаи Агафоновны, уходят,

Линда Петровна. Зинаида Андреевна, как идут дела с подготовкой к вечеру встречи с выпускниками?

Зинаида Андреевна. Готовимся...

За сценой в сопровождении гитары поют:

Я слышу дедовы слова:

«К себе будь, девочка, строга.

И помни, помни об одном,

И помни, помни об одном,

Что в юности посеём,

То в старости пожнем».

Меня мечтой манила жизнь,
строжилась: «Девочка, держись!

Соблазнов много на пути,

соблазнов много на пути,
но ты сумей их обойти».

Ничто мне даром не далось,
граничила с упорством злость.

Но ясно видится теперь,

но ясно видится теперь:

в заветное открылась дверь.

И в сердце все звучат слова,

и в сердце все звучат слова:

«К себе будь, девочка, строга».

Зинаида Андреевна. Старшеклассники репетируют...

Аглая Агафоновна. Зинаида Андреевна, почему вы повсюду лезете со своим личным мнением? Я даже осмелюсь назвать его лишним... Да, да, лишним!

И кого вы защищаете, кого!? Да таких, как Якушкина, надо под корень... И повсюду, повсюду: по всей Земле и в Галактике!..

А вас-то самих не такая ли оставила на бобах?

Зинаида Андреевна. В каком смысле, на бобах?

Аглая Агафоновна. В самом прямом. От своего жениха, Сергея, письма получаете?

Зинаида Андреевна. Получаю. А что?

Аглая Агафоновна. А то: он в Норильске женился на другой... Кстати, у меня в сумочке завалялась Норильская газета (*достаёт её из сумочки*). Вот, поглядите, кто вам дорогу перебежал... Сергей вместе с ней здесь сфотографирован. Читайте, что тут написано: «Ольга и Сергей Петровы, победители фестиваля нового модного танца «Ламбада».

Зинаида в расстроенных чувствах смотрит на газетный снимок.

Аглая Агафоновна. Зинаида Андреевна, вы расстроились... Не надо, ни к чему это... В наш век верных, самостоятельных мужчин только на околоземной орбите встретишь... И то при одном условии: если там не будет других женщин...

КАРТИНА ВТОРАЯ

Действие происходит в приемной директора, где в ожидании зарплаты собрались учителя. На директорской двери табличка с крупной надписью: «Директор». В приемную входит Петр Петрович.

Петр Петрович. Добрый день! Что, ждем гроши?

Голоса. Да, да...

Петр Петрович. И когда их привезут?

Аглая Агафоновна. Говорят, скоро.

Елена Елисеевна. Вот так всю жизнь чего-нибудь да ждем: то каникул, то отпуска. И Всесоюзного съезда учителей как ждали... Дождались, и он давно прошел, а что изменилось в нашей школе? Что? Да ничегошеньки...

Голоса. Точно, точно: как было, так и осталось...

Виктория Викторовна. Вы что думаете, съезд организует нам работу нашей школы персонально? Самим пора с головы на ноги определяться: свои дела, взгляды от реальной жизни не отрывать. Взять, хотя бы, нашу школу...

Александра Александровна. А что наша школа!? По городу считается одной из самых лучших.

Виктория Викторовна. Считается... А что мы делаем не на открытых, а на обычных, рабочих уроках? Да, да, что!? В лучшем случае демонстрируем свои знания и красноречие.

На учение ребятам не оставляем подчас ни минуты. А опрос учащихся ведем, как допрос врагами партизана.

Аглая Агафоновна. Ну это частности. И от них хорошо помогут распоряжения, приказы администрации. А вот низкую материальную базу школ приказами не устранишь...

Виктория Викторовна. Это так. Но какие денежные средства нужны нам, чтобы мы стали доброжелательнее, человечнее со своими учениками? Какие? Доброта пока вроде ни копейки не стоит. Почему она-то в дефиците стала!? Почему? Да, да, у нас все идет по-старому...

Аглая Агафоновна. Как это все? А создание совета школы?

Зинаида Андреевна. Совета директора, а не совета школы.

Аглая Агафоновна. Почему это директора?

Зинаида Андреевна. Потому что он директорско-карманный.

Аглая Агафоновна. Вам-то что, плохо от этого?

Зинаида Андреевна. Да, плохо.

Елена Елисеевна. Я выпускница нашей школы и считала ее родной... А поработала и узнала: не для всех она родная, далеко не для всех. У нас как заведено: одним все — и новую мебель, и оборудование, и звания, а другим — комбинацию из трех пальцев. А почему? Да потому что благорасположением директора пользуется ее близкое окружение.

Аглая Агафоновна. Вот видите, видите, товарищи, как сказывается отсутствие хорошей материальной базы, даже на взаимоотношениях людей. Ви-ди-те!

Елена Елисеевна. Дело в подхалимаже, а не в материальной базе...

Голоса. Пора кончать с этими безобразиями...

Виктория Викторовна. Ох и смелые мы сегодня что-то стали! На совещаниях и пикнуть не смеем, а тут разговорились...

Петр Петрович. Попробуй при ней заикнись только: такую нервотрепку устроит, что волей-неволей в другую школу переведешься.

Голоса. Точно, точно. По урокам начнут ходить, а потом публично так раздракомят, что давление поднимется за 200.

Елена Елисеевна. Да, никогда, видно, не набраться нам смелости...

Наступает мгновенное молчание. В приемную входит Анна Семеновна, повар школьной столовой. Она, поздоровавшись, набирает номер телефона.

Аглая Агафоновна. Что это мы все обрушились на Линду Петровну? Чем она хуже других директоров, работавших до нее? Чем? Она хоть дает спокойно работать...

Виктория Викторовна. Действительно, она в последние годы совсем нетребовательная стала.

Анна Семеновна. Сказали тоже! Нетребовательная! Да наша директор на удивление требовательная! Как придет на кухню, так первым делом и требует: то мяса, то колбасы, то еще чего-нибудь. И не граммами, а килограммами. Еще и хохочет: одного директора прокормить не можете. И кормим, не лишаться же работы...

А выкручиваться приходится, сами понимаете, за чей желудок.

Аглая Агафоновна. Ну что вы за человек, Анна Семеновна! Никакой субординации не понимаете. Линда Петровна Дозволяева директор, а вы такое говорите...

Анна Семеновна. Вы меня учеными словами, Аглая Агафоновна, не подавляйте. Я все равно, что наболело, выскажу.

Аглая Агафоновна. Распоясывайтесь, распоясывайтесь: теперь демократия... *(В сторону)*. У-у, крепкой власти на вас нет!..

Анна Семеновна. Вычитала где-то Линда Петровна, что какой-то хан, живший в древности, чтобы пожить подольше, питался вареными мозгами...

Аглая Агафоновна. Ну и что из этого?

Анна Семеновна. То! Теперь нашему директору каждый день подавай мозги, и баста.

Аглая Агафоновна. Шли бы вы, Анна Семеновна, к себе на кухню. У нас здесь своих дел хватает...

Анна Семеновна. А детское питание не ваше дело? А-а! *(Махнув рукой, она уходит)*.

Александра Александровна. А ведь правда, наверно, никто из нас не осмелится с критикой всех этих безобразий выступить на педагогическом совете. Я вот, точно, не решусь...

Голоса. Петр Петрович не побойтся. Он все же парторг, да к тому же и мужчина.

Александра Александровна. Мой муж! Нет, нет, ни в коем случае. Я запрещаю ему заниматься критикой нашего директора.

Голоса. Петр Петрович, и вы стерпите такой матриархат?

Петр Петрович разводит руками.

Г о л о с. В таком случае вы не Каблуков, а просто-напросто Подкаблучный!

Александра Александровна. Зачем оскорблять моего мужа! Дело-то не в нем, а в самой Линде Петровне. Она непременно обвинит Петра Петровича в посягательстве на директорское кресло. Нет, нет: Петр Петрович будет молчать.

Г о л о с. Дозволяева и ее близкое окружение специально такие слухи разносят.

Аглая Агафоновна. Не городите чепухи!

Елена Елисеевна. Никто и не городит. Линда Петровна таким способом не допускает в свой адрес никакой критики.

Г о л о с. Наш профорг ничего не побоятся. Пусть она выступит.

Троида Юрьевна. Что вы, что вы, товарищи! Мне до пенсии еще пятнадцать лет надо работать...

Г о л о с а. Виктория Викторовна, Виктория Викторовна...

Елена Елисеевна. Да, да, Виктория Викторовна. Помню, когда я училась у вас, вы огнем зажигали наши души. Я и на учителя пошла учиться благодаря вам.

Виктория Викторовна. Да, было время: зажигала я сердца... А теперь вот молчу. А почему? Да потому что у нас у всех двойная нравственность. И у меня тоже...

Я бы выступила с критикой, если бы у меня на сберегательной книжке лежало тыщенок шесть-семь... Я всю жизнь помогала детям своим... Сейчас можно бы вроде мне и не работать.

Но поймите меня: неужели я, когда по выходным дням соберутся у меня все мои родненькие, не угощу их повкуснее да послаще.

А на одну пенсию, при нынешней жизни, не очень разбежиться. Так вот, начни я сегодня критиковать администрацию, завтра от меня, как от пенсионерки, избавятся. Я зависима, зависима материально. Но и я когда-нибудь взорвусь! Взорвусь, не вы-тер-плю!

Г о л о с а. Хватит молчать, хватит! Мы, молодежь, выступим.

Александра Александровна. Ну, допустим, выступите вы. Причем дружно, все... А ломать-то вас будут, как прутьки, поодиночке.

Г о л о с а. Мы в метлу объединимся и выдюжим!

Виктория Викторовна. Ой ли! Впрочем, молодой я такой же была...

Елена Елисеевна. А вообще-то, чего мы поднимаем бурю в стакане воды!? Разве пробьешь непробиваемое...

Зинаида Андреевна. Пробьешь, если будешь бить!

Вдруг распахивается дверь директорского кабинета и из него выходит красная, как кумач, Линда Петровна. Каждый воспринимает ее появление по-своему.

Аглая Агафоновна (*суетливо-угловато, задыхаясь*).
Линда Петровна, Линда Петровна, Лин...

Директор молча уходит со сцены.

Аглая Агафоновна. Ужас-то какой! Люди, не сказала ли я чего-нибудь лишнего за компанию с вами? Ой, что будет, что будет! Откройте окна: я задыхаюсь... Задыхаюсь!

Зинаида Андреевна. Это у вас от страха. Дышите глубже, Аглая Агафоновна. И никогда и никого не бойтесь. Ни-ко-го!

Аглая Агафоновна. Дышу, голубушка, дышу. Жить-то все равно как-то надо. Не помирать же теперь из-за нее, из-за этой кри-ти-ки!

В приемную входит одетый по последней моде Роман.

Роман. Здравствуйте! Я к директору...

Аглая Агафоновна. Директора нет, она ушла. А вы, молодой человек, к ней по какому вопросу?

Роман. Забрать документы Нины Якушкиной.

Александра Александровна. Вы Нине кто будете?

Роман. Я ее муж!

Все. Муж! Муж!

Голос. Но сколько вам лет, молодой человек?

Роман. Вчера отметил восемнадцать...

Виктория Викторовна. Родители ваши знают, что вы женились?

Роман. Само собой... Знают.

Голос. Но Нина еще несовершеннолетняя, да и школа не загс.

Роман. Знаю, не маленький. Я вот что прошу: не отправляйте Нинку в колонию. Отдайте мне ее документы. Мы вместе с ней будем в вечернюю школу ходить...

Голос. И давно вы знакомы с Ниной?

Роман. Давно: пять дней уже...

Хохот.

Виктория Викторовна. А Нина где?

Роман. Вон, в «Жигуленке», сидит...

Аглая Агафоновна. «Жигули» вашего отца?

Роман. Нет, наши с Нинкой. Теща дарственную написать обещает.

Аглая Агафоновна. Вот так всегда: порядочная девушка в девках засидится, а какую-нибудь шилохвостку с руками-ногами оторвут. Да еще и спасибо скажут...

Троида Юрьевна (*глядя в окно*). Да у кого не дрогнет душа перед нею, раскрасавицей, такую!

Аглая Агафоновна. Якушкина — раскрасавица? Скажешь тоже...

Троида Юрьевна. Да не она — «Жигули»...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кабинет директора. Обстановка довольно скромная. За столом сидит Зинаида Андреевна. Она кладет телефонную трубку на аппарат. Входит Троида Юрьевна.

Троида Юрьевна. Здравствуйте, Линда Петро... О-о! Это вы, Зинаида Андреевна. Что, опять в учительской телефон не работает?

Зинаида Андреевна. Работает, но здесь поближе. А вас с возвращением! Как отдохнулось на курорте?

Троида Юрьевна. Отлично! И главное, никаких забот о поурочных планах, обедах, кастрюлях... А в школе, я вижу, столько перемен, столько перемен! Дети-то в нововведенной школьной форме прямо, как цветы! Ай да Линда Петровна. (*Смотрит на стенд, висящий на стене кабинета*). Совет доверия создан? Превосходно, превосходно! Ну Дозволяева: не директор — реформатор!

Зинаида Андреевна. Разве это преобразования?

Троида Юрьевна. Не за-ви-дуй-те! Зависть опасна для жизни. Это я по себе знаю. Завидую часто и болею тоже... А что в кабинете так светло и просторно стало?

Зинаида Андреевна. Лишнюю мебель в классы шестилеток отдали.

Троида Юрьевна. Превосходно! Теперь все вышестоящие органы что-нибудь да отдают народу. Скажите, а где сама?

Зинаида Андреевна. Ушла на...

Троида Юрьевна (*нетерпеливо*). Как придет, передайте ей от меня этот чудный пирог. Чуете, какой запах! Па-

мать потеряешь! Я не могу вас угостить им: для Петровны старалась.

Зинаида Андреевна. Не знаю, придет ли она сегодня. А вообще-то должна прийти. За трудовой книжкой.

Троида Юрьевна. За чьей трудовой книжкой?

Зинаида Андреевна. За своей.

Троида Юрьевна. Что здесь произошло в мое отсутствие? Говорите, не тяните мыща за хвост...

Зинаида Андреевна. За хвост тянут kota. А что касается Дозволяевой, то она ушла...

Троида Юрьевна. Куда ушла? Говорите же наконец!

Зинаида Андреевна. На пенсию.

Троида Юрьевна (*остолбенело*). На пенсию! Когда? Когда?

Зинаида Андреевна. Вскоре после вашего отъезда.

Троида Юрьевна (*вдруг преображаясь*). Дух захватывает узнать, как ее турнули...

Зинаида Андреевна. Никто ее не турнул... Сама ушла...

Троида Юрьевна. Сама?! Вот ненормальная: ну и выкинула номер! А кого назначили директором?

Зинаида Андреевна. Не назначили, а выбрали на собрании.

Троида Юрьевна. И кого, кого? Говорите же, не мямлите...

Зинаида Андреевна. Меня избрали...

Троида Юрьевна (*задохнувшись, отпрянула от Зинаиды Андреевны, всплеснула руками*). Зинаида Андреевна, дорогая моя! Поздравляю, поздравляю! Как я сразу не догадалась, что вы, только вы способны совершать реформы. А вы так смогрительсь за директорским столом! Просто чудо! (*Разворачивая сверток*). Не побрезгуйте, откушайте моего домашнего пирога. Специально для вас старалась... (*В сторону*). Ой! Что я мелю... А что особенного? И эту приручать надо...

Зинаида Андреевна. Но я питаюсь...

Троида Юрьевна. Чем, чем питаетесь, Зинаида свет Андреевна? Говорите... И я из-под магмы все достану. Знакомых заставлю, родню на ноги подниму!

Зинаида Андреевна. Но я, Троида Юрьевна, питаюсь своим и купленным в магазине...

Троида Юрьевна. При желании все может стать своим... (*Неожиданно*). Ой, что я для вас, Зинаида Андреевна, на юге достала! Тени! Фран-цузские тени!

Зинаида Андреевна. Но я не просила вас об этом...

Вот, кстати, и Линда Петровна пришла. Сами и вручите ей свои презенты.

Троида Юрьевна. Для всяких бывших я стараться не собираюсь. И знаете, Зинаида Андреевна, какое это счастье, что коллектив, наконец-то, избавился от Вседозволяевщины! Избавился!

В кабинет входит Дозволяева. Троида Юрьевна, не отвечая на ее приветствие, со свертком в руках величественно проходит мимо нее. В коридоре встретила с Аглаей Агафоновной.

Троида Юрьевна. Агафоновна, ты почему меня не предупредила обо всех этих пертурбациях в школе?

Аглая Агафоновна. Во-первых, здравствуйте! Во-вторых, когда бы я могла тебя предупредить о них? Ты ведь сразу устремилась в директорскую...

Троида Юрьевна. И кого, кого вы избрали?! Давно ли она в ученицах ходила. А теперь нами руководить будет. Но это еще полбеды, другое плохо: она близкого окружения не заведет...

Аглая Агафоновна. Ничего! И эту приучим соблюдать наше правило.

Троида Юрьевна. Ой ли!

Аглая Агафоновна. Дрессировщики бессловесных и безмозглых тварей приручают. А Зинаида все же гомо сапиенс! Юрьевна, вспомни-ка, у кого она училась в школе?

Троида Юрьевна. Зачем, зачем тебе это? Ты еще расследуй, в которых ясельках она ползунки марала. Да вмени, вмени ей это в вину!

Аглая Агафоновна. Не утрируй: мы обязаны знать теневые стороны характера своего начальства...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Празднично оформленное фойе школы. Кругом цветы, гирлянды... У правой стены деревянные диванчики, мягкие кресла. На двери, ведущей в зал, плакат: «Добро пожаловать, дорогие выпускники!» Налево от двери большое зеркальное трюмо. На одном из диванчиков сидят Зинаида Андреевна и Елена Елисеевна. Елена играет на гитаре, а Зинаида напевает.

Зинаида Андреевна.

Я получила ваше посланье,
я получила ваше письмо.
Хоть запоздалым, но жданным признаньем
дышит оно, дышит оно.

Строчки плывут, плывут предо мною...
Сердце не верит и верит опять.
снова играть, снова играть!
Черные буквы на белом листе
Зачем моей и своей судьбою
сердце выводит вам и мне:
как невозвратное возвратить?
Возможно ль счастливыми быть?
Возможно ль счастливыми быть?..

Елена Елисеевна. Я слышала, Сергей приехал...

Зинаида Андреевна. Не надо, не надо о нем... К чему!?

Зинаида и Елена уходят в зал. В фойе входят и усаживаются в креслах Аглая Агафоновна и Троида Юрьевна. Входят Сергей и Ольга, которая устремляется к трюму, а Сергей проходит в зал.

Аглая Агафоновна. Юрьевна, смотри, смотри, бывший жених Зинаиды припожаловал. И не один, а с женой...

Троида Юрьевна. Точно, Сергей. У-у, бесстыжий, не постыдился —заявился... А вообще-то пусть, пусть потравит нашу Зинаиду. А то она больно высоко взлетела. Не мешает ей крылышки подрубить...

Ольга направляется в зал.

Аглая Агафоновна. Девушка, вы Ольга Пет-ро-ва? Ольга. Да...

Троида Юрьевна. Как живется вам там, на далеком севере?

Ольга. Хорошо живется...

Аглая Агафоновна. Сергей не обижает вас?

Ольга (удивленно). Что вы!? Он такой добрый.

Ольга уходит в зал.

Аглая Агафоновна. Ну и Сергей: такую юную подцепил!

Троида Юрьевна. Что красота не делает с мужчинами!

Из зала выходят Сергей и Зинаида.

Аглая Агафоновна. Тс-с: послушаем, о чем будут ворковать бывшие горячо влюбленные...

Сергей. Зинаида, нам необходимо поговорить...

Зинаида. Но я не желаю...

Сергей. Почему? Может быть, и встретила, может быть, и...

Зинаида. Может быть, и встретила, может быть, и...

Сергей. Так ты поэтому не отвечала на мои письма?

Зинаида молчит.

Аглая Агафоновна. Троида, они, наверное, видят нас... и боятся откровенничать. Сделаем вид, что мы уходим.

Обе женщины прячутся за большой фикус.

Сергей. Зинаида, встретимся после вечера на нашем старом месте? Ты придешь?

Аглая Агафоновна. Ой, что она ответит ему...

Троида Юрьевна. Ну и Сергей: жена есть, а он другой свиданье назначает...

Аглая Агафоновна. А я бы пошла, на месте Зинаиды, на свиданку и отбила бы его у этой юной дурочки...

Зинаида. Нет, с прошлым покончено!

Сергей уходит в зал. В фойе выпархивает, а затем чинно подходит к Зинаиде Андреевне Ольга.

Ольга. Здравствуйте, Зинаида Андреевна.

Зинаида (*не особенно радостно*). Здравствуйте.

Ольга (*восторженно*). А у вас такая уютная школа! И такие все добрые, хорошие...

Из репродуктора слышатся голоса спорящих.

Мужской голос. Серега, давай пригласим ее сюда?

Сергей. Я тебе приглашу!

Слышится возня.

Голос. Серега, не отбирай микрофон. Чего ты! Ребята, подержите его за руки. Я только объявление сделаю. Уважаемые гости и хозяйка, приглашаем всех в зал. Убедительно просим невесту Сергея Петрова открыть с ним в паре белый вальс!

Зинаида Андреевна. Так вы еще не замужем, Ольга?

Ольга. Ой! Что вы! Я еще учусь в школе...

Зинаида Андреевна. Что ж вы не идете в зал? Вас ведь приглашают...

Ольга. Ме-ня!? С чего это меня-то?

Зинаида. Вы же невеста Сергея Петрова...

Ольга. Ой, ой! (*хохоча*). Я невеста Сергея! Что вы, что вы? Он же мой брат, мой родной старший брат.
Зинаида (*обнимает Ольгу*). Неужели, неужели, это правда?
Аглая и Троида (*пораженные*). Об-ни-ма-ют-ся!

Марьям Рамазанова

КУСКЕЖИК

Пьеса-сказка в двух частях

Действующие лица:

Кускежик — маленький мышонок.

Хайыракан — медведь, хан тайги.

Лиса.

Собака.

Волк.

Нойон.

Охотник.

Дочь нойона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Ветки деревьев потянулись к солнцу изо всех сил и на них проклюнулись почки. В бездонном голубом небе играют легкие облака. И только кажется, что вокруг тишина. Прислушайтесь: все поет, все звучит, все в музыке! Шепчутся только что народившиеся былинки, звенит родничок, звонко лопаются почки. Это Весна-красна вступает в свои права хозяйки. В такт музыке закачались на мохнатых ножках годснежки, запели птицы, радуясь возвращению в родной лес. Маленький мышонок Кускежик, выскочив из своей норки, запел, затанцевал, греясь под лучами солнца.

Кускежик.

Хорошо петь, играть,
Бегать, кувыркаться!
Можно даже танцевать,
Если постараться.

Лапку вверх, лапку в бок,
Покружусь юлою,
Прыг-скок, прыг-прыг-скок!
Хорошо весною!

Вдруг Кускежик сжался в комочек, услышал что-то подозрительное и юркнул в норку. Только и торчит его маленький любопытный носик. Где-то вдали заревел Медведь, все ближе, ближе... Рот он идет прямо на Кускежика, пошатывается, шерсть на нем свалаялась клочьями...

Хайыракан. Сколько дней, как вылез из берлоги, а во рту ни маковой росинки. Корову бы сейчас проглотил заживо. Скорей бы лето — ягоды, мед... А то ведь сдохнуть можно...

Пошатываясь, идет Медведь, а следом за ним крадутся Лиса и Волк. Прошел Медведь. Лиса на пень усслась, прямо над норкой Кускежика, из хвоста прошлогодний релей вытаскивает и оглядывает обессиленного Волка, который полз по-пластунски, да так и остался лежать у пня.

Лиса. Слушай, Волк Волкович, внимательно. Самое главное сейчас — добиться, чтобы Медведь назначил меня распорядительницей подтаежки. Сколько там зайцев, Волк!!!

Волк. Ха-а — зайцев!..

Лиса. А ты моим помощником будешь. Самая свежая зайчатина — вся твоя!

Волк. За-а-айча-ти-на...

Лиса. Значит, так: сейчас говорю Хайыракану, где стадо коров пасется, а ты меня нахваливай. Я у него за стадо назначение потребую. Он нам даст назначение, а мы его на стадо натравим. Там видно будет. Еще неизвестно, что с ним пастухи сделают, если вовремя собак поднять. А это-то мы сделаем. Понял?

Волк. Что?

Лиса. Меня нахваливать сейчас должен, тогда моим помощником будешь. Все зайцы твои будут.

Волк. За-айцы...

Возвращается Медведь. Лиса заставляет Волка встать на задние лапы (на колени), сама рядом в угодливой позе, согнувшись, и хвостом кокетливо-смушенно обмахивается. Рычит Медведь, завидев кустик прошлогодней брусники.

Лиса. О! Самый великий! (Толкнула Волка — не молчи).

Волк. Великий...

Лиса. О, самый могучий! (Подпихнула Волка).

Волк. Могучий...

Лиса. О, лучший из лучших!

Волк. Лучших...

Лиса. Тайги нашей хан.

Волк. Хан...

Лиса. Живи ты и здравствуй!

Волк (у него прорезался голос). Здравствуй!!!

Л и с а. Над нами ты властвуй (*осадила Волка*), Бурый медведюшка, батюшка-медведь, наш Хайыракан.

Х а й ы р а к а н. Здравствуйте.

Л и с а. Здравствуй, наше солнце ясное-распрекрасное. Батюшка-медведь, на поклон пришли (*за уши заставляет Волка кланяться*). Зима кончилась.

Хайыракан молчит.

Х а й ы р а к а н. Лето скоро, да есть-то сейчас хочется.

Л и с а. С тем и пришли к тебе. В первую очередь только о твоём благе и печемся (*толкает Волка*).

В о л к. Лиса заботливая...

Л и с а. За северным отрогом, не так уж и далеко, батюшка, стадо коров пасется, хорошие коровки. Понаблюдала я: пастух постоянно пропадает и собак с собой уводит (*толкает Волка*).

В о л к. Лиса внимательная.

Х а й ы р а к а н. Хорошо бы хоть что-нибудь съесть.

Л и с а. Вот я и говорю, что служба для тебя нам в радость. Батюшка ты наш, вот уж я и проект приготовила — обещался ты в прошлом году назначить меня с весны распорядительницей подтаежки.

Х а й ы р а к а н. Не припомню.

Л и с а. Заспал, Хайыраканушка-батюшка. Зима длинная была, вот и заспал. А ведь я тебя от всех забот о подтаежке освобожу. А дел-то там! Зайцы распустились.

В о л к. Зайцы...

Л и с а. Кабан своевольничает, рысь что хочет, то и делает. Вот, батюшка, подпишешь, а там и к столу двинем. Мы в разведку мигом слетаем, а ты следом за нами...

Чешет Медведь за ухом, задумался. Кускежик не выдержал, прыг из-под пня прямо под ноги медведю.

Кускежик. Не верь им, Хайыракан! Обмануть тебя хотят!

Х а й ы р а к а н. Что такое? От голода, что ли, мне кажется...

Л и с а и В о л к кинулись на Кускежика, но тот успел юркнуть в норку прямо у Медведя под ногами. Кинулась Лиса норку разрывать, да Медведь мешает.

Л и с а. Паршивец Мышонок, да я от тебя мокрого места не оставлю.

Хайыракан. Тихо, Лиса. Отойди-ка к Волку. (*Волк тем временем подальше к кустам отполз.*) Подальше, подальше и сиди там, а то я тебе дам распоряжение. Эй, где ты там, Мышонок, иди-ка сюда. Где ты?

Кускежик. Здесь я, Великий хан, не верь ему. Ты Лису своей распорядительницей сделаешь, а они на тебя собак травят в стаде. Я слышал, они сговорились.

Лиса. Врет он, врет все!

Хайыракан. Лиса, ты у меня дождешься! (*Пошел Медведь на Лису с Волком. Их как ветром сдуло. Повернулся Медведь к Кускежику.*) За услугу спасибо и убирайся тоже, а то ненароком проглочу.

Кускежик. Я еще, может, пригожусь.

Хайыракан. Если Лиса не съест. Однако голод все внутренности переворачивает. Надо идти, надо искать, может, что и подвернется...

Пошел Медведь, а Кускежик опять запел, не заметил, как Лиса из-за пня выскочила. Застыл Мышонок на месте.

Лиса. Так! Теперь поговорим. Как ты говоришь, тебя звали? Кускежик? Заходи, Волк, сюда.

И началась погоня. Очень юрким оказался Мышонок. Волк с Лисой — мимо проскочили, не туда направились. Погоня.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Настало лето. Вершины гор покрыты белоснежными шапками. На отлогих склонах кое-где растут лиственницы, пасутся отары овец, бродят табуны коней. У подножья гор растет караганник, цветет шиповник. А вот огромная белая юрта Нойона, который собирается выдать замуж свою единственную Дочь. Он вышел из юрты и ждет приближения старого Охотника, который должен принести свою добычу — меха для приданого. Охотник встал на колени перед Нойоном, положил к его ногам мешок с мехами.

Охотник. Принес все, что добыл.

Нойон. Врешь, глупый черт. Никогда вам верить нельзя. (*Он явно не в духе.*) Ты еще вчера должен был явиться. Где тебя носило? За задержку ты мне заплатишь.

Охотник. В лесу я был, когда за мной приходили.

Нойон. Меня это не касается. Все равно платить будешь. Неси в юрту, я сам все пересмотрю.

Нойон и Охотник уходят в юрту. А между тем совсем поблизости появляется Кускежик. И не один. За ним гонится Лиса.

Лиса. Сейчас ты забудешь, как тебя звали!

Почуяв Лису, громко залаяла Собака, срываясь с цепи. И в то же время из юрты с криком выбегает нойонская Дочь.

Дочь. Опять она лает! Сейчас же повесить эту Собаку! Ачай! Ачай, ты что — оглох?

Голос Нойона. Сейчас, доченька, сейчас иду!

Дочь. *(Она в нарядном халате и шапке, опушенной соболем, в ушах золотые серьги, играют на солнце драгоценные камни перстней. Разгневанная, она топнула ногой.)* Долго тебя еще ждать?

Голос Нойона. Иду, моя ненаглядная, иду!

Шатаясь, выходит Охотник, отталкивая его, стремглав несется к Дочери Нойон.

Дочь. Вели сейчас же повесить Собаку. Она мне всю ночь спать не давала. *(Собака заливается лаем.)* И опять лает!

Кускежик юркнул под высохший корешок, а Лиса вынуждена была отбежать, да уж больно любопытно, что тут за крик, метнулась, в колдобину и залегла, слушает.

Нойон. Повесьте! *(Охотнику.)* Эй, ты, повесь собаку! *(Дочери.)* Ты не волнуйся, тебе это вредно, красоту можешь потерять. А ведь свадьба скоро.

Дочь. Опять ты про свадьбу! Сколько раз говорила, не хочу слушать. Какой он жених, если страшнее тебя. Брюхо во-о — подушка, на глаза бельмо, ноги во-о — коряги кривые!

Нойон. Добрая моя, ласковая доченька!

Дочь. Не пойду за него! Старый! Противный! Гадкий! *(Охотнику.)* Чего медлишь? Почему собаку не вешаешь? Хочешь, чтобы я тебя повесила?

Охотник копаются у привязи, уж очень медленно отвязывает Собаку, поглаживает ее. Собака крутится возле Охотника, повизгивает, время от времени тявкает в сторону спрятавшейся Лисы.

Нойон *(охотнику)*. Давай пошевеливайся! *(Дочери.)* Доченька, солнышко мое, сейчас он ее повесит. Ты успокойся. Тебе, главное, стать женой сейчас нужно. Он ведь долго не проживет, жених твой, старый ведь, больной. А ты какой богатой будешь!

Дочь. А вдруг он долго будет жить?

Нойон. Не будет, умрет скоро. Я сам помогу ему.

Дочь. Я и так богатая, я у тебя единственная дочь.

Нойон. Какое наше богатство? А станешь его женой, будем богаче втрое. Какие отары! Какие табуны! А сколько юрты сможешь себе поставить! Что хочешь, то и делай!

Дочь. Так уж он и богат?

Нойон. Нарядов у тебя будет в десять раз больше. Ты будешь самая богатая во всей Туве!

Дочь. Ладно, не приставай, я подумаю. Он ведь кривоногий.

Нойон. Зато богатый. А умрет, за кого хочешь, за того и выйдешь.

Охотник. Ясноликая, собака ни в чем не виновата. Лаяла, значит, кто-то к юрте подходил. А может, зверя какого учуяла.

Дочь. Ты еще и перечить вздумал! Ачай, повесь его вместе с собакой!

Нойон. Повесим, дочь моя, вот принесет еще мешок мехов — и повесим.

Охотник. Она на соболя хорошо ходит. Отдайте мне ее. Я вам принесу за нее соболей на целую шубу.

Дочь. Ачай, я согласна. Пусть забирает Собаку и принесет соболей на целую шубу.

Нойон. Доброта твоя, дочь моя, безгранична, как наше небо. Слышишь, чурка с глазами, забирай Собаку и проваливай, да не забудь, что шуба к свадьбе должна быть готова.

Дочь. Нет, пусть пока не уходит. Так ты говоришь, что юрт у меня будет столько, сколько захочу?

Нойон. Сколько захочешь, крошечка моя.

Дочь. Юрт белых у меня будет много! Я выйду замуж за твоего кривоногого, кривоглазого, если ты прикажешь поймать самого сильного медведя в тайге. Я велю приковать его на цепь вместо сторожевой собаки. Что, ачай, не по норке табак? Ты еще не знаешь меня. Старый дряхлый муж будет сидеть под моим маймаком. И сочтет это за великое счастье. Медведь! Хочу медведя на цепь рядом с моими юртами!!!

Дочь уходит в юрту.

Нойон. Сроку я тебе даю целый месяц. Словишь живого медведя. А нет — самого на цепь посажу и заставлю лаять.

Охотник. Ваше нойонство, я всю жизнь охотился, приносил вам меха...

Нойон. Молчать. Иди и выполняй то, что велено. *(Уходит в юрту).*

Погладил Охотник Собаку, приласкал ее, Собака дружески завиляла хвостом.

Охотник. Что делать будем?

Собака. Ты спас меня, я отблагодарю тебя.

Охотник. Я знаю, что ты хорошая Собака. Только собо-
линая шуба — это еще полбеды. Что с медведем-то будем де-
лать?

Собака. Я знаю, какой тропой Хайыракан на водопой
ходит.

Охотник. Стар я уже для охоты на медведя.

Собака. Что-нибудь придумаем.

Охотник. Разве что яму на дороге вырыть?

Лиса. Вот это да! Самого Хайыракана поймать хотят. Я
ведь от этого могу выгоду поиметь.

Метнулась Лиса к лесу. Завидев ее, Собака пустилась в погоню.
Охотник отошел в сторону, сел в раздумье неподалеку от Мышонокка.

Кускежик (*выскочив*). Трудно, наверное, медведя ло-
вить?

Охотник. Кто это?

Кускежик. Это я, Мышонок Кускежик. Я под корешком
сидел и все слышал.

Охотник. Так ведь посадят на цепь да мучить будут. Они
ведь хуже зверей, особенно дочь нойона. Ради своих капризов
никого не щадит.

Кускежик. Так вы тогда не ловите медведя. Скажите,
что не смогли поймать.

Охотник. Тоже ничего не получится. Другим охотникам
прикажут, те и поймают медведя. А с меня кожу живьем сдерут.
Вон грозились меня на цепь посадить. И посадят.

Кускежик. А как же вы его поймаете? Он такой боль-
шой, сильный.

Охотник. Собака знает его тропу. Яму вырою, травую
прикрою. Медведь по тропе пойдет, авось в яму и свалится.

Кускежик. Значит, будете ловить?

Охотник. Надо, приказали.

Кускежик. Ну ладно, побежал я. До свидания. Может,
еще и встретимся.

Вернулась Собака, ушли они с Охотником.

Кускежик. Нужно бежать, найти Хайыракана, предуп-
редить его.

На пригорке появляется Лиса.

Лиса. Куда же ты, Кускежик, направляешься? Уж не в
гости ли к Хайыракану?

Кускежик сделал Лисе «нос», кинулся прочь.

Лиса. Ну, Кускежик, забудешь, как тебя звали!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Птицы поют, и летнее солнце поднимается в зенит, отдавая свое тепло, под которым зреют ягоды малины на знакомой уже опушке леса. Сколько ягод! Кто не знает, что медведь любит лакомиться малиной? Какая сладкая ягода, и собирать ее легко: нагнул ветку, а ягоды сами в пасть просыпаются. Здесь, в малиннике, и встречаемся снова с Хайыракано. Только теперь шерсть на нем лоснится, и весь-то он гладкий, жирный.

Хайыракан. Хорошо! Ах, как вкусно! Давай-ка, которая покрупнее. Хорошая малина. Кажется, наелся, больше некуда. Хоть и не юнец давно, а покувыркаться захотелось.

Завалился Медведь на траву, катается, встает на задние лапы и пускается в пляс, напевая:

В яркий день, в жаркий день
я живу беспечно.
Эх, набить бы мне пузень
ягодой навечно.

Сам я царь, сам я царь,
сам таежный государь.
Ах, какой я молодец!
Ах, какой я душка!

Вот построю я дворец
и найду подружку.
Сам я царь, сам я царь,
сам таежный государь!

Мы с подружкой вдвоем
будем царством править,
а зверье пускай поет,
нас с царицей славит.

Сам я царь, сам я царь,
сам таежный государь!

Из-за кустов осторожно появляется Лиса. Она прокашлялась деликатно. Хайыракан принимает вид, подобающий хану тайги.

Хайыракан. Чего тебе, рыжая?

Лиса. Великий из великих! Я от умиления плачу. *(Ползет к Хайыракану на животе)*. Вы так красиво, так легко пляшете! А какая у вас стройная мужественная фигура, просто одно очарование.

Хайыракан. Ты, лисица, льстить мастерица. Не зря ведь припожаловала? Опять чего-то клянчить пришла. Я твою натуру изучил. Выкладывай.

Л и с а. Выкладываю.

Достает из сумки кружок хана — кровавой колбасы, с поклоном отдает медведю.

Х а й ы р а к а н. Вкусно. А это что?

Л и с а подает узелок. М е д в е д ь развязал, понюхал, лизнул.

Что это за еда? Мелкая, зернистая. Ее так мало, что и вкус не разберешь. Возьми обратно.

Л и с а. Ваше Хайыраканство, я такое не употребляю. Мой нежный желудок приспособлен к утятине, гусятине, курятине. А это тара, ее двуногие едят. До них отсюда я всю ночь бежала. Оттуда, Ваше Ханство, я и принесла вам подарочек.

Х а й ы р а к а н. Так не петляй, говори, что тебе надо? Мне некогда, не отнимай мое драгоценное ханское время.

Л и с а. Ваша доброта, светлейший, всему таежному царству известна. В подтаежке, неподалеку от этих двуногих, я участок присмотрела. Поставь меня, ваше величество, чиновницей тамошних мест. А поскольку участок большой, трудный, ваше Хайыраканство, не угодно ли будет вам объявить меня вашим первым заместителем. По этому участку. Я за порядком следить буду, а вам никаких хлопот. Даю честное-пречестное слово, что я там наведу полный порядок, можете на меня положиться...

Х а й ы р а к а н (откровенно позевывает). Надоела ты мне, Лиса, со своим заместительством. Ступай, я этот вопрос обмозгую. Торопливость нужна только при ловле блох. А сейчас мне некогда. (*Уходит*).

Л и с а. Глупый! Не Хайыракан, не хан, а глупый баран. Так. Нужно срочно Волка найти. (*Заметалась от куста к кусту. Остановилась возле кедра, любуясь своим хвостом.*) Чем я не царица тайги? Хороша собой. Один хвост чего стоит!.. Хитра, умна, изворотлива. Если только стать мне ханшей — всех в бараний рог согну! Помощницей хана!

Что за рост,
что за хвост,
что за губки алые.
Мне дарят охапки роз
лисы разудале.

Я хочу роскошно жить
и лесной царицей быть.
Хайыракан, Хайыракан,
попадешься в мой капкан.
Вся тайга и все зверье
станет исконно мое!

Л и с а поет, танцует, собой любит. Появляется В о л к.

В о л к. Ты чего, Лиса, распрыгалась среди бела дня?

Л и с а. Волк Волкович! А я ведь тебя ищу. Ты мне так нужен, так нужен!.. Пользуйся моей добротой, что помню тебя и люблю. Можешь меня поздравить — Медведь объявил меня своим главным заместителем!

В о л к. Врешь, однако, как всегда.

Л и с а. Я вру! Фу, какой ты необразованный. И за что я только тебя люблю? Ладно, на этот раз прошу тебе эту грубость.

В о л к. Что-то я ничего об этом не слышал.

Л и с а. Еще услышишь. А теперь меня слушай. Поскольку я теперь главный заместитель, когда не станет Хайыракана, кто должен занять его место? Разумеется, я! Сообразил?

В о л к. Ничего не понял. Задурила ты меня совсем. А куда ж он денется, что его «не станет»?

Л и с а. Ты, Волк, очень медленно соображаешь, а потому всегда и во всем должен слушаться меня, я из тебя человека сделаю. Так и быть, раскрою секрет, только горе тебе, если где что сболтнешь.

В о л к. Ну, ты, Лиса, меня не уважаешь...

Л и с а. Ладно, верю. Так вот: погналась я за этим вредным мышонком — в который раз уже от меня уворачивается и сегодня опять ушел, паршивец. Так вот, погналась и нечаянно попала к юртам. А там... разговор подслушала. Двунogie хотят нашего Хайыракана поймать и на цепь посадить возле юрты. Какой же он после этого будет хан, если можно будет подойти и плюнуть в него? Соображаешь?

В о л к. Как же это Медведя поймать можно, он ведь кого хочешь задерет?

Л и с а. Вот я и говорю, что ты плохо соображаешь. Они хотят вырыть яму на тропе, по которой Хайыракан на речку ходит, а наша с тобой задача — помочь ему попасть в эту яму.

В о л к. А если не попадет, что с нами будет?

Л и с а. Попадет, если хорошо постараешься. А будет то, что я стану ханшей, а ты — моим главным заместителем. Я назначу тебя главным чиновником любого участка, какой только пожелаешь. Кто ты сейчас? Никто. Задерешь барана и боишься, как бы кто не прознал, дрожишь, как осиновый лист. А кем будешь? Хозяином! Целые стада к тебе сами будут приходить на съедение. Ешь — не хочю. Не хочешь баранины, бери куропаток, только свистни — стайей прилетят. Не хочешь куропаток — табуны лошадей к твоим услугам. Эх, Волк, и жизнь начнется!

В о л к. Ох, и складно же ты врешь, Лиса, прямо слюнки потекли.

Л и с а. Опять «врешь». Ты, Волк, дождешься, что мне придется главным заместителем Кабана назначить.

В о л к. Это, Лиса, я к слову сказал.

Л и с а. Запомни: впредь чтобы лишних слов я от тебя не слышала.

В о л к. Запомню. Что же мне теперь делать надо?

Л и с а. Вот что. Кроме меня, этот разговор слышал зловредный Мышонок. Я его искала, да недосуг было на него время тратить. Но он может Медведя предупредить. Поэтому мне нужно быть рядом с Медведем. Как-никак, я его главный заместитель, и Мышонка не подпущу.

В о л к. А мне куда?

Л и с а. А ты, Волк Волкович, разведчиком будешь. Тебе нужно выяснить, где и когда охотник будет яму копать. А потом меня предупредишь. Дальше я что-нибудь придумаю, чтобы Медведя на эту яму вывести.

В о л к. Тсс! Кто-то идет.

Л и с а. Мерещится тебе от страха.

В о л к. Не мерещится. Нюхом чую и разговор слышу.

Л и с а (*прислушивается*). Теперь и я слышу. Говорила тебе, что из тебя прекрасный разведчик будет!

В о л к. Тише! Человек с собакой!

Л и с а. Цени, Волк, мужество будущей ханши. Беру Собаку на себя, отвлекаю ее и ухожу к Медведею. А ты маскируйся и в оба гляди за Охотником. Все.

Л и с а затыкала, затем опроретью бросилась в кусты. Послышался лай Собаки, которая мимо Волка пронеслась в сторону убежавшей Лисы.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На медвежьей тропе у старого кедра Охотник закончил рыть яму, поднимается из ямы по аркану, привязанному к кедру. Собака тут же.

О х о т н и к. Жаль мне Медведя. Ох, как жаль! Замучают его, не выдержит он неволи, умрет. Да и жизнь в неволе не лучше смерти.

С о б а к а. Надо торопиться, уходить. Скоро вечер. Медведь к реке должен идти.

О х о т н и к. Надо ветками и мхом яму прикрыть.

На полянку выскочил Кускежик и прямехонько к Охотнику. Залаяла Собака, но Кускежик не робел.

Кускежик. Не трогай меня, мне с твоим хозяином поговорить надо.

Собака. Ишь ты, разговорчивый какой. А ну, проваливай и поскорее, чтобы духу твоего здесь не было!

Охотник. Что там случилось?

Кускежик. Не могу, дело у меня важное.

Собака. Да вот, Мышонок откуда-то взялся.

Кускежик. Это я, ваш знакомый Кускежик. Я же говорил вам, что, может быть, встретимся. Мир тесен.

Охотник. Здравствуй. Как ты здесь очутился? Далеко ведь мы зашли.

Кускежик. Далеко. Я уже еле лапки волоку, так устал.

Охотник. Осторожнее, в яму свалишься.

Кускежик. А вы уже яму вырыли?

Охотник. Вот мохом забрасываю, чтобы не видно было.

Кускежик. Ой, какая глубокая! Значит, теперь поймаете Хайыракана?

Собака. А куда он денется. Считай, что уже поймали.

Охотник тяжело вздохнул и стал собираться домой.

Кускежик. А может быть, пожалеть Медведя?

Охотник. Медведя мы пожалеем, а нас кто пожалеет. Мне на старости лет вместо Медведя на цепи сидеть?

Собака. Меня повесить хотели.

Кускежик. Вы приведите их сюда и яму покажите, они и успокоятся. А Медведь не попадется, скажите, что в другое место ушел, почуял, видимо, что люди здесь были. Вам еще месяц срока дадут. А там, глядишь, дочь нойона и забудет, как замуж выйдет. Попытка — не пытка. А я Медведя предупрежу.

Охотник. И то правда. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Я за Нойоном и его дочерью пойду, пусть посмотрят на наши труды, может и успокоятся ненадолго, а ты неподалеку будь. Как услышишь, что Медведь идет, так и беги к нему, пусть уходит.

Кускежик (*радостно захлопал лапками и весело запрыгал*). Уж я-то предупредить сумею, только бы у вас все хорошо было.

Охотник. Ну, прощай, маленький Кускежик!

Кускежик. Всего вам доброго!

Охотник с Собакой уходят. Кускежик подошел к яме, заглянул в нее.

Кускежик. Ой-ей-ей, какая глубокая! А Хайыракан и не подозревает.

Вдруг что-то зашуршало, зашумело. Оглянулся Кускежик, а за спиной у него Волк стоит и пасть скалит. Волк выскочил из своей засады и ринулся на Мышонка. А куда деваться Кускежику? Яма огромная — через нее не перепрыгнешь. Попробовал в обход, а Волк его одним прыжком настиг. Зажал между лап и пояс с себя снимает.

Волк. Ага! Попался! Погоди, не рвись, все равно не выпущу. Лапы вот только и все тело затекло. Вон сколько времени без движения пролежал. *(Связывает вырывающегося Мышонка)*. Ох, и трудно быть разведчиком.

Кускежик. Отпусти меня, Волк, зачем я тебе?

Волк. Ишь ты, нашел дурней себя. Отпусти его. А что мне Лиса скажет?

Кускежик. Отпусти меня, я тебе скажу, где стадо баранов пасется.

Волк. Стадо баранов?

Кускежик. Целое стадо.

Волк. Далеко?

Кускежик. Нет, Волк, ты меня сначала развяжи и отпусти, а потом я тебе скажу.

Волк. Развяжу тебя, отпущу, а что мне Лиса скажет? Ой, все косточки ноют. Чего ради я в засаде столько времени без движения пролежал? Ведь Лиса...

Кускежик. Ну что тебе Лиса, ты сам Волк!

Волк. Лиса ханшей будет, а я... Да за одного тебя она мне премию полцарства выдаст! Думаешь, легко быть разведчиком?..

Кускежик. Лиса обманет тебя.

Волк. Как обманет? Она главный заместитель. Медведь в яму провалится, она ханшей станет, меня главным заместителем назначит. Жизнь будет! Стадо баранов, говоришь? А они скоро ко мне сами на съедение приходят будут. Лиса сказала. *(Связал Мышонка, оттащил под кустик, начал листву собирать — Мышонка забрасывать. Напевает)*:

Ничего, ничего мне не надо,
кроме логова лютой зимой.
И баранов, чтоб целое стадо
вечно числилось только за мной.

И еще, чтоб Лиса, став даргою,
мне чиновниче званье дала,
чтоб всегда был доволен собою,
чтобы жизнь моя сытой была.

Чтоб в обед, чтобы в ужин и в завтрак,
поедать из барана рагу,
чтоб смотреть безо всяких мурашек
прямо в морду любому врагу —
У-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!

До того Волк размечтался, что едва вспомнил: его же Лиса с докладом ждет.

Волк. Некогда мне с тобой возиться. Лиса с докладом ждет. Припрятать тебя подальше надо, приведу Лису и сдам ей тебя с рук на руки. (Волк забрасывает Мышонка листвою.) Сиди и не пищи, все равно тебя никто не услышит. А придет Лиса, ей и решать, что с тобой делать.

Волк огромными прыжками огибают яму, заглянув в нее еще раз, и скрывается. Мышонок начинает грызть пояс, которым связаны его лапки.

Кускежик. Глупый Волк. Скорее бы мне этот проклятый пояс изгрызть. Все равно от Волка с Лисой спрячусь, а Медведя предупрежу.

Кускежик перегрызает пояс на передних лапках, а между тем прошло уже немало времени, хотя он очень торопился. Вдруг он уловил шум — кто-то приближался к яме, громко разговаривая.

Кускежик (отползая в сторону). Может, это Волк с Лисой идут за мной. Проклятый пояс, сколько тебя еще нужно грызть!?

На тропинке, ведущей к яме, показывается Медведь, а вокруг него так и вьются Волк с Лисой. За спиной Медведя Волк знаками объясняет Лисе, где находится яма.

Хайыракан. Как вы мне надоели! Что вы лебезите? Не хочу я ваших подарков. Весной с голоду помирал — вас никого не было, а сейчас друг друга поедом едите, да еще и ко мне ходите: Волк вон на Кабана жалуется...

Волк. Так ведь вчера Кабан косюлю спугнул...

Хайыракан. ...Кабан ябедничает на Рысь, Рысь — на Лису...

Лиса. Врет она все, врет!..

Хайыракан. Вот я и говорю: таежное ханство такое огромное, всего вдоволь, а вам еще чины подавай, звания!

Медленно подвигается Медведь к яме. Кускежик рванулся навстречу, да далеко он, а задние лапки связаны крепко, не развязать никак.

Кускежик. Яма, яма на тропе! Стой, Хайыракан, в яму провалишься!

Хайыракан. Что за писк? Кто-то где-то кричит, а я не пойму, что и где.

Лиса. Комары пищат, сколько их порасплодилось. Ну-ка, Волк, развеселим нашего Хайыракана. Запевай!

Волк. А что петь?

Лиса (толкнула его в бок). Кричи!

Волк. Р-р-ры! А-а-ау...

Хайыракан (от неожиданности остановился, посмотрел на Волка и сел на пень). Ты чего, Волк, орешь, будто тебя режут?

Кускежик. Сиди, не ходи вперед.

Лиса (что было мочи).

Хайыракан наш, Хайыракан.
Ты в правители нам дан.
Хайыракан, наш Хайыракан.
Ты могучий, как бурхан.

Волк подпевает невпопад, Лиса шепчет ему: «Где Мышонок?.. Заткни ему глотку».

Волк (поет). Я его не вижу...

Лиса (поет). Растяпа...

Волк (поет). Сама растяпа!

Хайыракан (хохочет). О, певцы, песню спеть — и то не могут, а подавай им заместительство. (Встает и идет дальше). Не будет вам ничего, вы только и умеете, что подличать и лаяться.

И вдруг страшный рев Медведя оглашает окрестности тайги. Медведь провалился в яму!

Лиса. Будет! Теперь все будет! Я — ханша!

Хайыракан. Кто посмел?!

Лиса с Волком пляшут от радости.

Лиса. Все хорошо, что хорошо кончается!

Волк. Хорошо, если бы в яме еще капкан оказался!

Лиса. Поревешь, поревешь, да и подохнешь! Волк! Собирать на хурал всех зверей, да накажи каждому, что ханшей должна быть я.

Волк. Я — заместителем!

Лиса. Ну как же, конечно. Разевай пасть шире!

Волк. Зачем?

Лиса. Ладно, ссориться не время. Будешь заместителем.

Волк. Главным?

Лиса. Главным. (Волк убегает.) Главным — у сторожа моего курятника, а не у меня. Я тебя поставлю, голубчик, на место.

Хайыракан. Звери, братья кровные, жители таежные! Помогите, ради всего святого! (Слышно, как мечется в яме, рычит).

Лиса. Нужно идти переодеться, хвост распушить, поддельное медвежье завешание составить. (Наклоняется к яме). Счастливых снов тебе, Хайыракан!

Лиса величественно удаляется. Кускежик наконец-то перегрыз пояс, высвободил задние лапки и подбежал к яме.

Кускежик. Хайыракан! Хайыракан!

Хайыракан. Видно, смерть пришла. Звери добрые, эй, кто-нибудь меня слышит?

Кускежик. Я слышу. Вы не ревите, послушайте!

Хайыракан. Одни комары пищат.

Кускежик. Это не комары, не комары. Это я, мышонок Кускежик.

Хайыракан. Кто?

Кускежик. Мы весной с вами встречались. Я — Кускежик.

Шум на тропе, топот. Кто-то скачет. Кускежик прячется. Что же делать теперь? Как помочь Хайыракану? К яме подбегает Собака.

Собака. Медведь, медведь попался! (Бежит обратно).

Охотник выводит на тропу перепуганных Нойона и его Дочь. Сам первый подходит к яме.

Охотник. Как я этого не хотел! Видно, такова твоя судьба. Не сумел, видно, Кускежик предупредить. (Нойону.) Попался медведь, можете сами посмотреть.

Дочь. Ачай, быстро отсюда, Медведь может вылезти.

Нойон. Ты куда привел нас? Ты говорил, что Медведя еще нет!

Охотник. Так он попался, пока я за вами ходил.

Дочь. Чего стоите, коней давайте!

Нойон. Скорее, дочь моя, скорее!

Дочь. Он специально меня пугать задумал. Посажу его на цепь рядом с Медведем!

Медведь ревет. Кричит нойонская Дочь.

Охотник. Так Медведь уже ничего сделать не может. Яма глубокая, чего ж его бояться?

Дочь. Ты еще хочешь сказать, что я трусливая? Веди меня к яме!

Нойон (*он перепуган больше всех*). Зачем я только тебя послушал? Не ходи!

Дочь. Пусти, ачай!

Нойон. Ну зачем на старости лет мне выпало твоим капризам потакать?! Дочь, солнце мое, не ходи к яме! А если что случится? (*Шлечет.*) Ну зачем тебе взбрело в голову ехать эту яму смотреть?

Дочь. Ты, ачай, всю жизнь такой. Размазня! Вот замуж выйду, я тебе дам урок, как жить нужно!

Охотник подводит нойонскую Дочь к яме. Она подвигается очень осторожно. Замолчавший было Медведь понял, что перед ним враги, а он бессилен. Взревел Медведь! Залаяла Собака. Нойон упал, халатом накрылся. Дочь его отлетела от ямы, хватаясь за отца.

Охотник. Не надо бояться. Ему не выбраться.

Дочь. Кто тебе сказал, что я боюсь?

Нойон. Куда я попал?!

Дочь. Не скули, ачай! (*Охотнику.*) Как теперь его доставать будешь?

Охотник. Теперь ждать надо, пока он без воды и без еды не обессилеет. А потом на арканах и вытащим.

Дочь. Через три дня чтобы медведь у моей юрты был. Ачай, срочно посылай гонца к моему жениху — замуж я хочу. Завтра же! А через три дня, чтобы десять белых юрт было поставлено. У самой большой юрты Медведь будет на раскаленном железе танцевать.

Запела нойонская Дочь так, что листья на деревьях стали вянуть.

Дочь.

Пусть служат мне на диво
Солнце и Луна.
Я богата, я красива,
я умна, я знатна!

Уходят Нойон с Дочерью. Сел Охотник на край ямы, задумался. Собака лает нехотя, ластится к Охотнику, утешает его.

Собака. Ну что же делать? Будь моя воля — нойонскую Дочку надо на цепь посадить, а не Медведя. Не огорчайся, такая наша судьба.

Кускежик (*тихо появляется возле Охотника*). Надо выпустить Медведя.

С о б а к а. Ты что, не видишь, нойонская Дочь совсем взбесилась? Хочет Солнце и Луну заставить служить себе. Иди-ка ты отсюда, подобру-поздорову.

К у с к е ж и к. А вы в лесу живите, как мы, не ходите к ним.

С о б а к а. Как это?

К у с к е ж и к. Там только и получается, что тумачи и ругань. А здесь кто вас ругать будет?

С о б а к а. Изловят и казнят.

К у с к е ж и к. Тайга большая, не изловят.

С о б а к а. Других собак на след пустят и изловят.

О х о т н и к. Такова, видно, наша доля. (Собаке.) Ты бы посмотрела, дружок, куда поехали Нойон с Дочерью. Нам бы надо их проводить.

С о б а к а. Это я мигом. (Убегает).

К у с к е ж и к. Я знаю, как можно Медведя вызволить.

О х о т н и к. Как?

К у с к е ж и к. А вон, возле тропки, кедр лежит, бурей поваленный. Спустить бы его в яму. Медведь по кедру и выберется...

О х о т н и к (улыбается). Молодец. Очень ты сообразительный. Сам с ноготок, а большой знаток.

К у с к е ж и к. Какая же тайга без медведя!

О х о т н и к. Ладно, Кускежик, давай кедр сюда тащить.

К у с к е ж и к (бежит к яме). Ваше Хайыраканство, вы слышите меня? Охотник спасет вас сейчас, он кедр к яме тащит.

О х о т н и к тащит кедр. Мышонок всячески помогает, больше — переживанием. Появляются Лиса и Волк. Лиса хвост распушила, величественно выступает, несет поддельное завещание.

В о л к. Может быть, мне завещание прочесть?

Л и с а. Тсс. Это что такое? Кедр с опушки, от тропинки, сюда ползет!

В о л к. Кто-то его тащит.

Л и с а. А ну, разведчик, быстро к ним! Что там творится?

В о л к. А вдруг там Собака?

Л и с а. Может, и Собака.

В о л к. Не пойду.

Л и с а. Кому говорю! Главным заместителем не быть тебе, иди!

В о л к. По-пластунски?

Л и с а. Как хочешь. Только быстрее!

В о л к по-пластунски ползет к яме. Л и с а не выдерживает и лезет за ним. Волк почуял сзади шорох, шархнулся в сторону, оскалился.

Лиса. Ну-ну! Какой из тебя разведчик — осинового листа боишься.

Волк. А ты зачем меня пугаешь?

Лиса. Не пугаю я тебя, следом иду, а ты в авангарде!

Волк. Боюсь.

Лиса. И после этого ты хочешь быть моим заместителем? Стадами овец заведовать?

Волк. Я шучу.

Лиса. Времени для шуток нет. Надо на хурал идти. Сам сказал — звери собрались.

Волк. Я и так тороплюсь. *(Выглядывает из кустов.)* Охотник кедр поваленный с места сдвинул. За собой тащит...

Лиса. Зачем?

Волк. Может, на дрова...

Лиса. Дурак ты, Волк. Тебе даже свинопасом быть нельзя, не то что моим заместителем.

Волк. Свинопасом я бы согласился.

Лиса. Видишь, в какую сторону он тащит? Сюда, к яме. Повалится кедр в яму, Медведь и вылезет по кедру.

Волк. Зачем? Он же сам Медведю яму рыл.

Лиса. У них всегда семь пятниц на неделе.

Кускежник. Потерпите, Хайыракан, теперь уже недолго.

Лиса *(про себя)*. Ах ты, паршивец!

Кускежник. Только смотрите, чтобы кедр вас в яме не придавил.

Лиса. Что я говорила? Этого проклятого Мышонка я беру на себя, а ты на Охотника бросайся. У него один нож за поясом. Изловчись так, чтобы придушить, горло перегрызть. Ишь ты! Спасают Медведя! Быстрой, Волк!

Волк. Не могу.

Лиса. Это еще почему?

Кускежник.

Хайыракан, вы нам верьте,
мы спасем вас от смерти!
Вы врагов своих найдете
и к рукам их приберете.
В том зелененьком бору
я малины наберу.
Той малиной Хайыракана
досыта я накормлю.

Лиса толкает Волка вперед, но Волк упирается. Лиса начинает бить его.

Л и с а. Проклятый трус, никогда тебе не видать замести-
тельства! Марш вперед! Некогда думать! (*Волк, терпеливо сно-
сивший побои, вдруг оскалился.*) Ты чего?

В о л к. Сейчас твое горло перегрызу!

Л и с а. Ты что, Волк, мы же друзья!

В о л к. Не подходи ко мне! Я страшен бываю в гневе! Я
сам себя боюсь.

Л и с а. И Охотника?

В о л к. И его тоже!

Л и с а. Волк Волкович, ведь ты мой верный друг. Не буду
я ханшей (*трясет завещанием*), не будешь ты заместителем...

Пока Л и с а с В о л к о м препирались, кедр заскрипел, застонал и набрал
скорость. Рухнул в яму. Л и с а рвет завещание.

К у с к е ж и к. Ура! Вылезайте, Хайыракан!

Л и с а (*она вдруг тоже бросается к яме*). Ваше Хайыра-
канство! Наш дорогой, наш уважаемый, премногоуважаемый!!!
Выходите на белый свет. Уж как мне пришлось потрудиться,
чтобы вы живы остались, уж так я натерпелась!

К у с к е ж и к прильнул к О х о т н и к у, а Л и с а больше всех у ямы
хлопочет.

Л и с а. Вот и Волк подтвердит.

В о л к (*он опешил, но подползает ближе, неуверенно, но
ползет*). Да... М-да... Гм...

Х а й ы р а к а н (*вылезая из ямы*). Подойдите-ка сюда, по-
дойдите... (*Л и с а неуверенно направляется к Медведю*). Хоть я
и измучен, но у меня хватит сил взять тебя за хвост, да об этот
кедр... Оба, оба идите...

Л и с а. Ваше Хайыраканство, моя преданность не знает
границ.

Тут как заревел Медведь! Л и с а и В о л к опрометью бросились вон.

Х а й ы р а к а н. Устал я, но до вас черед дойдет! Я вам
покажу, где раки зимуют! Кускежик, маленький, спасибо тебе.
И тебя, Охотник, я отблагодарю.

О х о т н и к. Живи и здравствуй, а мне ничего не надо.
(*С лаем появляется Собака.*) Не суетись. Ты нашла Нойона с
Дочерью?

С о б а к а. Они в темноте с тропы сбились. Лошади их на
тропу разворачивают, так они с перепугу хлещут их и направ-

ляют обратно в тайгу. Пусть дня три поплутают за все свои мерзкие дела.

Охотник. Может, это им урок будет. Только вряд ли... Мучители и дармоеды опи... Самое главное, что Хайыракана спасли!

Собака. Радостно на душе. Петь хочется!

Все становятся в хоровод.

Кускежик (Хайыракану).

Расскажу я маме,
что знаком я с вами,
как в беде мы стали
лучшими друзьями.

Хайыракан.

Хоть ты мал, да удачлив,
мой мышонок славный.
Ты теперь мне другом стал,
мой спаситель главный.

Собака.

Никого я не боюсь,
верной быть всегда клянусь.
Шкуру я с врагов спущу,
но друзей я защищу.

Охотник.

Лишь хорошими делами
мы займемся дружно с вами.
А сейчас все по домам,
очень ждут родные там.

Все вместе.

Горе можно победить,
если другом верным быть.
Расставаться нам пора,
мы желаем всем добра!

Лидия Черепанова

ПОЧЕМУ
РАЗВАЛИЛСЯ ЗАВОД
ИЛИ
КАК Я СТАЛ ПИСАТЕЛЕМ

Рассказец

Вот что значит перестройка! Я, простой шоферюга, теперь, можно сказать, в руководителях страны числюсь. А как получилось? Значит, как выборы-то первые начались, две кандидатуры выпали, меня и генерального нашего директора сразу избрали, теперь так бывает. Хоть и редко пока, но при перестройках это бывает. Потому что альтернатива подействовала.

Слово-то какое хорошее попало на язык кому-то, доброму человеку! Если жив еще он, то доброго ему здоровья, а помер, то царства небесного. И вроде не совсем понятно некоторым, оно не из русского словаря, но и мягко так произносится, что не хочется ссориться ни с кем, а тем более, матом крыть, кто с тобой в альтернативе, т. е. кто против тебя. Значит, это для тех объясняю, кто еще не допер до такого слова.

Да, забыл сказать: зовут меня Леха Зварыкин, меня все в гараже так: Леха да Леха, хотя на съезде-то уже Алексеем Федотычем величать начали. Я сперва даже удивился, когда генеральный меня так назвал при людях. Это как раз за ужином было, в первый день еще съезда, мы с дороги расслабились, съезд послушали первый день, да и решили ради этого по 100 граммов позволить; к тому же никто не возникал, да и бегать в магазин не надо, там в буфете ихнем все, как в застойный период — обслуга, вежливость. Но и мы не лыком шиты, не стали выпендриваться. Ну, по сто вмазали, закусили крабами.

Правда, я их сроду не ел, даже не видел живых, хоть в мире животных показывали по телеку.

Но ничего, под водку самый раз, я банку прихватчу домой, моей Варьке покажу, она-то есть не будет, она брезгливая, да к тому еще не пьет, а Васька-афганец, тот ничего, слопают, он не поймет, может, там, в Афгане, их тоже устрицами не кормили. Ну, мы с генеральным закусили, повторить не стали, неудобно с первого дня-то выделяться. Правда, потом, когда встретимся с ним где-нибудь в фойе, он меня Лехой зовет, я ничё, не обижаюсь, все-таки второй год кантуемся на высшем уровне, кто знает, может, повернется, я его место займу, но я друзей не обижу. А мы с ним, значит, оказалось, чуть не родня дальняя, он с того же района, где и я родился. Я-то потомственный тракторист, это потом уж, в застой, в город рванул, завод надо было построить, народная стройка началась. Я как раз в комсомол пошел, у меня восьмилетка была, а он, генеральный-то мой, уже женатый был на нашей деревенской, а она, жена его, недалеко от нас жила, у моей тетки на квартире. Ну, в общем, не в том дело. Я ведь чо, я ведь про завод хотел сказать, а меня аж про деревенские дела занесло, деревни-то уж нет в помине, бабка Фекла последняя убралась. Так там уже перепахали, какой-то тоже завод взялись строить, химический или еще какой, но вредный тоже. Там еще бастовать пошли районные. Нам, дескать, и так дышать нечем. А им говорят: что толку, что земля гниет так, что эдак, вас мы тоже отсюда ликвидируем, можете заранее работу искать, мы вас предупредили. Ну, не знаю, что дальше будет, будем на съезде решать, нас никто не гонит, будет завод или нет. Там своя власть, возможно, и не успеем решить.

Но опять занесло. Дак вот, на заводе, значит, я потом устроился шофером, молодой был, а взяли, руки нужны были, и голова, ведь кого попало за руль не посадишь, отвечать надо, чуть что. А я молодой, романтика, да тракторист бывший, но и, значит, работаю.

А в застой, правда, мало получали, но на жратву хватало. Благо все было калорийное, без химии, да и недорого, и на выпивку оставалось, в долгах не мотался. Ну, меня, значит, в пример стали ставить: мол, молодой, а старается, и пьяным никто не видал на работе. Грамоту дали, на Доску почетную фотку повесили. Я еще тогда, дурак, кроссовки с полочки взял, а надо было костюм новый купить, а не хватило всего 13 рублей, ну, выглядел ничё, рубаха была новая, а костюм на фотке незаметно, что запрошлогодний. Кроссовки жалко, не видно было,

импортные отхватил, мода пошла, я на барахолке и урвал. Только, дурак, зря переплатил здорово, они наши были, а их чего-то на фабрике на импортную резину приклеили, а клей-то у нас, сами знаете, фиговый, но и до первого дождя.

Да, фиг с ними! Я опять свернул не туда, вот как развспоминаюсь... Это на съездах стал такой, там как начнут на трибунах свое вспоминать, ну, и я туда же. Раньше-то казалось, что там вспоминать, вспоминать нечѐ, ну чо, родился, восьмилетка, армия да шофер вот. Правда, не знаю, придется ли, нет шоферить, может, руководить придется. Да и эта болезнь еще мучит, профессиональная она, неудобно сказать, геморрой, но в литературе встречается. Да и Васька, поди, уже раздолбал машину, а она новая была, а он, так его распроедак, привык на бэтэрах мотаться с ветерком, их там в Афгане тоже гоняли почем зря и свои, и чужие.

Да еще наши взялись бастовать. А чо, платить нечем, в банке пусто, ни водки, ни закуски — охотничий салат и то расхватали хапуги да спикнули, да еще, наверно, и кооператоры стараются, деньги-то и ушли налево. А долларов не дают, может, после съездов и наштампуют. А пока бастуют наши на заводе да меня с генеральным ждут.

Он-то, не знаю, будет-нет потом генеральным: завода-то, считай, нет. Чо сломалось совсем, да и больше не везут туда ничо. Генерального нет, а отвечать кто за него будет? Поди, мне придется расхлебывать. Но я хоть писателем становлюсь, а вот он ничо не умеет; в командировку обратно домой из Москвы слетает, там чо-то поруководит, аванс с банку выдавит, да сюда рвет, чтобы не отвечать. А я уж тут за него кнопки жму, чтобы голос-то его не пропал. А то получится — ни тут, ни там... Он мне приветы возит оттуда: ну, как, мол, Леха, держится там? А как же, еще держусь, но геморрой задавил совсем, в больницу бы не попасть. Я уж и так, и эдак, и у микрофона постою, лишь бы выдержать до конца, а мужики наши кричат в телек: держись, Леха, мы тут тоже пока еще держимся! Но не знаю, насколько их хватит. Голодовку договорились не объявлять, и так доходим, а их там этим не проймешь. Дак кто в кооператоры пошел, кто в деревню умотал, а алкаши брагу квасят, отвлекаются. Баб жалко, измотались, ребятня наглеть стала. Им охота как в загранке жить, а у нас еще решается, быть капиталу или нет. Молодые, им бы все сразу, а головой-то еще не научились думать. Я вот всю жизнь еще ничѐ импортного не одел, ел, правда, курицу с западу, она так-то наша, говорят, но хорошо ее

упакууют в банки, красиво так, а вкус все равно уж не тот. У нас-то чо, просто все: взял, заварил ее в кастрюлю, дак один навар чо стоит. А они, западные, чо только не навалят в банку, какие-то приправы, она и курой-то не пахнет. Хотя у нас бы, в родной-то моей пера... пери... фирии, съели наши, потому как уж совсем печа жрать, дак и это бы за милу душу.

Не знаю, как я буду там жить потом, дома-то. Привык уж тут, на съездах-то разлюли-малина. Все по режиму, питание, катания, культурный досуг. Правда, не высыпаюсь, работы прибавилось, теперь придумали собрания еще делать в перерывах. Дак не знаешь еще, в какой зал зарулить. Дойдешь, а там нет генерального, я-то за его партию; как увижу его хохолок, сам-то лысый он, а хохолок заметный, дак я уж туда. Он меня уважает теперь, я за его здорово работаю, ему то туда надо, то сюда, импорту тут хватает, а зарплата у него теперь приличная, да и здесь добавили. Ну и успеть надо, говорит, счас договорился с мебелью, не нашей, конечно. Куда он ее хватает, куда старую денет? Может, потом мне продаст по дешевке, все-таки я за него тут тоже надрываюсь.

Но иногда бывает, вздремну. Наверно, по телеку наши заметили, но они-то поймут: устаю шибко. Они народ рабочий, все поймут. Почаще пишу теперь. Как спать захочу, беру бумагу, ее тут бери не хочу, и пишу, пишу, про все пишу, всю правду, теперь можно. Вот только бумагу экономить надо: говорят, газеты уже не выпускают — печатать не на чем.

Свеплана Байыр-оол

МУХИ

Басня в прозе

Было время, когда ничто на свете не летало, не прыгало, а все живое, способное двигаться, ходило по земле. От тупого бегемота до малюток-мух жили все животные и насекомые в мире да в согласии.

Маленькие мухи помогали старшим собирать землянику, малину и никогда не ссорились друг с другом. Но...

День стоял такой же ясный, как обычно, на небе, играя лучами, веселилось солнышко. Подружки-мухи на этот раз решили поиграть, попрыгать через скакалку. Раз прыжок, два прыжок,

ах, как весело играть! Долго бы они играли так, веселясь, да нащлась одна муха, которая испортила все.

— А я умею прыгать дальше всех и высоко! А вы не умсете.

Это же очень обидно, когда так думают о тебе! Подруги набросились на нее:

— Почему ты знаешь? Может, лучше тебя умеем?!

— Ха-ха, вы?!

Ой, что тут началось! Каждый старался перекричать друга друга, похвалить себя. Тут поднялся такой гул, что спавший ветер был разбужен. Рассердился он, поднялся и начал дуть в знак недовольства. Но где там мухам! Так и жужжали, думая только об одном: выхвалить себя. Тогда ветер вконец вышел из себя и поднял настоящую бурю. Да такую сильную, что бедные мухи не смогли удержаться на своих тонюсеньких ножках.

— Ай, где мы, что с нами? — в испуге лепетали они.

— Не даете мне, ветру, спокойно полежать, отдохнуть, так и нечего вам делать на земле. Полетайте в воздухе, да вдоволь посоревнуйтесь в своих прыжках, — был ответ.

Так и остались мухи летающими. Но летать-то, не сказать, чтобы высоко: хвастливые не могут подняться в дальние выси. С тех пор они боятся малейшего шума: может, это опять ветер...

Но спорить не перестают: все время жужжат и жужжат...

Мария Ермишкина

ЖЕНЩИНА НА ВОЙНЕ

Шел 1941 год. Мне исполнилось восемнадцать. А кто в восемнадцать лет не мечтает о хорошей жизни, о счастье? Учись, работай хорошо, имей настоящих друзей, и жизнь будет великолепна! Ведь в нашей стране всем предоставлено право трудиться и учиться. И я, уже семнадцати лет, стала учительницей.

Каратузское, наше село, казалось нам лучшим местом на Земле. Много было там зелени, обильные грибные места. А сколько черемухи вокруг села! Мы, молодежь, без труда набирали полные корзинки и босиком, шлепая по тропинкам, гордые, несли их на голове домой. И мечтали. Мечтала я, как Илья Тотмин поедет в Ленинград учиться в военно-морском училище, как поплывет потом в дальние страны, а я буду его ждать. И сам Илья не скрывал мечты посмотреть заморские страны, поспорить с океаном, и при этом уверен был: никогда не забудет родной Каратуз и подругу, фотокарточку которой носил с собой.

21 июня в отличном настроении едем с отцом косить сено для Буренки. Такие выпали чудесные дни. Утром 22 июня роса упала обильная, аромат трав и цветов разливался по всей степи. Трава мягкая, и коса кажется легкой. Отец с вечера приготовил все для ранней косьбы. Работалось легко. Во время обеда искупались в Амыле, попели песни. Вечером — домой.

Въезжаем в Каратуз, и тут что-то насторожило: необыкновенная тишина, даже ребяшня не встречает коров. А коровы бредут по улицам, мычат... Как-то сразу, сердцем, мы почувствовали: беда!

На площади стоял народ. Я спрыгнула с повозки и к толпе.— Война! Война!..— плакали женщины.

А что такое война? Нам, восемнадцатилетним, было непонятно. Разговоры шли разные. Одни говорили: «Быстро одолеем, не впервые германца гнать». Другие не соглашались. А мы, сколько нас было одноклассников, решили утром идти в военкомат. Проситься на фронт.

23 июня в райвоенкомате было

много народу. Пришли люди, которые уже хорошо знали, что такое война: они воевали на Халхин-Голе и Хасане. Этих людей брали добровольцами. А девушкам сказали: приобретите воинскую специальность и приходите. Так и ушли мы ни с чем.

Летом помогали в поле колхозу, а осенью вместе с учениками копали картофель, убирали овощи. Жили по лозунгу: «Всё для фронта, всё для победы!»

В октябре 1941 года нас, нескольких девушек, пригласили в райком комсомола и объяснили, что организуются вечерние курсы подготовки старших медсестер. Моя мама, Федосья Петровна Федотова, не хотела меня отпускать на курсы. Она знала, что по окончании курсов нас пошлют на фронт: «Не девичье дело воевать». Но я ее уговорила и стала учиться.

Трудно, очень трудно было учиться и работать, но мы все старались так, что Аня Прасова, Саша Хочева, Ниса Можарова и я окончили курсы с отличием. Так хотели быть полезными для Родины, что никакие трудности не мешали. Получив дипломы, радовались, как дети: «Ура! Ура! Занятия позади. Едем на фронт!..»

Но не так скоро, как мечталось. В ноябре 1942 года нас повезли в Омск. Продолжать образование. Училище наше в Омске называлось интендантским. Нас учили ходить по азимуту, стрелять из «Максима», автомата и пистолета. Особенно трудно было ползать по-пластунски. Уставали до невозможности, но

вечерами, в часы самоподготовки, находили время и для песен.

Старшина Сметанина, красивая темноволосая женщина лет двадцати пяти, научила нас ходить строем и петь. А в свободный час пели больше всего о любви:

«Если будешь ранен, милый, на войне,
напиши об этом непременно мне.
Я тебе отвечу в тот же самый вечер.
Это будет теплый, ласковый ответ:
все проходят раны — поздно или рано,
а любовь, мой милый, не проходит,
нет!»

Может быть, изменишь,
встретишься с другой...
И об этом пишут в письмах, дорогой.
Налиши, отвечу, ну, не в тот же вечер,
только будь уверен, что ответ придет:
мол, и эта рана, поздно или рано — погрузу, поплачу — все-таки пройдет...

Но в письме не вздумай заикнуться мне
о другой измене — клятве на войне.
Ни в какой я вечер тусу не отвечу,
у меня для труса есть один ответ:
все проходят раны — поздно или рано,
но презренье к тусу не проходит,
нет!»

Командир роты лейтенант Пушкин, и правда, как Пушкин: кудрявый, рыжеватый, невысокого роста. Любил сидеть в это время в углу, слушал и часто повторял: «Хорошо поете, девчата. Уверен, что и воевать будете так же, как поете!»

Но войны мы еще не видели. И вот, наконец, в январе 1943 года старшина Сметанина нам объявила:

— Завтра добровольцев отправ-
ляем на фронт.

А в добровольцах недостатка не
было. Нас с Аней Прасовой угова-
ривали остаться в училище, меня —
помощником командира взвода,
Аню — секретарем комсомольской
организации. Заманчиво. Тепло и
сытно. Нет! Нет! Илья давно вое-
вал в Подмосковье. Письма прихо-
дили редко. Писал, что бои тяже-
лые, но враг будет разбит. Ани
друг Коля тоже воевал.

Как же мы будем сидеть в Ом-
ске? Родина в опасности!

Назавтра целый состав отправля-
ли на фронт.

В моем взводе было 35 девушек...

Под Тихвином нас сильно бом-
били. Многие девушки погибли, не
доехав до передовой. А Тихвин
произвел страшное впечатление. Го-
рода нет. Стоят черные трубы и
кирпичные печи. Множество черных
кошек бродят, как угорелые.

«А ты стоишь, еще живая,
девятнадцати годков,
а вокруг тебя страданья,
стоны, смерть, и в лужах кровь!..»

Раненых быстро погрузили в ва-
гон, оказали им первую помощь и
отправили в ППГ — полевой под-
вижной госпиталь. Пока везли до
станции Оять, несколько раз оста-
навливались из-за бомбежек. На
пункт формирования к станции Па-
ша из моей группы прибыло два-
дцать человек. Остальные погибли
в дороге. Только теперь мы поняли,
что такое война.

Аню направили в летную часть,
меня в танковую.

92-й отдельный танковый бата-
льон уже побывал в боях. За горо-
да Олонец, Сорттавала и другие.
Танки были легкие, форсировали
речки, преодолевали финские боло-
та.

В 1944 году 20 июня маршал Ме-
рецов отдал приказ: в районе Ло-
дейного Поля форсировать реку
Свирь.

Задача была очень сложная. Фин-
ны цепко держались в своих укреп-
лениях, каждый метр просматри-
вался с той стороны. Все знали, что
жертв будет много, но гнать ковар-
ных врагов надо.

Наши командиры пошли на хит-
рость. Перед утром спустили на во-
ду плотки из соломы, на которых
лежали чучела в пилотках. Финны
открыли бешеный огонь. Нашим ар-
тиллеристам удалось засечь боль-
шинство огневых точек врага.

21 июня рано утром началась та-
кая артиллерийская обработка бе-
рега, что земля и небо смешались.
А в 9 утра 12 смельчаков-доброво-
льцев кинулись в плавь с оружием в
руках, чтобы вступить в неравную
схватку уже на финском берегу
Свири. И хотя враги зло огрызались,
в помощь пехоте пошли наши тан-
ки-амфибии, чтобы не только закреп-
иться на занятом берегу, но и
гнать неприятеля дальше. Вода бы-
ла красной от крови, волны выбра-
сывали на берег красную пену. Ко-
гда мы с несколькими ранеными
подплывали в лодке к нашему бе-
регу, в лодку попал осколок снаря-
да, но, к счастью, мы уцелели. В
этом бою погибли наш любимый

командир батальона майор Кротов и много танкистов.

Наш батальон был преобразован в Свирский 92-й отдельный танковый полк имени Богдана Хмельницкого. А осталось нас всего семнадцать человек...

«И смерть нам не была так тяжела. И пусть потомки скажут без печали: они дрались за Родину и пали, чтоб Родина любимая жила».

Конечно, гибель товарищей, похороны их на финской земле не прошли для нас бесследно. Каждый в душе поклялся отомстить за ребят.

Финны капитулировали. Приказ был выполнен, а оставшиеся в живых были отправлены на перформирование в Тулу. Надоели финские болота и топи, надоела война, и мы были рады, что едем на исконно русскую землю, поближе к Москве.

Маме я писала, что скоро вернусь, увижу и расцелую всех родных и близких.

Однажды, уже в Туле, треугольник полсвой почты принес мне печальную весть: от тяжелых ран на станции Тайга Новосибирской области, в госпитале, умер мой друг Илья. Не сбылись его мечты о военно-морском училище и счастливой жизни. А было ему 22 года...

Всегда помню его синие глаза, выщипанные светлые волосы и очень добрый характер. А письма его, живые роднички, которые дышали любовью к жизни, я долго-долго хранила...

В Туле мы находились на формировании более двух месяцев. Получили танки Т-34. По сравнению с нашими амфибиями это были грозные машины, но дело осложнялось

трапами. Танкисты с раннего утра и до позднего вечера находились на танкодроме. Они испытывали тралы так: минеры наставят мин, обозначат вышками. Командир командует: «Вперед!» И танкисты ведут свои танки на мины. Мины взрываются, трал подбрасывается, а танк идет дальше.

Страшно ли было? Да! Но приказ есть приказ, и танкисты честно выполняли свой долг, хотя некоторым водителям танка было по 18 лет, а безусым командирам — чуть за двадцать.

Поэт Татьяна Гурам так говорит:

«Пламя мчится, преград не зная,
мины в каждом таятся рву.
Ширь небесная и земная —
раскаленный ад наяву».

Наш новый командир полка подполковник Суздалов умел зажечь солдат, сказать им то, что каждому хотелось услышать именно в это время. Умел и отогреть сердца. Я хорошо помню, как усталым танкистам привезли билеты в Тульский театр. И все мы, кто не был занят вахтой, поехали в театр. Мы так далеки были от мирной жизни, что нам казалось чудом очутиться среди гражданских лиц... А организовал поездку подполковник Суздалов. Спасибо ему!

На формировании нас было три девушки: Маша Кузнецова, повар, ей было 28 лет, почему-то она не попала в списки едущих на фронт и осталась в Туле; Клава Лисьева, штабной работник 26 лет, тоже осталась в Туле; а поехала дальше воевать одна я, Маша Федотова.

Желания и согласия не спрашивали, зачитали список санчасти, в которую вошли капитан Швидун, строгий, всегда хмурый человек лет сорока, старшина Александр Герасименко, лет 45, и я, «малолеток», как звал меня старшина.

Меня прикрепили к третьей роте, в которой и воевала до конца войны, а потом несла службу в оккупационных войсках до августа 1946 года.

Во многих боях мне пришлось участвовать. Было всякое. Никогда не забыть Висло-Одерскую операцию. Фашисты были обескровлены, но не разбиты. 14 января 1945 года в составе Первого Белорусского фронта мы штурмовали Вислу. Бои были жестокие, но в конце концов сопротивление немцев было сломлено. А потом наш 92-й ОТП первым был направлен в Варшаву для освобождения дорог от мин.

В содружестве с Войском Польским наши солдаты выбили врагов из Варшавы. Не удалось фашистам взорвать железнодорожную станцию и город. Много ребят полегло при освобождении Варшавы. Но желание победить было столь велико, что все рвались гнать немца дальше.

Увы и ах! Наш полк встал на ремонт. Вот тут и проявился неожиданный талант командира полка Суздалова. Он сумел из нас сделать «картистов». Сам же, невысокий ростом, со шрамом через всю щеку, лет 45—50, мастерски исполнил роль Андришки в инсценировке «Лапти». А роль Парашки сыграл старшина Биденко, лет 30, двухметрового рос-

та. Это надо было видеть, как ревел «Андришка», когда не велел ему тятка жениться. А как голосила «Парашка»! Все покатывались со смеху.

А «картисты» — кто пел, кто плясал, кто стихи читал наизусть. Гривко играл на цымбалах, а Суздалов потом еще и отплясывал вприсядку, и ходил на руках. Мы все как-будто побывали дома.

А утром на построении услышали голос командира: «Гусары, пригответьте все к наступлению!»

После страшных боев наш 92-й ОТП остановился на небольшую передышку. Но неутомимые разведчики доложили, что фашисты хотят взорвать мост через реку Одер и железнодорожную станцию в Кюстрине. А это значило удлинить нам дорогу на Берлин. В Кюстрине были сосредоточены юнкерские училища, отборные полки головорезов, для танков приготовлены фауст-патроны, от которых наши бронированные машины горели, как свечи.

Капитану Олейникову, командиру второй роты, было приказано взять мост целым. Иван Иванович, которому было всего 22 года, сказал: «Умрем героями или вернемся героями, а мост будет взят! Третьего не дано!»

Очень трудным был бой за мост, тщательно заминированный. Но приказ был выполнен. Первым ворвался на мост и перебрался на вражеский берег танк капитана Олейникова. Страшен был пылающий танк... Но за ним и другие экипажи прорвали немецкую оборону. Погиб наш командир. Посмертно И. И.

Олейникову было присвоено звание Героя Советского Союза.

А бой в Кюстрине продолжались. Казалось, им не будет конца. Фашисты били со всех чердаков, из подвалов, из окон. Отдельные участки города переходили от немцев к нашим по несколько раз. Бой в чужом городе страшнее всех боев. Непредсказуем результат. Раненых так много, что едва успеваешь увести или увезти на плащпалатке в укрытие. В один из подвалов мною для эвакуации было доставлено более 20 раненых. А наши отступили. Раненые, увидев ползущих к ним немцев, заволновались: «Чем плен, лучше смерть...» Выручил... Николай Островский: «А ты все сделал, чтобы смерть победить?» Вспомнила я эти слова — искомандовала: «Давайте, друзья, рассредоточимся по окнам и сделаем наше место неприступным. Кто может, с автоматом в руках подползайте к окнам!»

К счастью, послышался скрежет танков и «ура!» нашей пехоты. Все мы были спасены. Не знаю, за что меня тогда наградили орденом Красной Звезды. Много у меня было благодарственных грамот, подписанных Мерецковым, Жуковым, Сталиным, была медаль «За отвагу», а орден получила впервые.

Восьмого марта 1945 года я лежала в санчасти полка: была осколком задета правая нога, сильно кровило. Начальник штаба капитан Степанов принес мне цветы и поздравил с праздником. А я поплакала вдоволь, совсем не по-солдатски. А назавтра — снова на поле боя. Уди-

вительно: в бою ничего не болит.

Вечером мы с Гришей Ермишкиным, техником-лейтенантом, вытаскивали из танка, который вывел из огня Ермишкин, Толю Фролова, двадцатилетнего лейтенанта, и весь его экипаж, погибший от разрыва фаустпатрона. Танкисты незадолго перед боем подарили мне гитару, на которой начертали свои имена: Толя, Коля, Юра, Боря. Я знаю, что Юре было 18 лет. Спела я им тогда песню:

Кто сказал, что надо бросить
песни на войне?
Перед боем сердце просит
музыки вдвойне.

Нынче у нас передышка,
завтра вернемся к боям.
Что же твой голос не слышно,
завтра вернемся к боям.
Перед боем сердце просит
музыки вдвойне.

Кто придумал, что грубеют
на войне сердца?
Только здесь хранить умеют
дружбу до конца.
В битве за друга всю душу
смело положат друзья.
Ни позабыть, ни нарушить
дружбы военной нельзя.
Только здесь хранить умеют
дружбу до конца.

Кто придумал: воин губит
весь огонь в бою?
Воин всех сильнее любит
милую свою.
Только на фронте проверишь
лучшие чувства свои,
только на фронте измеришь
силу и крепость любви.
Воин всех сильнее любит
милую свою.

Кто сказал, что надо бросить
песни на войне?
После боя сердце просит
музыки вдвойне...

Рады были ребята и обещали мне рассказать о своих подругах. Но все погибли, унесли тайну с собой.

Погиб и наш командир третьей роты старший лейтенант Петя Ушаков, весельчак, жизнелюб, юморист, любитель песен и танцев, храбрый, умный командир. Перед боем он в шутку сказал: «Братва! Еще рывок — и мы в Берлине. А вдруг? Все бывает на войне. Приказываю: дойти до Берлина, добить врага в его логове и в самом лучшем ресторане спеть песню о Москве».

11 марта Кюстрин пал. И мы вновь хоронили на чужой, ненавистной нам земле молодых танкистов. Слез не было. Была немая клятва: отомстить!.. До Берлина уже было рукой подать. Все чаще на устах солдат слово «Победа», каждому хочется дожить до нее, послушать тишину.

До Берлина 40—50 километров, и на пути — Зееловские высоты. Все знали: взять их — открыть берлинские ворота. Надо быстрее взять эти проклятые высоты. Танкистам нашего полка необходимо разминировать поле, они же тральщики. За ними — Пятая ударная.

Очень темной казалась ночь: от взрывов снарядов и мин земля и небо перемешались. Фашисты выставили хваленые танки — «Тигры», «Пантеры». Но куда им до наших Т-34! То там, то здесь горят факелы — это танки горят. Огрызаются фашисты, но бегут. Вслед им — пулеметный огонь. От шума, грохота глухну. Но глаза видят хорошо. Вот упал и катается по земле комок огня. Наш, миленький, сейчас помогу.

А чуть дальше стонет обгорелый человек. В глазах моляба — пристрели! На плащпалатку и — к машине, в госпиталь. Более 30 тысяч солдат и офицеров полегло в этом бою, но высоты были взяты.

Когда я вернулась из боя, меня не узнали: я была черная от грязи и копоти. Да что говорить? Ведь живая!

...Конец апреля. Дорога на Берлин открыта, но еще слишком тяжела. Много огня. Идут и лежат раненые. Работы не убавляется. Помогает неутомимый Герасименко. Выносим вместе, иногда я перевязываю, он относит на плащпалатке, изредка ползем вместе. Очень трудно, невыносимо воевать в чужом городе.

В конце дня немцы выставляют белые флаги. Стрельба кончается. Различаем надпись: «Карлсхорст». А мы и не думали, что войдем в восточный Берлин. 22 апреля, будто в честь дня рождения В. И. Ленина, Карлсхорст, а он и есть восточная часть Берлина, взял! Успокаиваться рано. Немцы коварны. В центре города идут бои.

10 мая мы должны были пойти в бой. Все было давно готово. В ночь с восьмого на девятое всем, кроме наряда, разрешили спать спокойно. А 9-го наше наступление не состоялось. Рано утром нам сообщили, что враги капитулировали, настала долгожданная Победа.

Каков он, День Победы? Проходили весны 42, 43, 44 годов, но мы их не замечали, потому что во время войны черные краски покрывали листву, поля. Серая пыль от взрывов бомб и разрывов снарядов, ка-

зальсь, закрывала небо и солнце. А радость приходила, когда продвигались вперед.

Весна 45-го года была необыкновенной: наши войска продвигались по земле Германии. День 9 мая мы встречали в Берлине. Накануне шел мелкий дождь. День был пасмурным, серым. Настроение? Непонятное. Хотелось скорее в бой, добить проклятого врага. А утро 9 мая встретило нас очень ярким и ласковым солнцем. И командир сообщил эту радостную весть. Никогда не забыть всеобщего ликования. Со всех сторон танкисты бежали к штабной палатке и кричали одно слово: «Победа!». Забыли о чинах и рангах, целовались все подряд: полковник и солдат — бурят, еврей, грузин, русский..

Когда всеобщее ликование стало затихать, нас построили. И впервые пушки и автоматы устремили свои дула вверх, в мирное небо.

Да! Срок настал! Напрасно лютой карой грозил Москве фашистский властелин. Нет! Не Москва поникла под ударом. Поник Москвой поверженный Берлин.

Не было нам и после Победы спокойного отдыха в Берлине. Чужой город, чужая земля, чужая страна. Хотя немцы капитулировали, нам надо было быть начеку. Строго спрашивали за недисциплинированность. Никому не позволялось ходить в город одному.

Как сегодня помню метро, переполненное водой. На поверхности плавали детские шапочки, куклы,

надувные игрушки. В воду, на дно, было страшно смотреть: там лежали трупы детей и взрослых. Ужасное зрелище. Немцы говорили, людей загоняли в метро, чтобы утопить.

Открыли шлюзы, и потекла вода в Одер, а на трупах шевелились волось и одежда. Казалось, вот-вот всплывут люди, раздастся детский плач. Нет! Все были мертвы.

Посещение рейхстага тоже не принесло радостного удивления. Рейхстаг был разбит, груды серых камней лежали у ног. Встав на плечи ребят, я выбила на стене рейхстага: «Помогали Победу ковать Гриша Ермишкин из Сталинграда, Юра Власко из Москвы, Маша Федотова из Сибири, Митя Прокопов из Вологды». Не для того, чтобы увековечить наши имена на немецкой земле, а чтобы знали фашисты, как велика география подвига советского солдата.

Но песню мы еще не спели, не выполнили приказ нашего ротного. Очень хотелось быстрее оглушить врагов песней о Москве.

Мы попросили командира полка разрешить нам пойти в ресторан. Он добился такого разрешения у высокого начальства. И в июне под сводами берлинского ресторана мы спели: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва!» Завещание нашего командира роты выполнили.

Так хотелось домой, что ночами снились наш лес, речка и старенький домик на улице Карла Маркса, где ждали меня давно. Тоска грызла день и ночь, и я пошла к командиру полка проситься к маме. Адьютант командира старшина Про-

копов доложил подполковнику, а потом, подмигнув мне, сказал: «Не робей!» — и открыл дверь. Я отработовала о прибытии и заплакала: хочу домой, тоскую... Спасибо Суздальцу, он не прогнал меня, не поднял на смех, а пообещал при первой возможности предоставить отпуск. И в августе 1945 года за добросовестную службу отпуск мне был предоставлен.

Нерадостной была дорога домой. Пока ехали по территории Германии, всюду видели торговки салом, колбасой, копченостями и разными булочками, но покупать боялись: могли отравить. В Польше тоже торговали всем: копченой рыбой, колбасой, ветчиной, а какой был замечательный белый хлеб, булочки, ватрушки! Глаза разбегались. Многие ребята у поляков покупали. Но как только переехали границу, начиная с Бреста, всюду на станциях, до самой Москвы, стояли дети, старики с протянутой рукой и просили милостыню. Долго стон стоял в ушах: «Подайте Христа ради...» Эта детская худоба, молящие глаза часто снились уже дома.

До Москвы добралась за шесть суток, а до Абакана от Москвы ехала еще семь. В Сибири бабуси выносили к поезду вареный картофель, грибы, овощи. Нищих было меньше. Уже легче дышалось.

В Каратузское добиралась на попутной полуторке, на пустых бочках. Было страшно погибнуть в дороге — война ведь позади!

Дома меня встретили мама и брат с сестрой. Отец не дождался: умер еще в 1944 году. А ему было 43

года. Мама не хотела меня расстраивать и не написала об этом. Сдала моя мама, стала стареть. Да ведь на ее долю выпало столько страданий.

Отец, вечный конюх Минзага, умер от ран, полученных еще в 20-м году, во время гражданской войны. С 1942 года не смог работать, и мама стала конюхом. По уговору с председателем колхоза долю фуража молола и соседям давала эту муку, чтобы не умерли от голода. Так и жили, помогая друг другу. А пуд муки на рынке стоил 600—650 рублей. Откуда взять такой недосыгаемый капитал?..

На второй день, как я приехала, соседи стали приходиться послушать «про германца», расспросить о своих родных. А к обеду выставили столы на улицу. Дядя, инвалид войны, принес четверть самогона, старушки — картофель, овощи. Пели песни, даже была гармонь, и плясали. И я плясала. «Дома! Дома!» — радовалось сердце. Тетки мои и мама, прирожденные хохлуши, очень любили петь украинские песни: «Посияла огурочки» и другие. Слушать их было приятно. Успела я сходить на танцы в Дом культуры. Очень надеялась узнать о своих подругах и одноклассниках.

В живых осталось их мало. Саша Хочева погибла еще в 1943 году. Аня Прасова вышла в армии замуж и уехала с мужем на восток. А парней — никого...

Пролетели 10 дней очень быстро. Собираюсь в путь, плачу, теперь уж мама меня уговаривает: «Не плачь, теперь скоро отпустят. А будет хо-

роший парень, выходи замуж, а то люди скажут, что никому не нужна...» Так я получила мамино благословение на брак.

Вернулась я в конце сентября и с горечью узнала: погиб командир взвода старший лейтенант Юрий Кириллин, отважный офицер, шутник, прекрасный футболист. Безумие! Погибнуть после войны! Но свежая могила сказала обо всем.

Все чаще в санчасть стал приходить техник-лейтенант Гриша Ермишкин. Я его мало знала, но в боях он вел себя отважно, умело выводил танки из огня. Мне приятно было с ним ходить в кино, ездить «болеть» за наших футболистов. В октябре он мне предложил пожениться, но я очень боялась: он сталинградец, не хотела ехать никуда, кроме Сибири! Он успокоил меня, дал клятву, что поедет со мной. Написали заявление и пошли к командиру полка за разрешением. Командир полка дал справку, что мы муж и жена, и я стала Ермишкиной. Седьмого ноября 1945 года в столовой полка была наша свадьба. Офицеров было много, и я танцевала со всеми по очереди. Много пели. Эта свадьба осталась в памяти навсегда. Наш командир побеспокоился, и дали нам маленькую комнату в расположении полка.

А в 1946 году, в августе, нас демобилизовали, и поехали мы в Ка-

ратузское. В 1948 году, 13 мая, родился у нас сын Володя. Рады были, счастливы. Нам дали хорошую квартиру. Снова я работала в школе, с малышами. Но стала все чаще болеть. Не прошел бесследно фронтальной бронхит, началась бронхиальная астма. Врач Нина Дмитриевна посоветовала уехать в Туву, где сухой и жаркий климат. Она сказала: «Вы там будете жить, а здесь вы погибнете быстро».

В 1949 году Гриша уехал в Туву, чтобы устроиться и перевезти нас. В 1950-м я приехала в Кызыл. В облоно работал Николай Алексеевич Сердобов, человек умный, добрый, деловой. Он сразу предложил мне место директора школы № 5. Как я испугалась! Никого не знаю. Куда, к кому обращаться? Расплакалась. Николай Алексеевич пожурил: а еще солдат! И пошла я работать учительницей в пятую школу. Жить было негде, поселились в землянке на берегу Енисея. Нам было все равно: мы — вместе! В январе 1951 года я стала директором этой же школы.

Заочная учеба в институте, работа за двоих... Звание заслуженного учителя школы РСФСР тоже даром не дается.

Так я в Кызыле проработала 30 лет, до пенсии. Много можно было бы и об этом написать. Но чаще вспоминается военная юность.

Маргарита Тапаринцева

ПОБЫВАЛЬЩИНЫ

Вера в существование сверхъестественных сил бытует у всех народов и находит свое объяснение в верованиях, обычаях, традициях, фольклоре. В наше время и наука стала проявлять интерес к необъяснимым с точки зрения материализма явлениям — телепатии, ясновидению, НЛО, полтергейсту и другим прежде напрочь отрицаемым явлениям.

В русском фольклоре существует особый жанр устных рассказов — былички (побывальщины) — по сути дела мифологические представления о домовых, водяных, русалках, колдунах, ведьмах и прочей «нечистой силе», связанные еще с язычеством. В них своеобразно осмысляются необъяснимые явления природы и отражается нравственно-этический и художественный опыт народа.

Предлагаю читателям несколько таких побывальщин, записанных мною в последние годы на территории нашей республики. Они не подвергались никакой стилистической и литературной обработке и отражают индивидуальную манеру сказывания информаторов.

«МАРЬЯ, РЫНУ!»

Жила одна вдова, бедна-бедная, и вот вечером вдруг открывается дыра в потолке и спускается гроб, и из него: «Марья, рыну! Марья, рыну!» Ну, она боится, а потом стала скзывать соседкам. А они ей и говорят: «Это тебе клад. Ты постели белую скатерть, поставь хлеб, соль и скажи: «Кинься, рынься, на хлеб, на соль, на белую скатерть!» Ну она сделала все это, и постелила, и поставила, и теперь, значит, спускается гроб: «Марья, рыну! Марья рыну!» Она и говорит: «Кинься,

рынься, на хлеб, на соль, на белую скатерть!» Как трахнулось все это, рассыпалось серебром. Ну и она стала богатой.

Рассказала **Кузнецова З. Л.**, 1898 г. рожд., Каа-Хемский р-н, с. Сарыг-Сеп.

ПРО КЛАД

Шел солдат со службы, запоздал. А там была такая заброшенная изба, он и решил заночевать. Расположился, лег, а в полночь вдруг как застучало! Открывается подполье, а оттуда гроб. Солдат боевой был, смотрит, а в гробу старик седой. Сидит солдат, думает, что делать? Перекрестился на восток, подошел, поцеловал старика. Гроб рассыпался, оказался клад. Собрал солдат серебро и разбогател.

Рассказала **Бухтуева Л. Л.**, 1906 г. рожд., г. Кызыл.

ПРО ПОКОЙНИКА

В деревне, где жил мой дед, один мужик с вина сгорел. Молодой еще... Похоронили его, а власти стали разбираться, решили раскопать, узнать, отчего умер. А ведь это грехом считалось. Пришли его родители и два брата к моему деду, чтобы помог перехоронить покойника в другое место, перепрятать. Пошли они ночью на кладбище, гроб выкопали, братья пошли за лошадьми, чтобы гроб подальше увезти, а дед на кладбище остался. И что-то задремал, замерз. Открыл глаза, смотрит, а покойник-то в гробу сидит. Дрожь деда взяла, но себя в руки взял, обнял покойника и сидит. А рассвело — оказалось, что это пенек. А бежать нельзя было, а то сзади схватит. «Не я тебя, страх, боюсь, а ты меня бойся», — пословица такая есть.

Рассказала **Бухтуева Л. Л.**

ПРО ДОМОВОГО

В одном доме был домовый. Он не любил коней каких попало, а только пегих любил, этот домовый. Хорошие кони были пегие. А тут хозяева купили на базаре гнедую кобылу, привели ее домой, закроют в конюшню ее (раньше-то все в конюшню коней загоняли), утром выпустят, она мокрая и вся в пене эта

кобыла. Все удивляются: что такое, почему? «Ты послушай,— хозяйину говорят,— что она ночью делает, почему она мокра-то?»

Он и залез на стайку-то, подслушал. Она бегаёт по стайке-то, только стены гремят, лягается, а там слышно, кто-то разговаривает: «А хоть худеньку, да пегоньку, хоть худеньку, да пегоньку».

Вот этот хозяин утром все рассказал соседям. Соседи сказали ему, чтобы он этого коня убирал, а купил пегого коня на базаре.

Ну вот он купил худеньку лошаденку пегую, и из этой худенькой лошаденочки такой конь стал, как печь. Выкормил домовой.

Рассказала **Акулова П. И.**, 1920 г. рожд., Каа-Хемский р-н, с. Даниловка.

ПРО ДЕВУШКУ И ЧЕРТЕНКА

На отшибе за деревней была избушка.

Говорят ребята девкам: кто сходит в эту избушку, напечет блинов ночью, тому сто рублей.

Ну и одна девка выискалась: я схожу. Набрала там, чего надо было, пришла, печку затопила, блины завела, пекет, торопится. Выскакивает чертенок из подполья: «Красная девка, дай блинок!» Она ему: «Испеку, так дам!» А сама торопится, все торопится. Опять он выскакивает: «Дай блинок!» Она ему одно: «Испеку, так дам». Сама, значит, напекла, в тарелку стопочкой сложила, масло у нее кипит. Чертенок выскакивает, она хлоп ему маслом-то в шары, он заверещал и в подполье. А она была и нет: побежала, воротами хлопнула. И чертовка-то выскочила. Сперва-то она еще не поняла, чего ее чертенок ревет, а потом закричала ей вслед: такая-сякая, моли бога, что я тебя не поймала. А девка пришла, сто рублей получила.

Рассказала **Кузнецова З. Л.**, 1898 г. рожд., Каа-Хемский р-н, с. Сарыг-Сеп.

ПРО ЛЮБОВЬ

Парень дружил с одной девкой. И вот один раз к ней пришел, а ее дома нет. Он везде все у ней оглядел, ничего у ней такого особенного нет, заглянул в шкаф, а там стояли всякие зелья, флакончики разные с лекарствами. Он один флакончик взял, намазал ухват, ухват потянуло в трубу, намазал другой

и другой улетел в трубу. А намазал скамейку — и скамейка полетела в трубу, себя намазал и сам полетел в трубу.

Полетел и видит: едет на коне по воздуху, прилетел на какое-то поле, их много там собралось.

А подружка-то его там увидела и говорит: «Ты зачем это сюда приехал, ведь сейчас тебя поймут и зажарят тут!» Он завернулся на этом коне обратно. Приехал и видит: сидит посреди избы на скамейке.

Рассказала Акулова П. И.

ПРО ОБОРОТНЯ

Мама рассказывала такой случай: ребята молодые ходили по деревне, откуда ни возмись, к ним под ноги свинья. Вот они эту свинью ловят и поймать не могут, один из них изловчился, поймал и отрезал у свиньи ухо. Приходит домой, а мать лежит с перевязанной головой. «Мама, что с тобой?»—«Да вот, в погреб упала и ухо рассекла». А он говорит: «Ну-ка, мама, развяжи-ка ухо, я посмотрю на тебя». Хватился, а у него в кармане ухо уже не свинячье, а человечесьё.

Рассказала Павлова А. Г., 1931 г. рожд., Каа-Хемский р-н, с. Сарыг-Сеп.

Мария Сарыг-оол

ПРАЗДНИК ВОДЫ

Из воспоминаний о Степане Сарыг-ооле

Степан Агбанович знал много старинных обрядов, обычаев и празднеств. Иногда рассказывал о них. Однажды рассказал он и о веселом празднике воды, который совершался, по сути-то, в честь будущего урожая.

Праздник этот проводился не в точно определенное время, а лишь после завершения полива пашни, когда появлялись всходы и назревала необходимость откочевать, чтобы скот не потравил хлеба.

О приближении этого торжества в соседних лесах настойчиво оповещали кукушки. Это не было общее празднество, а лишь тех, кто был связан с сооружением искусственной канавы.

Еще до начала полевых работ избирался Хозяин канавы. Конечно, это был уважаемый, сведущий и справедливый человек, среди жителей округа пользовавшийся авторитетом. Ответственность на него возлагалась немалая — удовлетворить водой всех по справедливости, но и права ему давались полные. Он мог лишить воды того, кто не явился в свой срок на полив или же не уследил за сохранностью канавы во время полива своей пашни. Хозяин канавы назывался чингин, а сам праздник именовался «Буга бажы тагыр» — что дословно можно перевести как «праздник устья канавы», а более красочно его называли «праздник духа воды».

Подготовка к нему начиналась задолго, возглавить его приглашался арбанный начальник или же лама. Он распоряжался поставкой провизии для праздничного пиршества, указывая каждому участнику, сколько и каких продуктов он обязан был доставить. На того, кто имел большую площадь пашни, возлагалось больше и продуктов. Вся провизия должна была в день праздника представлена в готовом виде: мясо, молоко, творог, тара, кумыс, арака. Угощением занимались люди, хорошо знакомые с правилами приличия и знаниями, кому, что и в каком порядке подавать.

Место для праздника выбиралось на возвышенности, вблизи выхода сооруженной канавы. Там же ставился остов для оваа из колышков, на которые потом прикреплялись кусочки ткани в дар духу воды. И тут же забивали один или несколько кольев для главного, общественного жертвоприношения — хорошо прожаренной овечьей головы, а иногда и для нескольких голов.

Чуть поодаль расстилалась белая кошма для почетных гостей и взрослых мужчин. Молодежь размещалась пониже, женщины тоже отдельной группой, еще дальше, тоже на кошме, усаживали ребятишек.

Прежде чем приступить к застолью, самый почетный человек или же лама, нараспев читая слова молитвы, обходил по солнцу вокруг оваа, спрашивал у неба милостей — дать дождей, отогнать градовые тучи от посевов, даровать богатый урожай; при этом он лопаточкой с мелкими ячейками разбрызгивал молоко и араку на все четыре стороны — угощение духам.

После этого всех гостей рассаживали, кому где полагалось. Началась раздача угощений — каждому своя, особая порция. Самому почетному, конечно же, подавалась еще и баранья голова. Разносчиков угощения задолго до праздника обучали знающие люди, как обслуживать гостей. Прежде всего — подходить к гостю, сидящему на кошме, только со спины и только с левой руки его.

— Всем этим правилам,— говорил Сарыг-оол,— я обучен был, когда жил в услужении у одного важного чиновника. Поэтому мне, в числе некоторых, доверялось разносить и подавать угощения почетным гостям.

Однажды, во время такого праздника, я был свидетелем курьезного случая. На празднике взрослым мужчинам полагалось подавать, наряду с кушаньями, и араку. Я наливал из когержика араку в пиалу и подносил гостям. И вдруг молодой мужчина, которому я подал пиалу с этим напитком, принял ее, совершил положенный ритуал разбрызгивания безымянным пальцем капелек напитка, прикоснулся губами к краю пиалы и, возвращая нетронутой, произнес:

— Простите, уважаемые, выпить преподнесенную мне пиалу крепкого напитка я пока еще не имею права — мне только двадцать девять лет. (Обычай позволял угощаться аракой мужчинам, уже достигшим тридцати лет).

Затем этот человек, сложив руки ладонями вместе, почтительно поклонился сидящим вокруг. Гул одобрения сопровождал его жесты и слова, и слышалось:

— Да-да, ты прав. Хорошо, что не забыл обычай предков.

Праздник продолжался, особенно весело смеялась молодежь, которой пока подавался лишь кумыс в качестве напитка. А ребяташки наслаждались традиционными детскими угощениями, из так называемой «мягкой еды», куда непременно входили и кусочки почек. Женщины в своем кругу так же были веселы, разговаривали, смеялись, но больше всего каждая старалась блеснуть своими украшениями из лент и бус, серег и колец.

Все насытились вдоволь, чтоб ни у кого не могло остаться недовольства, как говорится в пословице:

«Кизи кара кылацнатпас
ыт думчу борбацнатпас» —
«чтоб не блестели глаза у человека,
чтоб не трепетал нос у собаки от голода».

Молодежь раньше старших расправилась с едой и принялась состязаться в различных играх: в борьбе, перетягивании каната и в конных скачках. Все это увлекало и остальных присутствующих.

Праздник Воды закончился поздно вечером. Молодые на лошадях ускакали по соседним аалам, а пожилые, отяжелев от обильной еды, разбрелись по своим юртам. Женщины, убрав

остатки кушаний, собрав посуду и кошмы, заспешили к ожидавшему дойки скоту.

А я затаился в кустах, в ожидании темноты, чтоб незаметно присвоить оставленные головы — почетную пищу духу воды.

Конечно, я знал, что есть их не полагалось, но что поделаешь, если тебе на людские угощения не приходилось рассчитывать.

Надежда Антупьева

ЗАПИСКИ МАТЕРИ

В квартире тишина. Та самая тишина, которой так хочется, когда ее нет. И которая становится жуткой, если ее слишком много — изо дня в день, из года в год. Слава богу, от такой тишины я застрахована (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!) Уж это мои дети могут гарантировать мне на все сто и даже больше. Круговорот слез и смеха, любимых книжек, грязных футболок, прогулок, сюрпризов, ужинов, купаний, одеваний, вечерних разговоров — что бы я делала без него?

Порой с ужасом думаю: чем бы заполняла дни и годы, не будь всего этого? Любимая работа, домашние дела, увлечения и общественная деятельность, даже стремление выглядеть привлекательно — все, на мой взгляд, рано или поздно теряет смысл, если некому купить на заработанное игрушку, если некого научить тому, что любишь и умеешь сам, если домашний уют создан только для самой себя, если твое новое платье не вызывает такой искренний восторг: «Ой, мама нарядилась! Как красиво!».

Дочь плачет — и только мама, взяв на руки, может успокоить ее. Сын ушиб коленку — и только поцелуй мамы мгновенно снимет боль. Без меня и игра для них не так интересна, и вечером, пока не полежу, не поговорю с каждым — не уснут. И на все вопросы мой ответ самый убедительный. Сейчас, пока они малыши, я для них — все. Порой ужасаешься своим безграничным владением этими маленькими людьми, которых ты можешь сделать счастливыми или повергнуть в глубокое горе. Как же бережно надо относиться к тем, кто так тебе верит и кто целиком в твоей власти...

О, эта власть над людьми! Мировая литература утверждает, что нет ничего упоительнее ее. Не знаю: не то что в мировом, а даже в узко-служебном масштабе не довелось испытать этот искуc. А вот когда появился на свет крошечный человечек, свой собственный, ужаснулась беспределности материнской власти. Вот он — и в прямом, и в переносном смысле — в моих руках. Я для него сейчас — всемогущий бог, творящий чудеса: от вкуснейшего молока до мгновенного превращения мокрых пеленок в сухие. Но это самые простые добрые чудеса. А время идет, и богом быть стано-

вится все трудней: требуются чудеса человечности, понимания, сострадания, терпения. Трудно быть богом, когда ты всего лишь человек. И нет у тебя в запасе ни всемогущих заклинаний, ни волшебной палочки, ни божественной мудрости, а есть лишь твердая вера, что дети — это самое главное, что есть в твоей жизни, самое ценное и дорогое. Что вся жизнь твоя будет измерена главным — какими станут они. «Смерть — это так. Все мы воскреснем», — эти слова Бунина я поняла для себя так: воскреснем в детях и внуках, и дальше, дальше...

* * *

Когда я ждала первого малыша, одним из главных вопросов было — как назвать. Даже словарь имен от корки до корки изучила в библиотеке, выбирая самые редкие и экзотичные. А проблема решилась очень просто: сына назвали, как и папу, — Евгением. А родившуюся через год и десять месяцев дочку, как маму, — Надеждой. Так что в семье нас стало, как в библейском ковчеге, «каждой твари по паре». Окружающие удивляются: «Неужели не могут придумать других имен?» А мы и не хотели выдумывать, называя детей ничего не говорящими сердцу и уму именами только потому, что они звучат красиво или модны сегодня. Я почувствовала, как по-новому осознал себя и мир Евгений-старший, когда появился крохотный человечек, носящий его имя. И когда ждали дочку (почему-то уверены были, что родится именно она), сомнений не было, папа уже знал: «Назовем Надеждой».

Как первобытные люди, верящие в магию слов, названий и заклинаний, дали мы детям наши имена, тем самым стараясь закрепить навсегда наше единство друг с другом, уберечься от муки, когда выросшие дети и родители становятся чужими. Если поймут они нашу маленькую хитрость, может быть, и внуков назовут тоже — Евгений и Надежда. И будет тянуться тоненькая ниточка сквозь годы и десятилетия. И будем мы жить и жить. И будет создана своя, семейная, традиция.

* * *

Увы, срублены осмеянные как тщеславие «гнилого» дворянства и буржуазии генеалогические деревья, сгорели в пожаре гражданской войны, разметались по миру галереи семейных портретов «до седьмого колена». То, что прежде тщательно хранили, старались тщательно забыть — неподходящего по классовой принадлежности деда, «врага народа» — отца. Человек без корней, без традиций — манкурт, в голову которого можно вложить что угодно. Сколько их рождено!

Сегодня схватились — наши дети не знают не то что своих прадедов — дедов и бабушек даже. Где, в каком доме висят на почетном месте фотографии родных? А ведь традиция семейных галерей жила не только.

в дворянстве. Когда родилась фотография и возможность оставить память о себе появилась и у простых людей, на стенах крестьянских изб возникли рядом с иконами и снимки родных. В ярославских деревнях, где мои старинные корни, заходя в избы к старушкам — многочисленным родственницам и подругам бабушки, везде я видела эти самодельные рамочки, в которых под одним стеклом — пожелтевшие снимки, и художественные, и совсем малюсенькие — на паспорт: отцы, деды, матери, дети, сестры, племянники, дяди и тети...

Помню, как поразил меня увиденный несколько лет назад в подмосковном Солнечногорске альбом — огромный, с кованой тройкой с ямщиком и седоками на обложке. Его хозяйке Надежде Николаевне Сафьяновой было тогда 80 лет. Я разыскала ее, потому что интересовалась историей обелиска «Центр Азии», о котором, к моему удивлению, данных в Кызыле оказалось маловато, а имеющиеся были противоречивы. Надежда Николаевна — внучка того самого купца Сафьянова, в огороде которого, по свидетельству Родевича, неизвестным англичанином в конце девятнадцатого века был установлен первый деревянный знак с надписью «Центр Азии». Кстати, в те же дни побывала я и в музее-квартире Ленина в Кремле. И там, в кабинете, мое внимание привлекла «Карта путей сообщения азиатской России» 1917 года. Испещренная кружочками с названиями населенных пунктов, у истоков Енисея она этих названий не имела. Вместо них кое-где надписи — заимка и фамилия купца. В районе Кызыла надпись — Солдань, заимка Сафьянова. Пораженная тем, что даже не деревенька, маленькая заимка служила ориентиром на огромной карте страны, тем, что фамилия, о которой то вспоминали, то забывали историки Тувы, следуя логике: раз купец, то эксплуататор и враг, запечатлелась, как географическое название, я долго стояла у карты. Так долго, что сопровождающий нас помимо экскурсовода молчаливый человек в штатском настойчиво посоветовал присоединиться к остальным экскурсантам, давно покинувшем кабинет.

К сожалению, Надежда Николаевна сама уже не видела того обелиска, только слышала о нем, но зато показала мне фото заимки — обычный деревянный дом. А потом, достав альбом, в котором все фотографии, начиная со сделанных в прошлом веке, были снабжены ее надписями, обрушила на мою голову такую массу имен, преданий, фактов, в которых переплелись быт, история Тувы, и быт, история семьи, что я просто жгуче позавидовала ее внучке, кстати, тоже Надежде, и многочисленным юным родственникам — уж они-то не окажутся без корней. Все надежно сберегла для них бабушка Надежда.

Альбом с несущейся сквозь время кованой тройкой с тех пор стал для меня каким-то символом семейной памяти. Особенно часто стал вспоминаться, когда родился сын. Нигде уже не достать подобный. И обычные-то альбомы для фото — давно дефицит. Они, в ярких бархатных обложках, еще были принадлежностью многих семей в 50-е годы, их часто разглядывали,

показывали детям и гостям. Потом, каким-то непостижимым образом попав в ряд символов мещанского быта, легли они на дно бабушкиных сундуков, а в молодых семьях и вовсе исчезли.

Спасибо сундуку моей бабушки, моей свекрови — они сохранили для правнуков частички семейной истории. Вставила в рамочки и повесила в детской комнате всех — дедушку и бабушку по отцовской и материнской линии, прадедушку и прабабушку моих малышей по материнской линии, всех дядей. Разглядываю старейшие из фотографий — начала века. Прадедушка Вася в солдатской форме. Прапрабабушка моих детей Марья в белоснежном фартуке, волосы гладко зачесаны, как и подобает серьезной горничной в солидном петербургском доме, куда она подалась из деревни на заработки. Рука судорожно вцепилась в крышку декоративной тумбы — «непривычны мы позировать». Рядом безымянная подруга — та, видимо, в столичной жизни уже знаток, — держится уверенно, рука эдак артистично закинута назад. Кухарка, наверное. Платье барыня подарила? Видимо, она и уговорила Марию на рискованный шаг — пойти в фотографию и поразить всех в маленькой деревушке Обухово невиданным снимком. А снимок действительно солидный. С золотыми виньетками, медалями и надписями, приклеенный на толстый картон — на века делалось, четкий, совсем не пожелтевший (вот было качество!) Смотрю и пытаюсь постигнуть — какими они были тогда, чем жили. Даже обратную сторону паспарту (какое забытое слово) изучаю, находя и на ней приметы, дух времени. «Удастоень Благодарностей его Императ. Велич. Государя Императора. Учащимся и железнодорожным служащимъ скидка. Негативы сохраняются». Видимо, процветала артистическая фотография В. Кодлубовича в Первом Измайловском переулке на углу Седьмой роты.

Наверное, будь на этих фото запечатлены какие-то чужие люди, я заинтересовалась бы на минуту ими, как забавным сувениром из прошлого. Но это — мои собственные корни, и история становится зримой. Пусть висят на виду у детей, пусть привыкают они знать и уважать свою историю, а значит, и историю народа. Чтоб никогда не оскорбили ничью память, не унизили ни одного человека. Пусть привыкают — огромное состоит из малого, и самый простой человек, пусть ничем не прославившийся, — это целый мир. От него твои корни.

* * *

Завела два специальных фотоальбома — история сына и история дочери, дневник, в который записываю свои наблюдения за ними, сомнения и размышления. Очень любят рассматривать эти веселые альбомы, находя себя и родных, свои первые рисунки и поздравительные открытки в честь появления на свет. Пытаюсь сохранить для них их историю, чтоб не пришлось потом собирать по крупинкам.

Даже в роддом явилась с записной книжкой, чем вызвала добродушные улыбки:

— Ну, сразу видно — журналист!

Так что мне совсем не трудно писать эти записки — стоит только перебрать свой детский архив.

28 сентября 1986 года — воскресенье. В 3 часа ночи нужно было переводить стрелки на 1 час назад — на зимнее время, и я, глядя на большие часы на стене предродовой палаты, все высчитывала — сколько же сейчас времени. Но с каждым часом проделывать эту несложную операцию с вычитанием становилось труднее, и уже путались в голове стихи мужа, которые, стараясь успокоить боль, пыталась читать вслух. Вот и ночь проходит, утром я уже не одинока в палате, становится все «веселей». Особое оживление вносит юная Оля — и бегаёт, и скачет, и кричит, не переставая.

— Ребенку же хуже делаешь! Ляг, — не выдерживает невозмутимая акушерка.

— Ну и пусть! И не нужен он мне, раз так! Больно!

Потом она, как и все, станет считать минуты — когда принесут дочку на кормление, что-то ласково шептать в крохотное не слышащее еще ушко. А мы, с юмором уже оценивая прошедшее, будем, вспоминая детали, подтрунивать над собой и над ней, укусившей в родзале доктора. Но эту ее, пусть сгоряча, но вырвавшуюся фразу, не напомним никто, словно сговорившись забыть.

Люда Ондар — полная противоположность: даже стоны не слышно, а ведь тоже — первые роды. Ей сказали: надо лежать, так лучше для ребенка, и она лежит, даже не пытается сменой позы облегчить боль. Но за свое ангельское терпение получила она не похвалу, а строгий выговор — уже схватки начались, а Люда все молчит, не зовет акушерку — неудобно ей беспокоить людей, рано, наверное, думает. Еле успели чуть не на руках дотащить до родзала.

И спустя пятнадцать минут (я еще опомниться от чуда появления на свет своего сына не успела) на моих глазах свершилось другое чудо — родился Эртине. Их положили рядом на маленький столик в углу родзала, а мы, не имея сил и возможности приподняться на металлических ложах, пытались определить — чей же плачет, а чей — чихает. Сначала даже перепутали, а потом разобрались: чихает Людин, плачет — мой.

Сегодня они, знающие друг друга в прямом смысле всю жизнь, ходят в одну группу детсада, восторженно крича при встречах:

— Женя!

— Эртине!

Отмечая их общий день рождения, выпустили мы с Людой стенгазету, где на фоне огромного торта с четырьмя свечами слева фото Эртине, а справа — Жени. И глядя, как восторженно понесли они уже настоящие торты со свечками в группу, чтобы дружно задуть огоньки и всей детсадовской компанией отведать мамины кулинарные сюрпризы, почему-то вспомнила я недавний рассказ кызылской знакомой.

Что-то там не поделили во дворе дети. И вот один заявляет другому:

— Мой папа — русский. Ты — тувинец. Он выйдет и тебя убьет.

Мать, увидев испуганного сына, хотела тут же броситься к родителям мальчика:

— Наверное, они не знают, что сын такое говорит. Наверное, где-нибудь во дворе услышал. Не может быть, чтобы в семье.

Но умудренная житейским опытом соседка остановила:

— Не ходи! Конечно, он слышал что-то подобное именно дома. А раз так, ты ничего не докажешь. Тебя просто не поймут.

Как все же разрешился конфликт? Очень просто. На следующий день обиженный предстал перед обидчиком с гордым видом:

— А у моего дедушки — десять автоматов. Он сам твоего папу убьет.

Очень скоро, правда, дети забыли о ссоре и вновь, как и прежде, мирно играли вместе. Они оказались мудрее взрослых, чьи проблемы отразились в их детских взаимоотношениях столь диким образом. Ужаснитесь, люди! Слово «убить» входит в лексикон наших детей, как обычное слово. Пока они не очень представляют, что же значит оно на деле. Но где гарантия, что, привыкнув к слову, не убоятся и дела?...

В Хову-Аксы спустя несколько месяцев после майских событий 1990 года, оцененных как столкновения на национальной почве, услышала я рассказ простой женщины Калдар, тети Кати, как ее все тут называют.

— На следующий день после драки в Огневке я всех наших из «Доброй юрты» (объединение при Дворце культуры, цель которого — возрождение национальных традиций — Н. А.) подняла дружинить. «Что сидите дома, — говорю. — Наши сыны умирать идут, а мы по домам прячемся? Если хорошо воспитали их — так и бояться нечего, а если плохо — так и умирайте с ними!» А когда увидела, что делается, — испугалась. Думаю, куда бежать, если стрельба начнется? Домой? Нет. И в милицию не побегу. Думаю, в больницу надо — ведь раненые, наверное, будут.

А две толпы — русские, тувинцы — стоят напротив друг друга, мальчишки тут же вертятся. Глаза злые. Руки в карманах. А что у них там? И всего несколько метров их отделяют.

Страшно. Очень. Вот сейчас, думаю, сойдутся. И... Не выдержала я, бросилась между ними, как закричу: «Сыны мои! Что вы делаете! Остановитесь!» Тут ко мне другие женщины кинулись. И послушались ведь нас. Стали потихоньку расходиться. Они расходятся, а некоторые женщины кричат: «Стойте! Куда уходите?! Испугались?!» Что же они кричат?! Я им: «Твоих сыновей здесь нет, они еще малы, а у тебя — дочки. На что же вы ребят посылаете?» Потом мне уже парни говорили: «Хорошо, что вы нас всегда, тетя Катя, ругали, воспитывали, мы вас и послушались. А то где бы мы сейчас были? Может, уже и мертвыми».

Рассказ тети Кати не требует комментариев. Просто надо представить ситуацию — с кем бы из женщин вы были в тот день?

Мать, только мать с рождением сеет в душе ребенка семена добра — я уверена в этом. Если не посеяны — не поможет уже никто.

И выбор игрушек, считаю, в этом не мелочь. Привычно: если в «Детском мире» выбросили автоматы, сразу же — огромная очередь, покупают ко Дню рождения, к Новому году, просто, чтобы порадовать. Когда в роли Снегурочки привозила детям на дом приготовленные родителями подарки, поразилась: если мальчик, то обязательно — автомат или что-то подобное — — уничтожающее, убивающее. Не парадокс ли? На самый добрый праздник самый добрый волшебник — Дед Мороз вручает ребенку долгожданный подарок — давай, целся в друга, в прохожих, познавай мир через насилие.

Никогда не дарю ничего подобного. Объяснила сразу, как только заинтересовался пистолетиком в руках у приятеля:

— Я это не люблю. Зачем стрелять в людей? Им же больно.

Сама поражаюсь, как многое можно в этом возрасте заложить, внушить. Наградили на празднике пистолетиком. Увидев, что в пакете, прямо отпрянул, чуть не заплакал. Пришлось срочно просить поменять на другую, невоенную игрушку.

Нет, никак не пойму — неужели родители, позволяющие себе оскорбления других людей хоть по национальному, хоть по любому другому признаку, верят, что ребенок, став взрослым, будет уважительно относиться к своему народу? Неужели не боятся, что усвоенные в детстве уроки злобы обернутся в старости против самих же родителей? Или наивно уверены — сын, позволяющий себе унижить другую женщину, уж для своей-то матери останется любящим и добрым? Не бывает такого.

* * *

В детской поликлинике, грустная и, увы, типичная сценка. Мама, ожидая приема, мило беседует со знакомой. Рядом сыновья — старшему лет восемь, младшему год. Старший очень занимается с братишкой. Но вот решил поднять — не удержал, и малыш упал, заплакал. Ничего страшного, ушибся совсем чуть-чуть, да и старший ведь его не обижал, наоборот, очень трогательно играл с братиком.

Но реакция мамы! С размаху — оплеуху парнишке:

— Ах ты змей головастый! Паразит!

Младшего — на руки, и опять все внимание собеседнице, злое выражение лица мгновенно сменяется светской улыбкой. А старший мальчик стоит как оплеванный, глаза погасли, на брата уже не смотрит. Его походя оскорбили словами и затрещиной. Да еще на людях!

Что творилось в душе ребенка? Или уже привык к подобным унижениям? Маму это абсолютно не интересовало. Как ни в чем не бывало, она продолжала мило беседовать, не обращая внимания на поникшего сына, не чувствуя никакой неловкости перед окружающими, которые тоже прореагировали на дикую сценку как вполне обычное явление. Вот если бы женщина свою собеседницу так оскорбила, тогда бы они, разумеется, возмутились. А так — ничего особенного, подумаешь — сына наказала.

Часто вижу подобные сценки, отличающиеся лишь степенью неуважения к собственному дитяти. «Не ори!», «Закрой рот, когда старшие говорят», «Марш в угол!»; шлепок по попе, подзатыльник — привычные элементы воспитания.

Но кого мы хотим воспитать подобным образом? Если привыкшего к унижениям раба, не знающего, что такое собственное достоинство, то путь избран верный. Если жесткого и наглого типа, для которого ударить, оскорбить человека — в порядке вещей, ведь он с детства к подобному привык, то мы тоже — на верной дороге.

Вот девочка играет с куклой: шлепок, сердитое «Не ори!» — она делает все, как мама. Сегодня кукла, завтра — собственный ребенок, да и собственная мать. Родители в ужасе — выросший сын грубит, плюет на все их требования, просьбы, не ставя родителей ни в грош. Да они сами научили его этому, не считая нужным с рождения видеть в нем личность.

Стараюсь никогда не забывать об этом. Раннее утро. Надо спешить в детский сад, опаздываем уже, а сын вдруг решил заняться рисованием, не оторвать. Самое простое — вырвать кисточку из рук: «Хватит ерундой заниматься!», потащить, насильно одеть и с победой (и слезами) отправиться в сад.

А если попробовать так.

— Сынок! Мы уже опаздываем. Ты надолго занят?

— Еще один листик не раскрасил. Пять минут!

— Хорошо, я подожду. Пять минут еще есть.

Спокойно заканчивает. И мы мирно идем в сад.

«Будь любезен!», «Помоги, пожалуйста!», «Ты не занят?» — замечаю, что с этими фразами, обращенными к нему, сын подходит уже ко мне.

Кажется, как легко. Но порой терпения не хватает, даже когда не так он и виноват. Просто кто-то где-то испортил настроение, устала, все надоело. Вот и сорвалась, закричала. Испугался по-настоящему. Не привык к такому. Но (насколько мудрей меня он оказывается!) не отвечает встречной истерикой, а, сдерживая испуг, пытается превратить все в шутку:

— Ой, Баба Яга появилась!

Мне становится смешно. И я превращаюсь из гнусной Бабы Яги в маму.

Одно из главных правил в нашей семье — никаких физических наказаний, даже «невинных» шлепков. Как можно большому и сильному бить того, кто совершенно беззащитен перед ним, кто полностью в его власти? Да никакое это не воспитание, а садизм, при котором лицемерием звучат правильные слова: «Нельзя, сын, обижать маленьких. Надо уважать старых!»

Будет, будет обижать и не будет уважать, если мы сами не будем уважать его — ребенка и человека.

* * *

В автобусе набросились на худенькую девушку:

— Почему не уступаешь места старшим?

Старший, весьма бодрый старичок, с сознанием своей правоты гордо уселся на отвоеванное у молча вскочившей растерянной девушки место. «Сочувствующие» продолжали лениво позорить:

— Вот они какие, молодые, не уважают.

Странно, но никому и в голову не пришло, что согнали с сиденья — женщину, заставив уступить место — мужчине. Причем рядом сидели молодые мужчины — разве не логичнее было бы им уступить. Но с ними никто вступить в переговоры не решился.

Без сомнения, место старым и немощным надо уступать. Но почему все так перевернулось с ног на голову? По правилам дворянского этикета мужчина в обществе не сядет, если стоят дамы. А наш бодрый старичок преспокойно разместился на сиденье. Ладно — ему, воспитанному в духе нашего «равноправия», уже никогда не дано понять, что он унизил женщину, слабое существо. Но как не страдает его мужская гордость, ведь этим поступком он автоматически записал себя в разряд дряхлых и немощных, коим считаться мужчине никогда не хочется.

Нет, ничего, не страдает. Уверена, скажи ему о том, что он женщину обидел, бодрый старичок изумится:

— Какая женщина? Соплячка.

Интересно, во сколько же лет можно вдруг стать женщиной, по чуткости, мягкости, женственности, о которой так затосковали сегодня, будучи до этого «соплячкой»? Вы видели, чтобы в автобусе кто-то из мужчин уступил место не совсем уж согбенной старушке или явно беременной, а просто женщине, девушке? Я — ни разу. Когда при входе в магазин, в автобус кто-то из сильного пола пропускает тебя вперед (редко, но бывает), это уже воспринимается, как верх галантности. А чтоб подать руку девочке, выходящей из автобуса (хотя бы для начала — папа дочери) — и речи нет. А ведь с отношений отца с дочерью, как утверждают психологи, начинается для нее постижение сложных отношений женщина — мужчина. Не будет он с ней подчеркнуто вежлив, не будет сам оказывать знаки внимания — вырастет неуверенная, закомплексованная, не знающая себе цену.

Да, трудно в нашем сегодняшнем положении говорить о какой-то там галантности — урвать бы, успеть ухватить себе. Но если попробовать — с детства? И ведь получается. Делим угощение. Сын:

— Сначала девочкам!

Заходим в магазин, он открывает дверь, пропуская меня и коляску с дочерью:

— Вы же женщины!

В автобусе категорически отказывается сесть, хотя женщины предлагают — малыш ведь, четыре года:

— Я мужчина!

Забывает, конечно, порой. Но все же, думаю, начало положено. И ему польза, и сестричке, с малых лет привыкающей к тому, что она — девочка, будущая женщина.

Порой даже удивляюсь, как в два года чувствует она себя девочкой — выбирает что надеть, в восторге от нарядного платья, словно волшебную музыку, слушает комплименты:

— Ой, Надюля красивая!

Это подчеркивает в отношениях к дочери и папа: если на сына он может порой повысить голос, то на нее — никогда.

* * *

Со мной живет тоскливое воспоминание — от... Нового года. Всегда, уже в юности, ждалось от него чего-то такого, необычного, а он оборачивался пошлым застольем, серым утренним разочарованием несостоявшегося праздника. Сегодня, ура, я могу компенсировать это ожидание несостоявшегося чуда чудом для своих детей, а значит — и для себя. Обязательный приход Деда Мороза, карнавальные костюмы, начиная с возраста нескольких месяцев, всякие сюрпризы и приятные неожиданности.

На днях рождения, главные гости — дети; кукольные спектакли, концерты, раздача всем гостям подарков волшебником. И кроме того — повседневные чудеса: то утром на самый верх веревочной лестницы обезьянки повесят угощение или игрушку, то вечером белочки оставят на дереве что-то вкусненькое — надо выбежать босиком (и по первому снегу тоже) и сорвать — это и радость, и стимул для закалки.

Кроме домашних больших и малых праздников выходим за радостью и «в свет». В Кызыле немного радости для детей — стараемся не упустить ни одной возможности: ходим на все детские концерты, праздники, спектакли.

Каждый выход в театр — событие. Наряжаемся: Надюле любимое платье, Женечке — белую рубашку с черной «бабочкой», обязательно — сменную обувь. Непременно читаю или рассказываю сказку, которую предстоит посмотреть.

В год и восемь месяцев Женечка впервые пошел в театр, на детскую оперетту. А Надюля — еще раньше, вела старшего и грудную — с собой. Не пропускаем и концерты для взрослых. Обращаю внимание:

— Это тувинский национальный костюм. Правда, красиво?

Привыкнув ценить и понимать культуру, верю, не ожесточатся сердцем.

И сами пробуем стать актерами. Повезло — купила целый набор героев для кукольного театра. Показали в детском саду «Репку»: мама — Дед и Баба, Надюля — Внучка, а Женечка — сразу и Жучка, и Кошка и Мышка.

После ужина:

— Закройте глаза. Колдую! Эники-беники, ели вареники!

Наколдовала шоколадку. Все — в восторге! Так она и вкусней, и приятней.

Так и живем в добром сказочном мире, в котором и повседневные чудеса, и андерсеновские сказки. «Дюймовочка» так полюбилась, что Надюля уже стойко перевоплотилась:

— Я — Дюймовочка.

Хорошо в сказке. В жизни — похуже. В ней всевозможные Дяди-Каки. Что ж, приходится говорить и о них — дабы подготовить к жизни реальной. Они обижают младших и женщин, сорят на улицах, пьют водку (дома никакого алкоголя дети не должны видеть — с этим правилом согласился и папа, а я сама полностью отказалась от употребления этого «эликсира иллюзии счастья»). Одним словом, Дяди-Каки (собираемый образ, придуманный сыном и стойко держащийся в домашней «системе ценностей»). Но и к Дядям-Какам мы гуманны.

— Я им как дам! — заявляет сын.

— Давай сначала объясним, может, они поймут?

Согласен объяснить. Но поймут ли? Ой, может, я все же не тому учу? Может, пожестче надо, а то ведь пропадет? Не хочу пожестче. Не могу. Достаточно уже зла и насилия, нетерпимости и злобы.

* * *

От многих, у кого дети родились один за другим с разницей в полтора — два года, слышала:

— Приходится покупать две абсолютно одинаковые игрушки, иначе не поделят — будет скандал.

— Младший все у старшего отбирает, до крика доходит.

Ну, как уберечься от этого, как приучить решать все конфликты мирным путем? Помогло слово «пожалуйста».

— Если вежливо попросишь, тебе дадут. Не надо вырывать из рук, скажи «пожалуйста».

И ведь помогает.

Правда, порой что-то уж очень приглянется, Надюля не дает братику. Он надуется, а то и заплачет.

Никогда не упрекаю: «Ой, жадная Надя». Ведь не зря говорится: «Повторяй человеку, что он — свинья, он и захрюкает». Наоборот: «Надя — добрая. Она поймет, что родной братик дороже игрушки». Ходит, ходит, смотришь: «На, Женя» — надумала, отдала.

И он очень неплохо научился разрешать конфликты:

— Надюля — это тебе, а это — мне. Давай поменяемся.

Так что особых проблем с делением игрушек нет. Но бывает — шлепнут друг-друга в сердцах. Тут уж виноваты оба: «Ты — мужчина, а на девочку руку поднял, ты девочка, красивая, а дерешься». Знают, это главное, на что сердится мама.

Когда угостят сладким, Женечка всегда несет половинку Надюле. Помню, приехала в гости бабушка, вручает ему — а было ему два года восемь месяцев — шоколадку: «Это тебе». А он: «А Надюле? А маме? А папе?» Бабушка растрогалась даже. Всегда делит все на четверых. Если папа на работе, то ему обязательно — кусочек шоколадки, дольку апельсина. И Надюля понимает: «Это — папе», значит, никаких капризов. И чтоб съел не «Ам-ам» понарошку, а по-настоящему.

В садике дадут конфетку, печенюшку, смотрю — и нам по кусочку сын припас, не съел. Едим: «Спасибо! Вкусно!»

Воспитатели отмечают — как прогулка, Надя к Женечке бежит, он к ней. Скучают друг без друга в разных группах. Значит, все же заложена основа близости — с тех пор, как приготовил для еще неродившейся сестрички погремушку, как помогал мыть, гордо держа мыло, уносил ее грязные пеленки и осторожно трогал беспомощное тельце. Никогда не боялись ни инфекций, ни того, что сделает больно, не гнали: «Не трогай, уйди», чтоб не отвратить от малышки, не дать повод для обиды, ревности.

Значит, будут близки друг-другу, когда подрастут. Не будут одиноки, когда уже и нас не будет.

* * *

Как уберечь эту чудесную внутреннюю связь родители — дети? Как, когда подрастут, не стать чужими в родном доме? Эти вопросы не дают мне покоя. Стараюсь: сделать дом добрым и радостным, где всегда поймут и поддержат, где уютно и тепло, чтоб всегда хотелось прийти сюда, а не на улицу — от душевного неюта холодного дома. Бóльшую из двух наших комнат сразу же отдали детям — им надо много места для игры, движений. Детский письменный столик, откуда лишь с разрешения сына могу взять я альбомы и карандаши (только своим примером можно научить не брать никогда чужое), шкафчик с книгами — их мы особенно бережем и любим, кукольный уголок, двухъярусная кровать — она же и домик, и корабль и все, что угодно. Качелька, разные варианты веревочных лесенок, мини-шведская стенка. На стенах картины, фотографии детей, рисунки. Проигрыватель (любимая пластинка — «Щелкунчик» Чайковского), пианино, румба и маракасы — звенящие инструменты для сопровождения наших танцев, фильмоскоп с набором диафильмов.

Хорошо дома. Особенно ощущаешь это в морозный зимний день. На улице — холодно и тоскливо. А у нас — алые сполохи в камине (увы, электрическом), тихая сказка, когда перед сном сидим, прижавшись друг к другу, в кровати.

В такие минуты думаешь: да что в конце концов все катаклизмы большого мира — выживем и будем назло всем счастливы. Потому что мы — вместе, и это самое главное, что есть у нас.

* * *

Свято веря в силу печатного слова и статей, которые пишет мама в свою «Молодежь Тувы», сын просит:

— Мама! Я не люблю, когда стреляют. Напиши в газете, чтоб больше не было никогда войны. И еще напиши — чтоб женщин не обижали и маленьких. И не сорили. И чтоб в Кызыле был кукольный театр и много мороженого.

Хорошо, сынок, напишу. А вдруг, действительно, поможет?!

Зоя Самдан

НА РАСПУТЬЕ

Литературная критика в Туве сегодня находится на распутье. Ветер перемен, коснувшийся многих сторон нашей жизни, сдвинул с места и застывший воз критики. Но ее сегодняшнее состояние во многом еще определяется инерцией старого и создавшейся нынче в среде творческой интеллигенции республики выжидательной позицией. Тем временем, решение вопроса, по какому пути продвигаться дальше критике — по старому, проторенному, или по новому — не терпит больше отлагательств. Политика перестройки требует кардинальных перемен в культурной жизни республики, в том числе, и в литературной критике. Поэтому речь здесь пойдет не об узкоцеховых проблемах критики, достоинствах и недостатках в критическом анализе тех или иных конкретных произведений, а о более общих проблемах и причинах, породивших их.

Проблемы, о которых идет речь, выявлены нами в результате прак-

тической работы в координационном совете по литературно-художественной критике, созданном в апреле 1987 года.

Какие же были у нас попытки за эти годы, что нам удалось сделать, а что не удалось, и почему?

Само создание совета и его работу на первых порах образно можно сравнить с упомянутым здесь сдвинувшимся с места скрипящим возом. Были утверждены на общем собрании положение совета, текущий и перспективный планы. На первых порах были сделаны шаги к оживлению творческой атмосферы: организовывались встречи, диспуты, обсуждения конкретных произведений писателей, в работе совета активно участвовали А. Кужугет, А. Даржай, Н. Куулар, С. Баир, Ч. Куулар, О. Сарыглар и другие. Состоялись встречи с творческими работниками театра, теоретический семинар по проблемам литературно-художественной критики в горьком партии. Обсудили — с участием пи-

сателей, лингвистов, журналистов, студентов — романы Э. Донгака «Старое стойбище» и «Закливание марала», давали внутренние рецензии, оказывали помощь начинающим авторам.

Время от времени появлялись публикации критических работ на страницах местных газет и в разделе критики альманаха «Улуг-Хем». Это статьи Ч. Чапа, А. Калзана, А. Бегзи (о творчестве С. Сарыгоола), М. Эргепя (о детской литературе), Д. Куулара (о человеке, природе и времени), К. Кудажы (о Пушкине), М. Хадаханэ (об интернационализме), А. Даржая (о творчестве Ю. Кюнзегеша) и другие.

Нашей работе начали помогать правление Союза писателей, научно-исследовательский институт, горком партии. Объявили конкурс, запланировали семинар критиков, приняли участие в региональных семинарах критиков в Абакане, Красноярске.

Однако некоторые начинания мы не довели до конца. Справедливости ради надо признать, что в отсутствии должной последовательности, терпимости, настойчивости виноваты прежде всего сами критики, и в первую очередь, конечно, председатель совета. Но есть еще и не зависящие от нас объективные причины. Так, попытка провести конкурс критиков и премировать его призеров не получила поддержки со стороны руководителей в основном из-за финансовых мотивов. Не удалось нам провести и семинар молодых критиков в Кызыле в 1988 году из-за отказа обкома комсомола финансировать данное мероприятие.

Срок завершения объявленного конкурса на лучшую работу по литературно-художественной критике сначала был отодвинут на конец года из-за малочисленности представленных к конкурсу работ. Но положение дел не изменилось, итоги конкурса не подведены и по сей день.

Таким образом, работа совета постепенно пошла на спад, активно действовавшие его члены после нескольких попыток разочаровались в каких-либо позитивных результатах и полностью переключились на свои более привычные литературные обязанности.

Думаю, нет необходимости обращаться к конкретным фамилиям, примерам, ибо от того, что будут названы фамилии, система сама по себе не изменится. Поэтому позвольте порассуждать о наших общих болезнях несколько абстрактно.

Начнем с болезней самой критики. Литературная критика, на мой взгляд, продолжает оставаться в основном комплиментарной, обслуживающей. Из-за отсутствия выработанной научной методологии, объективной аргументации продолжаем руководствоваться устаревшими стереотипами и догматическими оценками. Это либо голая риторика в дежурных юбилейных статьях, либо наукообразность, обтекаемость в литературоведческих работах.

Умалчивание о недостатках, отсутствие аргументированной объективной критики порождает болезнь амбициозности у писателей. Вызванная старой системой и отчасти самими критиками, эта болезнь бьет

рикошетом по ним самим. Попытки откровенных разговоров, диспутов не по душе писателям, они порой вызывают неприкрытое раздражение у привыкших к восхвалениям авторитетов. Вместо открытых обсуждений в литературной среде идут скрытые закулисные бои, сшибка нравов, столкновение амбиций.

Без полной гласности не может быть здоровой конкуренции, расцветает корысть и зависть, что становится, к сожалению, характерным в среде творческой интеллигенции.

Действия критика упираются также в такие механизмы торможения, как монополизм, круговая порука, конформизм в среднем звене руководства — в творческих союзах и редакциях. Куда бы ни обратился критик с материалом, пусть мало-мальски остросоциального содержания, — везде стеной стоят «блюстители благодущия», верх берет власть какого-либо «вершителя судеб». Такие преграды порождают и укрепляют обывательскую психологию — не критиковать, чтобы самого не критиковали. При желании у любого смельчака-критика найдут недостатки, а это, как известно, чревато потерей всяческих благ — благосклонного отношения начальства, повышения в должности, выхода статьи, книги, вступления в творческий союз и т. д.

Одни требуют острой критики, но только не в свой адрес, другие не хотят критиковать, чтобы не лишиться тех или иных благ.

Пока создатели и ценители произведений искусства заняты этими скрытыми играми, в читательской

среде, особенно молодежной, тоже возникают тревожные симптомы. С одной стороны, снобизм, высокомерие некоторой якобы образованной части молодежи по отношению к своей национальной культуре, с другой — ограниченность, низкая культура, бездуховность.

Возрождение национального самосознания, попытки оздоровления культурной жизни в республике со стороны творческой интеллигенции, в том числе писателей и критиков, часто встречают сопротивление, как ни странно, со стороны руководящих работников культуры. Боясь, как бы чего не вышло, они заболевают запретоманней. Это, конечно же, не приводит к взаимопониманию руководства и творческой интеллигенции, а, напротив, отталкивает их друг от друга.

Вместо того чтобы использовать потенциал творческой интеллигенции как движущей силы перестройки культурной жизни, у нас стало правилом с самых высоких трибун ругать творческую интеллигенцию, огульно обвинять ее во всех грехах, и прежде всего в национализме. И мало кого искренне волнуют такие важные вопросы: каково общественное положение немногочисленного отряда писателей у нас в республике? Каковы условия их работы и быта? Что делается для сохранения литературных памятников? Я бы сказала, что существующее материальное и моральное положение писателей ниже даже среднего уровня жизни.

Среди творческих проблем литературной критики я бы назвала три

основные: проблема кадров, проблема пропаганды критики и проблема методологии (в частности, проблема соотношения национального и интернационального).

Справедливо говорится: «Критика — это критики». А как обстоят у нас дела с кадрами критиков? По статистической справке 1986 года в Союзе писателей СССР насчитывается всего 9.561 человек, в их числе 1.216 критиков и литературоведов, т. е. один критик на 8 писателей. В Туве из 17 членов Союза писателей было два критика — это М. А. Хадаханэ и недавно ушедший из жизни А. К. Калзан. Соотношение вроде нормальное, а на практике литературные критики были заняты другими делами.

Попытка подготовить критика на Высших литературных курсах (кандидатура Галины Сундуй) не была доведена до конца ни Союзом писателей Тувинской АССР, ни координационным советом.

На сегодня в республике нет ни одного литературного критика, который уделял бы свое время полностью только этому делу. После VIII съезда писателей СССР много говорили о роли писателей и научных сотрудников в поднятии уровня работы критического цеха. И у нас на должность председателя координационного совета вначале предполагалась штатная единица. Но увы, столь сложная обязанность стала чисто общественной нагрузкой.

Основным занятием сектора литературы и фольклора ТНИИЯЛИ, где я работаю, является подготовка академического издания для серии

«Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Эта работа, я считаю, не менее важная, даже неотложная, так как тувинский фольклор исчезает. А на разработку научной методологии критики, глубокое исследование процесса развития тувинской литературы не хватает ни сил, ни средств.

Критики преподаватели пединститута М. А. Хадаханэ и Д. С. Куулар, помимо основной работы, участвуют в подготовке учебников и методических пособий — текущей же литературной критикой им приходится заниматься между делом, от случая к случаю.

А достаточно ли бережно мы обращаемся с тем, что имеем? Ведь критик сам по себе — штучный «экземпляр».

Приведу один пример. Руководитель секции театральной критики А. Кужугет активно пыталась изменить что-либо на своем участке — организовала встречи в театре, диспуты, зрительские конференции, выступала по радио, писала рецензии. Но, несколько раз ударившись о глухую стену равнодушия и неприкрытого раздражения, охладела, ушла от проблем современного театра. Сейчас исследует тему «Зрелищность тувинских национальных праздников». И это когда у нас нет ни одного действующего профессионального театроведа. А кто может ее осудить?

Еще одним узким местом в развитии литературной критики является проблема пропаганды критики. Так, недостаточно полно используются раздел критики альманаха

«Улуг-Хем», возможности редакции литературно-художественного радио и телевидения. Наша инициатива — открыть телепередачу «Трибуна критика» с постоянным ведущим — в свое время не была поддержана редакцией литературного вещания.

Постепенно исчезли со страниц республиканских газет рубрики «Книга и читатель», «Проба пера», «Художник и современность».

Часто местные газеты необоснованно задерживают рецензии и статьи критиков. Нередки случаи, когда долгожданная статья выходит сокращенной по разумению редакции — сокращена, острые места сглажены, порой даже смысл изменен. Разумеется, редакция не может угодить всем авторам. Но согласовать с автором исправленные места, на мой взгляд, есть элементарное правило. Ведь ответственность за публикацию в первую очередь несет сам автор. А частенько бывает, что и откладывают по тем или иным неубедительным причинам. Но вот любопытно: те же самые статьи после отклонения, допустим, «Тувинской правдой», без единого исправления печатают молодежные газеты. Так, например, в свое время статьи А. Кужугет, Н. Куулара, З. Кыргыс, З. Самдан после отказа «Тувинской правды» были опубликованы в «Молодежи Тувы».

Время перестройки закономерно выдвинуло на первый план публицистику. И у нас, естественно, первоочередные социальные проблемы по экологии природы, экологии национальной культуры — языка, традиций — волнуют писателей, крити-

ков больше, чем, скажем, проблемы литературной критики. Да и для подъема литературной критики сегодня нет почвы: ярких творческих открытий в тувинской литературе пока не наблюдается.

Другая весьма важная проблема — соотношение национального и интернационального в критике. Не секрет, что в редакциях газет настороженно встречают статьи, касающиеся острых национальных проблем. Но ведь все наши боли сконцентрированы вокруг этих проблем. И это естественно: наша республика многонациональная. Поэтому коренного переосмысления заслуживает проблема соотношения национального и интернационального — одна из ключевых в целях оздоровления критики. Подмечено не нами, хотим мы этого или нет, но если не научимся использовать национальный фактор как рычаг активизации перестройки, то он станет работать против всех нас.

Наряду с такими плодотворными традициями, оставленными в наследство писателями старшего поколения, как органическое переосмысление традиций устного народного творчества, опора на русскую классику, передовую школу перевода, в творческой среде за последние десятилетия исподволь насаждался и вульгарный, упрощенный, поверхностный подход к проблеме национального и интернационального. Нередко национальное противопоставлялось интернациональному, народность — классовости. Вот характерный набор схем и стереотипных оценок: образы железного партий-

ца, жадного кулака, вредителя-ламы или шамана, образы умных «старших братьев», умиленных их помощью аборигенов, дедушек и бабушек с пережитками феодализма и т. д.

Вульгарно-классовый, лобовой, подход, с одной стороны, породил парадный, показной интернационализм, с другой — национальный нигилизм. Не замечая вульгаризации, национальный нигилист почему-то легко начинает обвинять в идеализации других. Совсем до недавнего времени можно было услышать обвинения в идеализации старины, стоило проявить, по мнению национальных нигилистов, чрезмерный интерес к фольклору, религии, национальным праздникам и т. п.

Возрождение национального самосознания в эпоху перестройки — явление неизбежное для всех народов, независимо от их уровня развития. И если в русской литературе сегодня происходит переоценка русской религиозной философии, то в новописьменных литературах, в том числе и тувинской, естественно, усиливается интерес к мифологическому и фольклорному наследию, который являет собой народную философию.

Может ли быть подлинным интернационалистом и вообще полноценным гражданином национальный нигилист? Он, конечно, может не испытывать никаких личных страданий, более того — многие из них преуспевают в жизни, становятся полезными и вполне добросовестными гражданами государства, но для своего народа они — отступники. Если следовать лозунгу «Партия и

народ едины», то национальный нигилизм в нашей республике — это основная болезнь, мешающая сближению руководителей с народом.

Не мешало бы всем помнить о роли отдельных наций в обогащении общечеловеческой культуры. Хорошо сказал об этом Рабиндранат Тагор в 1916 году при вручении Нобелевской премии Ясуяри Кавабата: «Долг каждой нации — выявить перед миром свою национальную сущность. Если же нации ничего дать миру, то это следует рассматривать как национальное преступление, это хуже, чем смерть, и никогда не прощается человеческой историей. Нация обязана сделать всеобщим достоянием то, что есть у нее. Благородный дух и есть богатство нации, а ее достояние — в умении, преодолевая собственные, узкие интересы, отправить всему миру приглашение принять участие в ее духовной культуре».

В заключение несколько обобщающих выводов. На мой взгляд, необходимо:

- изыскать возможности включения в штат Союза писателей критика, который руководил бы работой совета, подготовкой критиков на Высших литературных курсах;
- раздел критики альманаха «Улуг-Хем» вверить критику, а на страницах местных газет возродить прежние или создать новые рубрики литературной критики; открыть «Трибуну критика» на телевидении;
- практиковать широкие обсуждения кандидатов на литературные звания, премии, итогов творческих конкурсов; чаще организовывать

дискуссии, встречи, читательские конференции;

— развить дальше движение по возрождению народных обычаев, традиций, явлений культуры, начатое по инициативе национальной творческой интеллигенции;

— предпринять серьезные шаги по подготовке научной истории тувинской литературы.

Ясно одно, что проблемы литературной критики надо решать всем вместе — сверху и снизу. Повистине критика — дело общественное, а «Состояние критики само по себе

показывает степень образованности всей литературы» (А. С. Пушкин).

Руководителям культуры среднего и высшего звена надо отказаться от национального нигилизма, догматизма, вульгаризации, от инерции запретов, дать полную свободу творчества, слова, печати. Самим творцам и их ценителям следует решительно освободиться от безразличия и конформизма, амбиций и зависти. Иначе разрозненные действия, особенно попытки снизу, будут походить на борьбу Дон-Кихота с ветряными мельницами.

Мария Хадаханэ

ШВЕЙЦАР? ОФИЦИАНТ? ИЛИ УЧИТЕЛЬ ЖИЗНИ?

Тувинской критике — более полувека, если вести отсчет от книги С. Пюрбю «Начинающим писателям», вышедшей в 1939 году. Зрелый путь ее начинается после прихода в филологическую науку первых выпускников ЛГУ в начале 50-х годов: А. Тогуй-оола, А. Калзана, М. Кенин-Лопсана, а затем Д. Куулара, М. Хадаханэ, позднее З. Самдан, М. Татаринцевой, Ч. Чапа, Ч. Серен-оола, С. Баира.

В 80-х годах вышли книги А. Калзана «Жизнь и литература» (1980), Д. Куулара «История и современность» (1982), М. Татаринцевой «Развитие критической мысли в Туве» (1983), автора этих строк — «Литературная Тува» (1986), биб-

лиографический указатель «Писатели Тувы»; но ни одна из них не замечена критикой, хотя отзывы читателей были.

Хотелось бы сказать доброе слово о своих коллегах. А. Калзана отличало чувство истины, глубокий основательный анализ произведений в контексте времени. Д. Куулар более склонен к историко-литературным аналогиям, социальной критике. У него есть острое понимание изменений литературного процесса, но занятость учебным процессом в вузе съедает все время. Следует отметить и растущую творческую активность М. Татаринцевой.

Пейзаж тувинской критики мало заселен. Может быть, отпугивает

возросшая ответственность: критику сегодня надо быть социологом, экономистом, философом, политиком. В альманахе «Улуг-Хем» на русском языке в последние годы появились статьи Ч. Серен-оола и С. Баира о военной теме в тувинской литературе, мои — об интернациональной, Д. Куулара — о творчестве С. Тока, М. Татаринцевой — о публицистике, С. Лебедевой — о романе К. Кудажи «Улуг-Хем неугомонный». Из десяти изданных за это же время номеров «Улуг-Хема» на тувинском языке только в двух — № 69 и 70 — есть статьи М. Эргепя «Мысли о детской литературе», Д. Куулара «Человек, природа и время в тувинской повести».

В Союзе писателей РСФСР проходило обсуждение состояния и проблем тувинской литературы в юбилейные для республики дни 1984 года. Отмечались успехи и мало говорилось о недостатках, разве что в критических выступлениях С. Шуртакова и Ю. Кузнецова — в основном, о языковой небрежности переводов; но в целом это был большой творческий стимул для тувинских писателей. Несколько позже обсуждалось творчество М. Кенин-Лопсана.

В республику приезжали известные писатели и критики, в частности, С. Михалков в 1981 году. В Туве проходил XI Всесоюзный фестиваль молодых поэтов (1980), семинарами руководили О. Шестинский, С. Куниязев, А. Агабаев, Н. Дамдинов, В. Костров, Н. Злотникова, В. Ганиев, А. Парпара, Е. Антошкин. Они дали обстоятельные критические

разборы творчества тувинских поэтов.

В 1983 году в Туве проходил семинар молодых писателей Южной Сибири, среди руководителей были В. Чалмаев, Ю. Кузнецов, Б. Укачин, В. Дементьев, В. Чукреев. И этот семинар не прошел бесследно:

Произведения тувинских писателей попали в орбиту внимания литературоведов В. Дементьева — книги «Звездный путь», «Пламя поэзии», Н. Тобурокова — «Современная поэзия народов Сибири», К. Антошина — «У истоков жизни», «Вечно живые истоки», Р. Палкиной — «Роман в литературах народов Южной Сибири».

Взгляд со стороны всегда интересен.

В. Дементьев пишет «о наметившейся в тувинской поэзии тяге к более полному самовыражению, к постижению мира и места в нем человека-творца. В соседних литературах такая отстраненность, личностность поэтики и стоящая на ней осознанность мировосприятия давно утвердились». Отмечает «расширение жанровых границ, упрочение связей с жизнью народа, освоение богатств фольклора. Все меньше встречается описательность и риторичность, глубже становятся поэтические образы, смелее словесная живопись». Все это верно, но нельзя согласиться с одной мыслью: что литература Тувы развивается ровно и целеустремленно — это можно отнести разве только к поэзии.

К. Антошин делает попытку выявить специфику южносибирского

тюркоязычного романа, давая конкретный анализ книг С. Тока, М. Кенин-Лопсана, дилогии К. Кудажы.

«Жанровый «синтетизм» дилогии — в сочетании различных романских жанров: семейной хроники, романа воспитания, военно-политического, историко-революционного. Своеобразие стиля — в наличии разнохарактерных стиливых манер и традиций и, в частности, традиций М. Шолохова, народно-этического и фольклорно-романтического стилей, рождающихся на почве творческого освоения эпоса своего народа. Путем синтеза эпоса тувинцев с традициями советского многонационального романа-эпопеи создается самобытный роман-эпос». Сделано это на большом профессиональном уровне.

З. Самдан — автор монографии «От фольклора к литературе» (1987), занялась проблемами критики недавно. Были ее рецензии на поэзию Н. Куулара, роман Э. Донгака «Старые стойбища», в «Тувинской правде» появились статьи «Благодушные или самокритика критики» (1986), «Стряхнуть благодущие» (1987). Характерен ее доклад о критике на X съезде писателей Тувы (1989). «Современное состояние литературно-художественной критики справедливо вызывает тревогу и озабоченность», — отмечает З. Самдан в первой из названных статей и далее ставит болевые проблемы, выявляет негативные тенденции: нет высокой требовательности критики, а отсюда посредственные, серые книги, бытопись, устаревшие художест-

венные средства, слабое развитие критических жанров. «Где дремлет критика, там и литература развивается как бы наощупь», — с этим можно безусловно согласиться.

Но далее следует замечание: «критика своевременно не разъясняет позицию писателя». Не наивна ли такая вера во всеислие критики, которая все укажет, все разъяснит, и от этого появятся новые талантливые произведения? Хотелось бы и большей смелости в конкретном анализе, точных примеров. В статье сказано, что тема малой родины удастся только старшим писателям и слаба у начинающих — молодых, известно, критиковать легче. Отклик на эту статью появился через четыре месяца в виде писем пенсионеров. Факт говорит сам за себя. Критики же отмолчались... Вторая статья была скорее организационного характера, в связи с созданием координационного совета по критике, который (через три с лишним года можно подвести итоги) не оправдал себя, оказался лишней надстройкой.

В докладе на съезде З. Самдан с критическим пафосом говорила об инерции старого мышления, устаревших догматических оценок, обтекаемости, голой риторике в критике; отметила амбиции писателей, скрытые закулисные бои, корысть, зависть, круговую поруку, конформизм, запретоманию; пыталась проанализировать механизм торможения, причины застоя и безразличия; напомнила о проблемах национального и интернационального; призывала освободиться от безраз-

личия, конформизма, дать свободу творчеству. При внешней остроте не было конкретного анализа произведений критического жанра, вышедших статей и книг, его заменили общие места, абстракции, намеки без имен и адреса. Однако в целом доклад привлек внимание постановкой общих для всей советской литературы проблем, призывом к переоценке ценностей и конкретными предложениями.

Интересные мысли были высказаны в статье А. Калзана «Научная опора творчества» (1987). Критика сегодня пользуется большим доверием, но высокомерное отношение к ней не изжито. Критики по-прежнему пассивны и неповоротливы. Доминируют инертность, благодушие, психология стороннего наблюдателя. Рецензии напоминают пересказы оцениваемых книг, оценки же бездоказательны, неаргументированы и повторяют общие прописные истины; далее он называет двух авторов пухлых, безликих, старомодных сборников.

Сколько существует литература, столько ругают критику за отставание — и это повсеместное явление. Критика — отсталый жанр, причина литературных бед. Литература отстает от жизни, критика — от литературы. Общество, большое равнодушием, зеркально отразилось и в состоянии тувинской критики. Взаимные призывы пока не дают результатов. Перестроечные процессы в самой литературе идут медленно. Старшее поколение уходит, молодого подростка немного. Круг критиков узок, новые кадры не готовятся.

Сегодня большую роль играет пресса. В изданиях на тувинском языке — «Шын» и «Тываның аныктары» — есть острейшие выступления по проблемам культа личности, экологии, языка, межнациональных отношений, но все-таки еще нет привычки к критике, гласности, плюрализму мнений. Критика работает пока с верхним слоем литературы. В «Тувинской правде» за год выходит одна, от силы две литературные страницы; нужно концентрированное внимание литературе и искусству, а не случайные выступления в «Страницах выходного дня». Много книг осталось без рецензий: несколько выпусков альманаха «Улуг-Хем», сборник «Дамырак», сатира В. Тимофеева. Слабо работает социальный заказ. Газета заметно усилила свое внимание пропаганде русских и многонациональных писателей страны, отмечает их литературные юбилеи статьями местных авторов, а не перепечаткой из центральных газет.

Среди авторов рецензий по вопросам искусства выделялся Ю. Курский, ныне покойный. Основной костяк, базу литературной и художественной критики составляют А. Кужугет, З. Кыргыз, В. Сапельцев, С. Баир, М. Тагаринцева, М. Рамазанова, Ю. Некрасов, И. Щеголев, Т. Будегечиева, И. Иргит. Хотелось бы назвать интересную статью Т. Будегечиевой «Экология и искусство» — успех приходит на стыке смежных видов искусства: она проводит свой анализ на примере фольклора, поэзии, искусствоведения и социологии.

Помогают и активные читатели-книголюбы с Украины, из Белоруссии, Луганска, их заинтересованность тувинской литературой удивляет и радует в наше сложное время обострившихся межнациональных отношений.

Библиотеки могли бы более широко формировать процесс чтения и давать социологические портреты читателей, сегодня без этого трудно прогнозировать будущее литературы. Критика должна бороться с понижением уровня общей культуры, падением интереса к чтению и предпочтением облегченной беллетристики — а таковой требуют и от тувинского писателя.

Тувинская литература росла вместе со своим читателем, формировала, воспитывала его. С. Георгиевская в свое время в повести «Серебряное слово» тонко показала восприятие тувинским читателем книг Пушкина. Сегодня среди тувинской молодежи популярны книги А. Иванова, П. Проскурина, В. Пикуля, А. Дюма, детективы; из тувинских писателей — К. Кудажы, А. Даржая. Чтение современной прозы преобладает над классикой. Городские чи-

татели (специалисты, студенты, пенсионеры) берут книги русских и зарубежных авторов. Наиболее читаемы книги о войне, романы исторические, семейно-бытовые, детектив, явно уменьшилось число читателей поэзии. Тувинские читатели активны на встречах с писателями и обсуждениях новинок: они говорят о необходимости появления в литературе новых жанров, о большей близости к жизни, критикуют язык молодых авторов, требуют занимательности.

Критика тоже несет ответственность за духовное состояние своего народа. В последнее время ее стали сравнивать со швейцаром и официантом. В самом деле, с трудом проявляются независимость, несовпадение с расхожим мнением, не достаёт честного взгляда, полной правды о литературе, о межнациональных отношениях. Нужен новый взгляд — без огульного отрицания — на полувекую историю тувинской литературы. Критика критики полезна, ибо критика и литература растут из одного корня жизни. Ч. Айтматов тонко заметил: «Сейчас, быть может, особенно важна способность литературы научить каждого из нас думать о другом, как о себе».

□

Айлана Куужугет

ЖЕНЩИНА ТУВЫ В ИСКУССТВЕ

В древней Туве практически не было среди женщин известных сказительниц, художников, мастеров малой пластики. Слабая половина

рода человеческого занималась в основном выделкой шкур, шила войлочные коврики-ширтеки, одежду, обувь, достигая в этом большого

совершенства. Однако ни для одной женщины искусство не стало профессией, делом всей жизни.

Даже заниматься исполнением горлового пения женщинам строго-настрого запрещалось. Почему? Никто не знает точно. Одни объясняют это тем, что горловое пение — якобы привилегия исключительно мужчин; другие — будто бы из-за этого у женщины не будет детей; иные утверждают, что это просто некрасиво.

Была, однако, сфера деятельности, в которой женщины в прошлом соперничали с мужчинами, — шаманство. На это указывали очень многие путешественники из России, Англии, Германии, побывавшие в Туве на рубеже XIX—XX веков. «В Урянхайской (тувинской: Урянхай, Сойотия — дореволюционные названия Тувы — А. К.) земле шаманов, и женщин, и мужчин, много; женщин как будто даже больше, чем мужчин. Нам хотелось видеть этих прославленных прорицательниц...» — так писала известная путешественница А. В. Потанина в книге «Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю». Ее супруг, ученый и путешественник Г. Н. Потанин также отмечал этот факт. «На Улухеме (орфография сохраняется — А. К.) нам удалось устроить камланье только один раз, хотя нигде на нашем пути не было столько шаманов, как здесь. На Ар-торхоликке (Торгалыг — А.К.) в ур. Модон-обо мы видели трех утыган (помонгольски, шаманов — А. К.), т. е. шаманок — Чикей, Джаппай и Самдын; более знаменитая утыганка

Тольджамай откочевала в это время влиз...» (Очерк Северо-Западной Монголии», 1883 год.)

В искусстве шамана большое значение отводилось, говоря современным языком, артистическим способностям исполнителя камлания. В качестве примера использования актерских средств выражения приведем краткое описание камлания тувинской шаманки: «Перед ерсенем был послан войлочек; встав на него к ерсеню и задом к огню, Найдын начала камлать, т. е. бить в бубен и при этом раскачиваться всем телом. Она держала бубен в левой руке за перекладину внутри его. Сначала следовали два удара сряду, причем бубен держался у левой ноги, затем сильным взмахом бубен переносился к правой ноге, и здесь делался удар, — получалась дробь марша. Голова шамана постоянно наклоняется, сначала вся шаманская пляска состоит из этих движений, вызываемых ударами в бубен, затем уже следуют разные вариации, но все время ноги шамана остаются почти неподвижны, и двигается только верхняя часть туловища, иногда с изумительной быстротой. Пляска и музыка Найдын была очень энергична... Один или два раза Найдын начинала неистово кружиться на одном месте; тогда плащ ее, все его ремешки и змен разлетались во все стороны и кружились вокруг ее стана. Пляски свои Найдын прерывала, обходя, время от времени, вокруг очага, медленно, с остановками, и тогда начинала петь. Пение было чрезвычайно приятно, так как голос ее был нежен. Мотивов было много».

Тот факт, что среди известных тувинских шаманов было чрезвычайно много женщин, заслуживает внимания — очевидно, в этом проявлялся, во-первых, статус тувинской женщины в дореволюционной Туве, ее равноправность с мужчиной; во-вторых, именно в шаманской деятельности значительная часть женщин выражала стремление к самовыражению, к перевоплощению, к игре. Эта традиция своеобразно проявилась в игре современных тувинских актрис.

Отношение к женщине в Туве на рубеже веков было неоднозначным. Так, тувинцы, в отличие от, скажем, монголов или узбеков, более высоко ставили женщину, уважали ее, признавали многие ее права и желания. Как отмечал английский путешественник Д. Каррутерс в книге «Неведомая Монголия»: «Можно еще особо отметить интересные подробности в обычном укладе домашней семейной жизни урянхайцев. Они, например, очень ценят своих женщин, отчасти потому, что последние здесь не очень многочисленны, но главным образом, потому что у них особенно сильно развито желание иметь детей. Правда, на женщинах лежит здесь большая часть домашней работы; однако, мужчины, в свою очередь, несут полную ответственность за проступки своих жен. Шалон (проводник — А. К.) рассказывает об одном случае, когда какой-то мужчина был приговорен к наказанию палками в присутствии своей жены и его били до тех пор, пока последняя не создалась в совершенном ею преступ-

лении». Тем не менее, существовало и множество различных предубеждений в отношении женщины: так, ей запрещалось входить по пояс в реку, переступить через оружие (это считалось осквернением) и многое другое.

Эти стереотипы, разумеется, отошли в прошлое. Сегодня только в республиканском музыкально-драматическом театре почти половина творческого состава — женщины. Из шестнадцати исполнителей, которым присвоено звание заслуженного артиста Тувинской АССР, девять — женщины. Среди них актрисы старшего поколения, долгое время проработавшие в театре: О. Ч. Ензак, М. А. Рамазанова, С.-С. Б. Баир; актрисы среднего поколения, составляющего сейчас костяк театра, — Д. Н. Барынмаа, Р. Ч. Серен-оол; молодые исполнительницы, пользующиеся большой популярностью у зрителей: Тамара Ондар, Анзат Куулар, Ольга Кузина.

В 1968 году приехала в Кызыл после окончания Ленинградского института театра, музыки и кинематографии с группой однокурсников Дадар Барынмаа, и сразу активно включилась в жизнь театра. На ее счету немало сложных и интересных ролей: Нэркэс в одноименной пьесе Н. Юмагулова, заглавная роль в «Чейнеш» П. Кучияка, Джульетта в «Ромео и Джульетте» У. Шекспира, Белекмаа в «Чечен и Белекмаа» Р. Кенденбия, Нила Снежка в пьесе «Барабанщица» А. Салынского. Актриса очень сдержана в проявлении чувств, ее героини всегда мыслят на сцене. Кроме артистиче-

ской деятельности, Д. Барынмаа занимается переводами пьес с русского на тувинский язык, они были поставлены на профессиональной сцене и в самодеятельных коллективах.

Примером гражданской ответственности, отношения к своему труду для молодых актеров может стать сценическая деятельность исполнительницы старшего поколения — народной артистки РСФСР Хургулек Байыскылановны Конгар, работавшей в театре с 1944 года. За долгую жизнь на сцене она создала множество замечательных образов. В спектакле «В ночь лунного затмения» Мустая Карима, поставленном в 1978 году, она сыграла главную роль — хранительницы очага Танкабике. Актриса скупными средствами, без лишних жестов, показала образ женщины сильной, волевой, но привыкшей беспрекословно подчиняться законам рода, хотя и начинающей сомневаться в их правильности и справедливости. По сути, это был своеобразный моноспектакль, в котором происходит перерождение человека, прозрение Танкабике.

С 1945 года в театре заслуженная артистка РСФСР Екатерина Седей-ооловна Кенденбиль. Среди ролей последнего десятилетия можно выделить мать Кары в драме «Хайыраан бот» В. Кок-оэл (постановка 1980 года); Анну в «Последнем сроке» В. Распутнина (1984), Ганну в «Вечере» А. Дударева (1987). Все эти, очень разные, роли женщин разных национальностей — тувинки, русской и белоруски — объединяет главная тема их создательницы —

тема материнства, нежности и доброты к своим детям и окружающим людям. В игре Екатерины Кенденбиль очень сильно влияние тувинских национальных традиций. Тувинская женщина в быту нетороплива, спокойна, чрезвычайно доброжелательна. Актриса проста, естественна на сцене — такая же, как в жизни, — уделяет большое внимание точности исполнения бытовых жестов, интонаций, движений. Через эти, казалось бы, незначительные детали создает достоверный, правдивый образ своей героини. Зрители всецело верят актрисе, каждое событие она, как будто бы, действительно переживает, о ней трудно сказать «играет» — она живет, при полной достоверности игры умеет оставаться самой собой.

В творческом составе Тувинской филармонии 72 человека, из них женщин около половины. Звания заслуженной артистки РСФСР за заслуги в области советской хореографии удостоена Евгения Салчак. В 1985 году это звание получила за заслуги в области вокально-исполнительского искусства Надежда Куулар. Восемь мастеров вокала и хореографии имеют звания заслуженного артиста Тувинской АССР, из них пять женщин: Н. Ф. Даржаа, Н. А.-Ш. Куулар, Е. М. Салчак, С. С. Сурун, Н. Шойгу.

С 1969 года в ансамбле песни и танца «Саяны» Евгения Салчак исполняет ведущие партии в концертных программах, солировала в первом тувинском балете «Хая-Мерген», поставленном в творческой мастерской эстрадного искусства в Ленин-

граде в 1978—1979 годах. Долгие годы Е. Салчак была солисткой самого популярного тувинского танца «Звенящая нежность», созданного известным советским хореографом А. В. Шатиным.

За исполнение сольных партий в танцах «Пробуждение» и «Танец с веерами» Е. Салчак на VI Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, наряду с другими артистами, была удостоена диплома. А в 1987 году стала лауреатом Государственной премии Тувы.

Певица Надежда Куулар пришла в ансамбль «Саяны» в 1971 году. Вскоре она стала солисткой и ныне — ведущая артистка филармонии. Н. Куулар, пожалуй, единственная профессиональная певица, продолжающая традиции исполнения тувинских народных песен в особой, национальной манере, подлинным виртуозом которой до сих пор являлась лишь народная артистка РСФСР и Тувинской АССР Каракыс Намзатовна Мунзук, обладающая прекрасным, неповторимым голосом, тонкий знаток, собиратель и пропагандист тувинского фольклора. Надежда Куулар, с ее высоким красивого тембра голосом, пользуется большим успехом у слушателей. Где бы ни гастролировал ансамбль «Саяны», и в нашей стране, и за рубежом, выступления певицы принимаются с огромным интересом. В 1974 году на V Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, за исполнение тувинских народных песен Надежда Куулар была удостоена диплома.

Надежда Даржаа, выпускница Бурятского хореографического учи-

лища, в ансамбле работает полтора десятилетия. Исполняет многие ведущие партии в хореографических номерах, создает на сцене оригинальные образы. В 1979 году на VI Всесоюзном конкурсе артистов эстрады также удостоена диплома.

Мастером с большой буквы была одна из ведущих скульпторов-каменеров Раиса Ажиевна Аракчаа. Ее работы не раз демонстрировались с огромным успехом на многих выставках и в СССР и за рубежом. Ее работы всегда привлекали внимание особым изяществом исполнения, народным юмором, она передавала своими произведениями любовное отношение своего народа к окружающей природе, к животным, к людям.

Раиса Ажиевна стала мастером изобразительного искусства в зрелом возрасте, в 42 года; была членом Союза художников СССР, заслуженным художником Тувинской АССР, лауреатом Российской премии имени И. Е. Репина. Вместе с основателями профессиональной школы камнерезного тувинского искусства М.-Д. С. Хертеком, Х. К. Тойбухаа, Б. С. Байынды, Р. А. Аракчаа играла большую роль в развитии этого традиционного вида тувинского народного творчества, получившего сегодня огромное множество поклонников во многих странах.

Среди тувинских скульпторов-каменеров большой популярностью пользуется Елизавета Байыровна Байынды. Она продолжает лучшие традиции тувинских резчиков по камню и постоянно экспериментирует, ищет новые пути развития ис-

куства малой пластики. «У Елизаветы Байынды очень разные работы и по тематике, и по композиционному построению. Одна из любимых ее тем — детская. Она очень часто изображает детей и животных. Она всегда старается передать характер изображаемого: если козленок, то шаловливый; часто Елизавета обращается к образу дракона, я знаю шесть его изображений, однако ни один не похож на другого, каждый со своими особенностями. Тонкая моделировка форм, тщательная обработка камня, изящество линий и завитков — эти качества присущи работам художницы», — так охарактеризовал творчество Е. Байынды искусствовед А. Хертек.

Среди тувинцев — членов Союза писателей — пока лишь одна женщина — Е. Д. Танова. Автор многих поэтических сборников, она работает и в других жанрах — прозе, драматургии. В ее творчестве одна из ведущих тем — детская. На стихи поэ-

тессы написано немало песен, в музыкально-драматическом театре была успешно поставлена пьеса Е. Тановой «Волшебная стрела». Екатерина Дуктук-ооловна — автор нескольких поэм, посвященных землякам, прошлому и настоящему тувинского народа.

Очень любят в Туве поэтессу Зою Намзырай — автора лирических стихотворений и многих песен, пользующихся популярностью среди молодых людей. Ее стихи отличаются особой нежностью, добротой, теплотой; очевидно, они так легко ложатся на музыку.

Вклад тувинских женщин в развитие профессионального искусства республики огромен. Многие из них получили всеобщее признание не только в Туве, но и в стране, за рубежом. И с каждым годом роль их становится все весомей и значительней. Слово теперь за молодыми.

Полувековой юбилей Зои Агдын-ооловны Намзырай отмечает тувинская литературная общественность.

Детство и юность будущей поэтессы прошли в родном Шекпээре Барун-Хемчикского района. Отсюда и первое ее стихотворение о ростках, в 1957 году напечатанное газетой «Сылдысчыгаш».

В 1958 году она окончила библиотечный техникум в городе Канске. Работала в библиотеке Барун-Хемчикского райкома КПСС.

Стремление к совершенствованию закономерно привело ее в столицу нашей республики, где она работала лаборантом кафедры тувинской филологии Кызылского государственного педагогического института, знакомя студентов с литературными произведениями на родном языке. Затем — переход в Тувинское книжное издательство, в котором долгое время работает машинисткой, участвует в подготовке к печати рукописей книг.

З. А. Намзырай — одна из ярких представительниц женщин-поэтов Тувы. Издано три сборника ее стихов.

* * *

60 лет Кок-оолу Толуевичу Чамьяну.

Он родился 5 февраля 1931 года в широких степных просторах О-Шынаа Тес-Хемского района.

С восемнадцати лет начал работать в школе, продолжая педагогическое образование заочно. Окончил филологический факультет Кызылского педагогического института. По

мере накопления учительского опыта назначался заместителем директора по учебно-воспитательной работе, директором школы. В настоящее время — учитель тувинского языка и литературы Чербинской вспомогательной школы.

Литературной деятельностью К. К. Чамьян начал заниматься с 1965 года, публикуя прозаические произведения — рассказы, очерки, повести. Изданы отдельными книгами «Люди нашего села», сборник рассказов и повесть; «Свет на зимовке», повесть; «Глубокий корень», повесть; сборник рассказов и повесть «Майский цветок». Адресованы его произведения, в основном, школьникам среднего возраста.

* * *

15 декабря 1991 года исполнилось бы 90 лет Салчаку Калбакхореквичу Тока, народному писателю Тувинской АССР, партийному и государственному деятелю, лауреату Государственных премий СССР и Тувинской АССР. Основным его произведением стала трилогия «Слово арата», широко известная как в республике, так и за ее пределами.

Кроме художественной прозы, С. К. Тока работал и в жанрах публицистики и драматургии. Его пьесы составляют неотъемлемую часть репертуара Тувинского республиканского музыкально-драматического театра.

Новый взгляд на развитие тувинской литературы, утверждающий сегодня, внесет свои коррективы в

стереотипное восприятие творчества писателя; историки в свете выявившихся фактов изучат его политическую и государственную деятель-

ность. Но безусловным останется место С. К. Тока в истории тувинской литературы как одного из ее основоположников.

* * *

Правление Союза писателей Тувинской АССР, редколлегия альманаха «Улуг-Хем» горячо приветствуют и сердечно поздравляют наших юбиляров Зою Алдын-ооловну Намзырай, Кок-оола Топуевича Чамыяна и желают им крепкого здоровья, долгих лет активной творческой жизни на благо многонациональной советской литературы.

Содержание

ПРОЗА

Нэлли Доржуева «Начало полнолуния». Из повести	3
Дарья Гуниченко «Красивый Дьявол или История любви и жизни колхозного агронома». Главы из романа	18

ПОЭЗИЯ

Екатерина Танова «Осенняя река». «За девять перевалов...» Переводы С. Козловой. «Бабье лето», «Жеребенок». Переводы К. Емельянова. «Хулук-Бора». Перевод Э. Цаллаговой	40
Светлана Козлова «Горячие точки». Сто строк рифмованной публицистики	44
Ховалыг Артык «Гроза», Три сонета. Переводы К. Емельянова. «Ради тебя». Перевод Л. Батуриной. «Петух», басня. Перевод С. Козловой	47
Людмила Санчай «Мать и Вселенная». «Единство». «Не тревожься, Россия!» «Боль». «В моем доме»	50
Зоя Намзырай «Случайная встреча». «Воспоминанья о тебе...» Переводы С. Ондур. «Суета». «Песня души». Переводы И. Принцевой	55
Эмма Цаллагова «Летающая птица». «Любить высокие слова...» «Не тронуть взглядом...» «Возвращение к поэзии». «Тихая стая». «Вот и все...»	58
Лидия Иргит «Зеркало». «Думы у могилы». «Четверостишия». Переводы К. Емельянова	62
Саяна Ондур «Любовь», «Звездная дева». «Одиночество». «Свекровь», «Огненная Лошадь». «Прозрение юности»	64
Зоя Амыр-Донгак «Для глаз чужих...» «Сленая ночь...» «Родился в сердце мрак...» Переводы И. Принцевой. «Скала без тепла». «Думы на стойбище». Переводы К. Емельянова	70
Инна Принцева «Лихолетье». Цикл стихов. «Август мечется в темном жару...» «Снежный сон...» «Кольцо на горле»	72

Новые имена

Лидия Куцевалова «Отвечать на неведомый свет», «Не думаю, не мечтаю...» «Эти розовые туманы...» «Слаба, сильна, мозговита...»	75
Елена Манзанова «Под нефритовой луной». «В глубокой темной ласковой воде...» «Одинокая ночь»	77
Светлана Турчина «В несколько строк»	80
Чимис Ламажаа «Синий вечер...»	82

ДРАМАТУРГИЯ

Любовь Батурина «Возможно ль счастливыми быть...» Комедия . . .	83
Марьям Рамазанова «Кускежик». Пьеса-сказка в двух частях . . .	101

САТИРА И ЮМОР

Лидия Черепанова «Почему развалился завод или Как я стал писателем». Рассказец . . .	122
Светлана Байыр-оол «Мухи». Басня в прозе	125

ВОСПОМИНАНИЯ

Мария Ермишкина «Женщина на войне»	127
--	-----

ФОЛЬКЛОР

Мargarита Татарницева «Побывальщины»	137
Мария Сарыг-оол «Праздник воды». Из воспоминаний о С. А. Сарыг-ооле	140

ПУБЛИЦИСТИКА

Надежда Антуфьева «Записки матери»	144
--	-----

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Зоя Самдан «На распутье»	156
Мария Хадаханэ «Швейцар? Официант? Или учитель жизни?» . . .	162
Айлана Кужугет «Женщина Тувы в искусстве»	166

НАШИ ЮБИЛЯРЫ	172
------------------------	-----

УЛУГ-ХЕМ № 27

Литературно-художественный альманах

Художественный редактор *М. Ч. Чооду.*

Технический редактор *А. А. Чернова.*

Корректор *А. С. Казанцева.*

Сдано в набор 30.01.91. Подписано к печати 15.05.91.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офс. № 2. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Физ. печ. л. 11. Усл.
печ. л. 10,23. Усл. кр.-оттисков 10,58. Уч.-изд. л.
10,04. Цена 65 коп. Тираж 2000 экз. Заказ 426.

ТП 1991 г.

Тувинское книжное издательство, 667000 Кызыл,
ул. Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография Госкомиздата Тувинской АССР, 667000
Кызыл, ул. Щетинкина и Кравченко, 1.

65 коп.

КЫЗЫЛ
ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО